

ХВОСТОВА К.В., ФИНН В.К.
ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ / УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. – М.: НАУКА, 1995. – 176С.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Подобное пособие предлагается впервые в отечественной практике высшей школы. Однако его необходимость живо ощущается. Преподавание истории во многих университетах России ведется в отрыве от рассмотрения гносеологии и логики истории, т.е. тех познавательных процедур и логических средств, которые используются в исторической науке и отличают её от других наук. Это способствует распространению ряда заблуждений. В частности, бытует мнение, будто историей заниматься очень легко, а исторические сочинения, авторы которых не используют специального «технического» языка, понятны всем, и их легко создавать. Кажется, что для этого достаточно взять 2-3 исторические книги и изложить прочитанное «своими словами». На самом деле в основе исторических исследований лежит огромный труд. При этом его результат зависит не только от анализа исторических источников, о чем знает каждый историк-профессионал, но и от так называемого предзнания и его интерпретации исследователем. Эта последняя зависит от мировоззренческого, социологического и культурологического контекста того времени, в котором живет и работает данный историк.

Кроме того, распространены два прямо противоположных заблуждения. Одно состоит в том, что история вообще не рассматривается как наука. Она будто бы представляет собой нечто среднее между искусством и наукой. Поэтому в историческом сочинении главное – это литературная форма изложения материала, образный язык, но бессмысленно требовать от такого сочинения точности и адекватности понимания прошлого, согласованности историков в их интерпретации источников, т.е. всего того, что называется в науке объективностью. Другое заблуждение заключается в том, что историю рассматривают как науку, близкую к точному знанию, и сравнивают, например с физикой.

Мы полагаем, что эти и многие другие неясности в понимании того, что представляет собой историческое знание, происходят в значительной мере от слабого знакомства с исследовательскими процедурами и логикой исторических рассуждений, т.е. гносеологией и логикой истории. Соответствующие познания могут содействовать формированию действительно научного представления о характере исторического знания и показать, что оно является специфическим видом гуманитарно-общественных наук.¹

Что же касается историков-профессионалов, то глубокое владение ими логико-гносеологическими процедурами исторического исследования уберёжет их от ряда досадных логических ошибок, которые иногда встречаются в трудах

¹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 3.

по истории. В частности, нередко дискуссия о содержании исторических событий и процессов подменяется спором о наименованиях и понятиях. В силу всего сказанного выше авторы настоящего пособия убеждены в необходимости распространения знаний по гносеологии и логике исторической науки.

Есть еще одно немаловажное обстоятельство, побуждающее нас предложить вниманию молодых специалистов в области названных выше дисциплин данную книгу. Современная историческая наука невозможна без использования новых методик и исследовательских процедур, неизвестных историкам-профессионалам прошлых десятилетий. Речь идет о применении процедур и методов, связанных с современной информатикой, формальной логикой, средствами современных интеллектуальных систем, статистикой и моделированием. Информация исторических источников в наши дни может храниться на машинных носителях и обрабатываться с помощью комплексных методик, включающих традиционные приемы интерпретации, понимания, интуитивного проникновения в знаковую ситуацию эпохи, семантический анализ терминов, а также новые методы количественного и формального анализа материала.

Применение новых методик и логико-познавательных процедур находится в центре внимания авторов данной книги. Соответствующая проблематика придает ей, как мы полагаем, характер, отвечающий современному уровню не только истории, но и других названных выше дисциплин.

Преимущественное внимание к новым исследовательским процедурам и методам, к междисциплинарному комплексному пониманию гносеологии истории сказалась и на организации материала, в частности, научного аппарата, примечаний, содержащих ссылки на малоизвестные исследования по междисциплинарным методам и процедурам, используемым в современных исторических сочинениях.

В заключение отметим, что мы не ставим себе целью всеобъемлюще охарактеризовать историческое познание. Дело в том, что многие относящиеся к этому познанию проблемы, в частности исторического повествования, описания (нарратива), неоднократно становились объектом изучения.² Существует не один десяток работ, выполненных за рубежом, в СССР и в России (например, за последние несколько десятилетий, характеризующихся преодолением позитивистской картины мира), в которых прямо или косвенно дебатировались проблемы исторического познания. Поэтому естественно и целесообразно заявить о той акцентировке проблем и аспектов, относящихся к нашей теме, которая характерна для данной книги. В этой связи отметим, что мы попытались найти свой сюжет, который слабо затрагивался в русле соответствующей проблематики. Этот сюжет определяется также тем,

² См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Коллингвуд Р. Идея истории. М., 1980; Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1978; Парк А.А. Нарратив как проблема методологии исторической науки // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1975. Вып. 361; Ракитов А.И. Историческое познание. М., 1984; Лооне Э.Г. Современная философия истории. Таллинн, 1980; Иванов Г.М. Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973; Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Уйбо А.С. Теория и историческое познание. Таллинн, 1988; Хвостова К.В. Вопросы исторического познания // Новая и новейшая история. 1994. №3.

что авторы – историк и логик – хотели бы рассмотреть проблему с соответствующих позиций, а именно, показать, как воспринимает всю конкретику исторического познания именно историк, а также, какова при этом логика исторических рассуждений и аргументации, обеспечивающие своеобразную систему аргументации, своеобразное сочетание процедур и методик в историческом знании. В работе присутствует значительное количество примеров исторического рассуждения, которые обеспечивают ту наглядность изложения и ту конкретику, которая может заинтересовать в первую очередь именно историков, но, как мы надеемся, может показаться интересной и для философа. Особенность данной работы заключается еще и в том, что авторы обращаются в основном к историческим примерам, относящимся к средневековой истории. Это объясняется, с одной стороны, тем, что один из авторов является специалистом в области медиевистики, а, с другой – стремлением проиллюстрировать авторское понимание гносеологии истории на примерах истории отдаленного прошлого, при изучении которого используются познавательные процедуры и методики, отличные от применяемых при изучении ближайшего исторического прошлого. Последние более близки к соответствующим процедурам и приемам социологии, экономической науки, политологии, тогда как изучение отдалённого прошлого можно сказать «в чистом виде» обнаруживает специфику гносеологии и логики исторического исследования.

Глава I

ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ГНОСЕОЛОГИИ ИСТОРИИ

Мы рассматриваем историческую науку как смешанное обществоведчески-гуманитарное, т.е. комплексное знание, обладающее специфическими чертами, своей логикой и особенностями познавательных процедур. Характерные черты исторического познания определяются комплексным объектом изучения исторической науки. Современная история изучает прошлое во всем его конкретном историческом разнообразии, применительно к определенному времени и регионам, а также в сравнительном плане – путем сопоставления эпох и историй народов.

Изучение исторического прошлого (впрочем, как и современного состояния общества) означает реконструкцию событий, процессов, отношений, ценностных установок, институтов, постижение их исторического содержания и оценку этих явлений с точки зрения современного знания. Соответственно, в историческом познании различаются так называемый имманентный³ и оценочный или теоретический⁴ уровни изучения.

Интерес к истории возник на заре человеческой культуры, и связан с

³ Имманентное – внутренне присущее тому или иному предмету, явлению или процессу свойство (закономерность).

⁴ Теоретическое – полученное в результате идеализации отдельных сторон предмета или явления, знания полученные посредством анализа, синтеза и обобщения.

вечным стремлением человека познать самого себя и смысл жизни, понять и оценить эту жизнь. Это стремление, лежащее в основе имманентного и оценочного уровней в изучении прошлого, отличает историю профессиональную от любительской.

Первый из названных уровней исследования предполагает реконструкцию изучаемых явлений прошлого путем вхождения исследователя в знаковую ситуацию изучаемой эпохи, т.е. благодаря восстановлению свойственного этой эпохе понятийно-категориального аппарата. Второй связан с выявлением исторической роли изучаемых феноменов, их места в системе других явлений с учётом исторической перспективы, неизвестной современникам, но определяющей их оценку с точки зрения последующей истории. Оценка осуществляется с помощью высказываний, в которых используются категории и понятия науки, современной авторам исторических исследований.⁵

Оценочный уровень изучения истории основан на использовании научных категорий типа: роль, значение, прогресс, положительный, отрицательный эффект и т.д. Кроме того, неявно этот уровень связан с фактором, лежащим за пределами науки и отражающим общественные интересы индивидуумов или отдельных групп. При гносеологическом анализе знания далеко не всегда удается отделить рассуждения, связанные с научной исследовательской ситуацией от рассуждений, отражающих общественные интересы.

А.Ф. Лосев – русский философ и лингвист, изучая античную философию истории, заметил: «Невозможно изучать историю предмета, о котором неизвестно, что же он собой представляет».⁶ Определение содержания выражения «гносеологические и логические особенности исторической науки» зависит от общефилософских, мировоззренческих представлений, свойственных той или иной эпохе и авторам исторических сочинений. По-разному понимали содержание и научную значимость истории общества, а соответственно и оценивали историческое знание и познание, допустим, Платон, Фукидид, Г.Т. Бокль, Э. Дюркгейм, К. Маркс, Р. Коллингвуд и другие философы, и историки – яркие представители различных философских направлений и школ. Этот вывод является достижением гносеологии истории второй половины XX в., хотя отдельные высказывания философов и историков на этот счет, безусловно, имели место и ранее. Мы имеем в виду механистические, детерминистские по существу социологические теории общества, отрицающие роль процесса, и пытающиеся найти исторические аксиомы. Соответственно, мыслители не различали, точнее, не акцентировали различие и в целом соотношение факта исторической реальности и факта исторического знания.

Мы же воздержимся от выделения, каких бы то ни было приоритетов при изучении прошлого, как-то: цивилизация, культура, нация, общественные процессы, ценности, государство и т.д. Определение приоритетов, как известно, характерно, например, для таких направлений философии истории, как

⁵ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 6 – 7.

⁶ Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977. С. 3.

марксизм, структурализм, некоторые разновидности французской исторической школы Анналов, а также для многих ученых: А. Тойнби, Р. Коллингвуда, Ф. Броделя, П. Шоню и др. Подобное ограничение, накладываемое нами на изложение материала, диктуется тем, что проблемы философии и теории истории имеют самостоятельное значение и их подробное изложение увело бы в сторону от основной темы исследования – рассмотрения процедур, логики и методов исторического познания.

Однако мы не можем полностью уйти от соответствующих философско-теоретических вопросов. Следует отметить, что наше представление об исторической реальности, познание которой мы определяем как комплексное, ближе всего к современным так называемым холистическим (целостным: от греческого холос – целый) концепциям. В пределах таких концепций общество рассматривается как взаимосвязь событий и ситуаций. И более или менее, устраняются крайности, с одной стороны, индивидуалистского подхода, представители которого рассматривали историческое прошлое, равно как и современность, как временную связь неповторимых событий, и, с другой стороны – структуралистского, в основе которого лежит мнение, согласно которому общество представляет собой слабо интегрированную структуру факторов, позволяющую вычленивать относительно устойчивые взаимосвязи. Именно холистическое понимание истории близко к концепции глобальной истории некоторых представителей французской школы Анналов, отстаивавших идею цельности человеческого бытия и деятельности человека. Подобную идею отстаивали и некоторые представители неотолизма.⁷

В то же время понятие комплексного подхода как гносеологическая проблема, предполагающее предварительный общий охват предмета изучения, естественно, подразумевает выявление в этой целостности различных аспектов и акцентов, отличающих исследования друг от друга. Еще Аристотель признавал важность и необходимость исследовательских аспектов, а известный представитель критического рационализма К.Поппер справедливо считал, что целостность, гештальтность не может быть объектом конкретного анализа. Таковым являются проблема, аспект, ставший итогом акцентирования отдельных функциональных связей целостности. Именно благодаря такой акцентировке возникли отрасли исторического исследования, такие, как социально-экономическая, политическая, культурная истории, отличающиеся спецификой исторических источников, проблематики и исследовательских процедур. Поэтому утверждения представителей некоторых современных гносеологических концепций требуют уточнений. Считается, например, что названные определения, характеризующие отдельные проявления исторического развития, неправомерны, следует изучать целостного человека в его общественном историческом бытии. Частично подобное мнение высказывается специалистами в области исторической антропологии, социальной психологии при рассмотрении культуры, цивилизации, менталитета

⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 8.

в качестве исследовательских приоритетов. В действительности, при таком подходе, как бы забывают о том, что целостное понимание исторического прошлого, характерное для современного знания, не исключает, а предполагает выявление отдельных сторон, аспектов рассмотрения и расстановку акцентов при конкретном анализе отдельных проблем.⁸

Изучение исторического прошлого не может происходить вне представлений об историческом времени. С точки зрения наук о жизни, человек существует в физическом непрерывном времени и различает временные периоды, руководствуясь, с одной стороны, астрономическим календарем (смена дня и ночи, времен года: месяцы, недели, дни), а с другой – своими психофизиологическими и эмоциональными ощущениями (возрастные изменения в организме, болезни, рождение и смерть близких, а также важные, запоминающиеся на всю жизнь события в жизни индивидуума).

Что же касается исторического времени, различающего представления о прошлом, настоящем и будущем, то это понятие гносеологии истории, социологии, футурологии заслуживает специального внимания. Историк осуществляет периодизацию истории в соответствии со своими общими представлениями о всемирно-историческом процессе. Исходя из определенных теоретических концепций и в соответствии с выбранными критериями, он вычленяет, например, эпохи, цивилизации, культуры, социально – экономические формации.

Проблема исторического времени в новейшей философии оказалась наиболее разработанной в экзистенциализме. В философии М. Хайдеггера, У. Баррета, время, в границах которого протекает жизнь человека, характеризуется в терминах личного переживания, целью которого является выход за пределы темпоральности. Это означает обретение душевного состояния, независимого от внешних обстоятельств и формирование взгляда в будущее, основанного на обдумывании пережитого. Эти идеи близки к тем, которые повсеместно решала и решает религиозная мистика. Однако у экзистенциалистов мистический экстаз заменен обдумыванием, разумным отношением к опыту. Результатом такого отношения является, как полагают ученые, способность к датированию, т.е. временная ориентация в прошлом.

Первая всемирная история была написана в эпоху раннего средневековья христианским историком Евсевием Кесарийским (кон. III – нач. IV вв.). Это была история, включающая ветхозаветные предания, а также события, содержащиеся в трудах античных историков. Позднее блаженный Иероним перевел труд Евсевия с греческого языка на латынь, дополнил его. Кроме того, он разделил всемирную историю на четыре периода, связав каждый из них с существованием великих империй: Ассиро-Вавилонской, Мидо-Персидской, Греко-Македонской и Римской. Последняя должна была, по мнению христианских писателей, длиться вплоть до Страшного суда. Эта периодизация доминировала в течение всей средневековой эпохи. Очевидна ее связь с

⁸ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 9.

общехристианским мировоззренческим идеалом, определением смысла всемирной истории как поисков людьми нравственного совершенствования в соответствии с идеей искупления. Время понималось как линейное, телеологическое, эсхатологическое течение жизни, а история – как процесс. Понятие процесса и идея всемирно-исторического развития человечества во времени, акцентирование при понимании всемирной истории связи всех людей с их происхождением от единого прародителя Адама, – достижения христианской историко-философской мысли по сравнению с античной, представители которой описывали жизнь отдельных этносов и регионов.

Многочисленные периодизации истории, созданные в новое время, а также современные, также свидетельствуют об их зависимости от общих философско-теоретических и гносеологических идей и концепций их авторов, от общего теоретико-культурологического контекста. Мы знаем, что, например, историки-марксисты, исходя из идей исторического материализма, разделяли исторический процесс на этапы, именуемые социально-экономическими формациями. А. Тойнби связывал историческое время со сменой цивилизаций, Г. Тард рассматривал всемирно-исторический процесс как смену традиций.

Установление определенных периодов, эпох, связано с исследовательской процедурой, которую можно условно назвать исторической инверсией. Подразумевается признание в обществе и в деятельности людей определенных инвариантов. В частности, в европейской христианской традиции большую роль играет признание традиционности, неизменности определенных качеств, свойственных человеку. Эти качества имеют, согласно одним теориям, божественный, а, согласно другим, – связанный с природой характер.

Сказанное обнаруживает важность понятия исторического времени как гносеологической характеристики, показывающей, каким образом представители разных научных школ и направлений оценивали смысл происходящего в истории, т.е. какие события, факты и тенденции они квалифицировали как переломные, позволяющие говорить о смене эпох, периодов и проч. Прошлое в развитии истории человечества – это те события, факты, тенденции, которые, по мнению историка, имели в свое время большое значение, повлияли так или иначе на дальнейшее развитие, но, тем не менее, сменились другими тенденциями, не однородными с данными, несущими иной исторический смысл.⁹

Например, роль христианской церкви в Европе по-разному оценивалась и оценивается, с одной стороны, теми учеными, которые придерживаются воззрений научного рационализма, во всех его разновидностях, а с другой – теми, кто разделяет идеи религиозной философии, скажем, томизма и неотомизма. Рационалисты признают существенные изменения исторической роли церкви и религии на протяжении многовековой истории существования христианства и связывают с изменениями этой роли периодизацию исторических процессов. Сторонники религиозной философии склоняются к

⁹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 10.

акцентированию преемственности влияния, оказываемого церковью и религиозными воззрениями на истории человечества.

Различение прошлого и настоящего определяет грань между историй, с одной стороны, и социологией, политологией – с другой. Эта грань весьма подвижна, зависит от поставленных проблем и выбранных методик, т.е. носит гносеологический характер.

Субъективизм в трактовке проблем исторического времени, в понимании прошлого, исторического «теперь», в характеристике исторических вех в развитии цивилизаций, государств, регионов вовсе не означает отсутствие в соответствующем разнообразии воззрений объективного начала. Существуют так называемые примарные, равно, как и производные, т.е. более сложные, но несомненные факты и события действительности, которые констатируются всем научным сообществом историков, независимо от их индивидуальных подходов к пониманию исторического времени. Происходили войны, и заключался мир, существовали разные государства и правили определенные деятели, издавались всем известные законы, рождались произведения культуры. Все эти события и факты лимитируют разброс мнений относительно периодов истории в пределах исторического времени и побуждают рассматривать понятие исторического времени как гносеологическую характеристику профессионального знания, т.е. как понятие, связанное с системой научных процедур, направленных на познание прошлого.

Мы постулируем нашу приверженность к комплексному пониманию истории как науки, предполагающему внимание исследователя как к индивидуальным деяниям исторических личностей прошлого, к изменчивым, случайным, единичным и неповторимым фактам, т.е. к так называемой событийной истории, так и к явлениям социального порядка, социальным структурам и тенденциям, имеющим, в том числе, и статистический характер на протяжении определенного временного периода и по отношению к некоторому региону. Соответственно, признаётся целесообразность использования междисциплинарных исследовательских процедур и отвечающих им методик. Эти процедуры и методики в некоторых своих проявлениях смыкаются с аналогичными по своему назначению приемами других наук: социологии, экономики, гуманитарного знания. Научная актуальность применения междисциплинарных методов исследования в исторической науке, в том числе количественных и формальных, признана в настоящее время широкой научной общественностью, о чем свидетельствует присуждение Нобелевской премии известным американским клиометристам (клиометрия – применение количественных методов в истории) У. Фогелю и Д. Нортю.¹⁰

Интерес к индивидуальному в современной истории (который в гносеологическом плане иногда именуют идеографией) восходит не только к Г. Риккерт, В. Дильтею и В. Виндельбанду. как обычно считают, но и, в конечном счете, к античным и средневековым представлениям о различении

¹⁰ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 11.

духа и природы. Интерес к общественным отношениям, тенденциям, структурам (что иногда в гносеологии обществоведения называют номотетикой) в конечном счете, связан с социологическими воззрениями XVII—XVIII вв., но непосредственно с такими философскими и социологическими школами, как позитивизм, социология Э. Дюркгейма и М. Вебера, марксизм, структурализм, теории ряда представителей школы Анналов и т.д. Идеи приверженцев этих направлений, несмотря на множество различий, имеют то общее, что рассматривают социальные отношения и их временную динамику как результат взаимодействия многих людей, поступки которых мотивированы и личными интересами, и социологическим контекстом. Кроме того, теории конца XIX – XX вв. интерпретируют общественные отношения не как сумму отдельных действий, а как явление, не сводимое к такой сумме и имеющее свой внутренний механизм функционирования.¹¹

В рамках современных технократических цивилизаций, как это отметил, например, известный голландский историк первой половины XX в. И. Хейзинга, резко возросло влияние общественной ситуации на характер социального поведения личности. Поэтому в историческом познании большое место отводится изучению социальных структур, тенденций, стереотипов сознания и поведения, анализ которых предполагает использование других исследовательских процедур кроме тех, которые необходимы при исследовании индивидуальных поступков, взглядов исторических деятелей и отдельных событий. Внимание к изучению общественных отношений, как известно, связано с марксизмом. В марксистской историографии можно назвать множество серьезных исследований, посвященных анализу общественных структур, процессов, явлений, социального поведения групп и классов в прошлом.

Интерес к общему в современной исторической науке особенно заметен в том внимании к изучению цивилизаций, т.е. инвариантных общественных ценностей и институтов. Сравнение цивилизаций: христианской и исламской, разновидностей восточных цивилизаций, а также западно-христианской и восточно-христианской, русской и западной, евразийства, едва ли не самые популярные темы современной компаративной истории и культурологии.

Междисциплинарный комплексный исследовательский подход предполагает, повторяем, правомерность и необходимость использования методов структурного анализа, логических приемов, количественных методов. Подразумевается также применение приемов информатики, современных интеллектуальных систем. Это не означает забвения так называемых традиционных методов исторического анализа, прежде всего, историко-сравнительного метода, необходимости установления генетических и причинно-следственных связей, семантического анализа терминов и понятий, содержащихся в исторических источниках, общей характеристики эпохи, цивилизации, культуры в историческом повествовании (нарративе) и т.д.¹²

¹¹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 12.

¹² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие

Целесообразно сделать некоторое уточнение. Говоря о комплексном характере исторического познания, мы характеризуем его в целом, имея в виду комплексный характер объекта изучения исторической наукой – саму реальность и деятельность людей. Однако подобные утверждения вовсе не означают, что комплексным должно быть всякое конкретное историческое исследование, т.е. что в нём обязательно должны быть применены все известные исторические методики и использованы соответствующие им гносеологические и логические процедуры. В отдельных исследованиях, посвященных конкретной проблематике, используются лишь отдельные методы и процедуры – те, которые помогают решению поставленной задачи, связанной с выбранным для изучения фрагментом реальности. Иными словами, экономический анализ действительности или историческая биография требуют разных приёмов исследования. Мы рассматриваем в этой книге гносеологию и логику исторической науки в целом, но не выделяем для специального рассмотрения гносеологию отдельных направлений исследования.

В русле комплексного подхода к познанию исторического прошлого как бы снимается противоречие между сугубо индивидуалистической трактовкой истории, которая наиболее полно выражена у Риккерта, и стремлением к анализу социального контекста, наиболее ярко представленного в марксистских работах, у последователей Э. Дюркгейма, структуралистов и т.д.

Историческая логика, по Риккерт, совершенно лишена общности.¹³ Картина действительности индивидуалистична, задача исторического мышления состоит в том, чтобы обнаружить индивидуальные причины, которые, как он утверждает, адекватны следствиям. Иными словами, имеется индивидуальное описание исторического события, а общие понятия не в состоянии аппроксимировать историческую действительность. Питирим Сорокин пытался примирить противоречие между изучением индивидуального и общего, различив исторический и социологический угол зрения на общество. История – это индивидуальная картина действительности, её портрет, а социология – это нахождение общих закономерностей, полезных для использования в инструментарии историка. Таким образом, в соответствии с «риккертской» точкой зрения, арсенал современной логической науки является малоприменимым в области истории. Если же придерживаться точки зрения Питирима Сорокина, то осуществим синтез – учёт индивидуальных исторических особенностей и нахождение типов, образцов, установление некоторых закономерностей, некоторых сходств. История – это общественно-гуманитарное знание. Когда мы говорим об исторической действительности, то имеем в виду диахронию, смену состояний, а когда мы говорим о социологической действительности – синхронию.¹⁴

Таково одно из гносеологических различий исторической науки и со-

для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 12 – 13.

¹³ Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908. С. 9 – 71.

¹⁴ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 13 – 14.

циологии.

Комплексный подход к изучению прошлого базируется на онтологическом допущении, согласно которому объект анализа в историческом знании отличается многофакторностью. Реконструкция картины мира, общее понимание источников эпохи основаны на цельности восприятия их исследователем. Эта цельность позволяет говорить об образе, гештальте. Идеи целостного гештальтного понимания истории и рассмотрение смены циклов таких гештальтов ярко выражены у Арнольда Тойнби.

Очень важное проявление целостного представления о прошлом, характерного для историка, состоит в следующем. Обычное причинно-следственное отношение, анализируемое в естественных науках, бинарно. Нечто, сам объект или часть объекта вызывает что-то, т.е. следствие. Бинарная причинность приводит к универсальной закономерности, о которой говорил Риккерт. Естественнонаучное мышление относится к характеристике законов.

Законы, которые формулируются в гуманитарном и общественном знании, – законы диахронии, развития, становления, генетических связей, континуитета, т.е. исторического процесса, – и законы синхронии, т.е. законы в определённом пространственном ареале в пределах фиксированного времени, раскрываются на фоне некоторого исторического контекста. Они формулируются как некоторые потенциалы, которые могут функционировать, но могут и не функционировать. Это свойство должно учитываться с помощью понятия тернарной причины. Некоторый объект или, точнее, подобъект, трактуется как причина наличия (или отсутствия) некоторого множества свойств при условии отсутствия ограничений из области другого множества условий. Множество условий может реализоваться, а может остаться нереализованным. В зависимости от этого эффект возникает либо не возникает. Зависимость последовательности причина – следствие от множества дополнительных условий и создает тернарность причинного отношения в гуманитарных и общественных науках. В этой тернарности скрывается одна из возможностей описания индивидуальности, о которой говорил Риккерт, а также связи этого описания с необходимостью выделения причинных цепей (идея Макса Вебера). Можно выделить типы причинных отношений, которые встречаются в гуманитарных науках, а также вообще в науках о жизни. Это, прежде всего, необходимые причины. Пример необходимой причины исследовался, в частности, Питиримом Сорокиным в его известной работе «О революции» Он выделял некоторые факторы, которые составляют необходимые предпосылки возникновения революционных изменений.¹⁵

Далее следует учитывать наличие в гуманитарно-общественном знании событийных причин, которые характеризуют индивидуальность события и в некотором смысле могут как бы и не учитываться при построении причинных цепей, относящихся к состояниям и приводящих к какому-то эффекту. Однако это вопрос детальности исследования: в ряде случаев эти причины и нельзя

¹⁵ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 14.

исключать. У Макса Вебера говорится об альтернативных описаниях исторических явлений, высказывается предположение о том, что некоторая событийная причина играет двойственную роль в процессе, а именно, она может быть существенной, влияющей на процесс и несущественной, т.е. процесс развивался бы и при её изоляции.

Имеются еще фактические причины, создающие фон для реализации необходимых причин. Это «обслуживающие» причины. Вообще в обществе, как в прошлом, так и в настоящем, существуют сложные функциональные связи между факторами, которые в исследовательской ситуации в связи с целями, проблемами и гипотезами исследования могут интерпретироваться как причинные. Всякое исследование как многоаспектное, побуждает историка к выявлению наиболее существенных и устойчивых влияний, которые обычно характеризуются как причины.

Причинная зависимость в человеческом обществе – это взаимодействие среды, социально-экономических, политических процессов и отношений, с одной стороны, и деятельности, как отдельных личностей, так и социальных общностей, – с другой. Это в отличие от естественных наук тернарные, а не бинарные отношения. Такое понимание названной взаимосвязи характерно для марксизма, структурализма, школы исторической социологии Э. Дюркгейма. Однако её признают и сторонники сугубо идиографического подхода к истории. Комплексный подход предполагает конструирование исследовательской ситуации, в рамках которой могут быть оценены и причинные и функциональные зависимости. Соответственно, используются статистические, формальные методы, математическое моделирование, а также весь арсенал традиционных качественных методик исследования, базирующихся, в конечном счёте, на интуиции и интерпретации. Сложность состоит в том, что результаты воздействия на среду, включающую как внешние природные, так и социально-экономические и политические отношения многих индивидуумов, каждый из которых осуществляет мотивированную, целенаправленную деятельность, оказываются в итоге отличными от тех результатов, которые действующие индивидуумы предполагали получить.¹⁶

Многоаспектность исторического познания позволяет в разных исследовательских ситуациях акцентировать разные стороны взаимосвязей изучаемых факторов. Например, связи, рассматриваемые в пределах некоторой исследовательской ситуации как причинные, в другой исследовательской ситуации, допустим, с более широкими временными рамками, целесообразно трактовать как функциональные.¹⁷

Цельность, гештальтность понимания в истории проявляется в характерных чертах исторической аргументации. Её суть в органичном соединении отдельных элементов рассуждения в единое целое. Это означает, что в системе

¹⁶ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 15.

¹⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 15.

аргументации, используемой в каком-либо конкретном исследовании, каждый компонент рассуждения выполняет свою специфическую функцию и имеет совершенно определенную значимость только в совокупности с другими аргументами в системе данной целостной аргументации. Содержательная нагрузка каждого аргумента-суждения как компонента общей системы, отличается от той, которую это же суждение имеет вне данной системы аргументации. Иными словами, степень доказательности, правдоподобия каждой конкретной системы аргументов может быть определена только средствами ситуационной логики.¹⁸ Система выбранных аргументов наряду с постановкой проблемы и явно или неявно сформулированной гипотезой, зависящей от (опять же явно или неявно существующей) концепции, составляют содержание исследовательской ситуации.

Приведем в качестве примера такое рассуждение. Историк высказывает гипотезу, согласно которой самосознание византийского города было отличным от самосознания западных средневековых городов. Византийское городское самосознание восходит к идее государства-города-полиса Аристотеля, а по своей сути совпадает с государственным самосознанием. Самосознание средневекового западного города восходит к идеям городского коммунального движения периода классического средневековья и является сословным самосознанием, прообразом гражданского самосознания более поздней эпохи. Эти особенности определяются многими факторами как социально-политического, так и мировоззренческого характера, свойственными, с одной стороны, христианскому Западу, а, с другой – христианскому Востоку.¹⁹

В числе суждений, входящих в систему аргументации, предназначенной для обоснования данной гипотезы, в частности, для обоснования наличия в Византии такого типа городского самосознания, которое по существу аналогично полисному и государственно-этническому, имеется констатация следующего свойственного византийской жизни явления. Для Византии не была типичной система феодальных замков, в городе жили не столько ремесленники и торговцы, сколько аристократия и государственные чиновники, осуществлявшие государственное управление. Но этот аргумент важен для подтверждения выдвинутого выше тезиса о различиях в самосознании средневекового Запада и Византии только при условии его связи с другими аргументами в системе общей аргументации. Взятое же в отдельности данное суждение представляет собой констатацию фактической ситуации, так называемое суждение факта, и само по себе не доказывает различий в самосознании в двух названных регионах. Соответствующее явление наблюдалось не только в Византии, но и в других регионах, например, в Испании, где городское самосознание не имело ничего общего с византийским. Функциональная связь аргументов в системе аргументации определяется

¹⁸ Ситуационная логика подробно рассмотрена К. Поппером. См.: Поппер К. Логика социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10.

¹⁹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 16.

целостностью восприятия историком объекта изучения. Функциональный характер взаимосвязи отдельных аргументов, тот факт, что аргументация несводима к сумме значений отдельных аргументов и функционирует в конкретной исследовательской ситуации, к сожалению, не всегда осознается историком-практиком. Последний в ходе исторических дискуссий зачастую выхватывает отдельные суждения из системы аргументации оппонента, из их общей целостности, обусловленной той исследовательской ситуацией, которую сформулировал оппонент, и фиксирует их фактологический смысл, не имеющий сам по себе никакого отношения к соответствующей системе аргументации. Иными словами, игнорируется нерасчленимая связь соответствующих суждений как аргументов с другими аргументами в их общей системе, выбранной исследователем.²⁰

В целом аргументация носит эвристический характер и соблюдение принципов, положенных в её основу – условие последовательного осуществления обоснования в соответствии с особенностями исследовательской ситуации.

Рассмотрим характерный для исторического познания парадокс – с одной стороны, это убежденность историков-профессионалов в том, что они пишут «объективную», т.е. правдивую и достоверную историю, изложение которой зависит только от сведений источников. Они считают, что, обнаруживая новые исторические факты, дают им объективную и в целом единственно правильную интерпретацию, хотя, возможно, неполную, в том смысле, что другие исследователи при условии привлечения новых данных могут её углубить и расширить. Историком свойственно убеждение в том, что вся информация, лежащая в основе его рассуждений, заключена в историческом источнике. Историк-практик как бы не замечает влияния на его рассуждения и выводы многообразного «предзнания». Убеждённый в объективности исследования историк как бы абстрагируется от того факта, что многие историки изучают одни и те же источники, но приходят к разным выводам. Одновременно с этим, историки постоянно оспаривают понимание и объяснение изучаемых явлений, данное исследователями, не только жившими в другое время, но и своими современниками. Что же касается исторических дискуссий, то их участники, как правило, остаются при своем мнении, что вряд ли совместимо с «объективной» истиной естественных наук, которая, впрочем, также обладает своей относительностью, но, очевидно, отличной от той, которая характерна для исторической науки. Историк-профессионал, утверждая «свою истину», иногда забывает о том, что каждое поколение переписывает историю заново в соответствии с новыми социологическим, культурологическим и научным контекстом и мировоззренческим фоном, в соответствии с новым социальным опытом и знаниями, приобретенными консорциумом ученых на протяжении времени. Иными словами, историк-практик не замечает многие субъективные проявления исторического знания, обуславливаемые субъект-объектной

²⁰ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 17

корреляцией, неизбежной зависимостью выводов от индивидуального исследовательского подхода, специфики жанра и содержания используемых источников.²¹

Другая сторона парадоксальности исследовательской ситуации в историческом познании заключается в том, что гносеология истории, которую разумно рассматривать не только с позиций историка-практика, но и с позиций общей гносеологии науки, обнаруживает хорошо известную субъективность исторических рассуждений и суждений в историческом нарративе, неоднозначность истины и полисемантическую природу понятий, используемых в историческом знании, отмеченный выше эвристический характер аргументации. Типичны различные формы скептицизма по отношению к объективности исторического знания, и применяемых историками познавательных процедур. При этом иногда вспоминают о том, что ещё античные философы различали мнение и знание, науку, указывая, что история ближе к первому виду высказываний, чем ко второму.

Проблема объективности, а соответственно и субъективности исторического познания в своем чистом виде не так часто обсуждается в современной гносеологии истории. Она сопутствует обычно явно дискутируемым проблемам исторического понимания и объяснения, особенностей исторического нарратива, характеристики методов исторического познания.²²

Однако весьма примечательно, что современной общей гносеологии науки вовсе не свойственно абсолютизировать особенности истории и в целом гуманитарного знания и познания. Наоборот, подчеркивается, что многие из отмеченных особенностей исторического познания сходны с теми, которые присущи и естественнонаучным исследовательским процедурам. И в естественных науках научный факт является, так сказать, теоретически нагруженным. Его формулировка зависит от концепции. Кроме того, современная гносеология утверждает, что в любом знании (от себя добавим, что и в истории тоже, хотя современная гносеология наук имеет в качестве образца естественные науки) способ познания определяется формулой: «субъект – знание – объект» (далее: «с – з – о»)²³. В любой науке они взаимосвязаны и взаимозависимы. В то же время в каждой науке данное триединство характеризуется своей спецификой соединения этих трех компонентов. Мы покажем, что оно в высшей степени специфично для истории, что, однако, не исключает некоторых общих черт с другими науками на уровне общих социокультурных предпосылок организации знания.

Современная философия внесла множество изменений в понимание фундаментальных принципов и структуры общей гносеологии наук. Уже на рубеже XIX-XX вв. изменилась наиболее распространенная в прошлые столетия парадигма науки, основанная на экспериментальном знании,

²¹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 17 – 18.

²² Об этом подробно см.: Уйбо А.С. Теория и историческое познание. М, 1988. С. 191-214.

²³ Швырев В.С. Анализ научного познания: основные направления формы, проблемы. М., 1988. С. 148.

связанном с естествознанием. История общества, культура и цивилизация были признаны равноправными объектами научного познания, но отличного от естественнонаучного. Можно считать, что в этот период формируется понятие «гуманитарное знание».

Развитие экзистенциализма (К. Ясперс, Т.-П. Сартр, М. Хайдеггер, С. Кьеркегор), а также религиозного модернизма, представители которого в духе Августина ориентировались на человека, его свободу воли, жизненный порыв, субъективный жизненный и религиозный опыт, утвердили значимость гуманитарного знания.²⁴

Во второй половине XX в. развитие антропологизма, субъективизма, интуитивизма, релятивизма вызвали к жизни новую гносеологическую парадигму.

Считается, что в каждой науке присутствуют в той или иной степени процедуры понимания и объяснения²⁵ и, в частности, понимание играет немалую роль не только в идеографическом, гуманитарном знании, но и в науках, изучающих общие законы: т.е. естественных науках, частично в социологии и экономике. Это связано со многими причинами. Изменилось понимание закона науки. Считается, что большая часть теорий современного естествознания не носит аксиоматического характера. Далее, в современной науке признаются не только так называемые динамические законы, основанные на строго необходимой взаимосвязи факторов, но и статистические, отражающие вероятностные процессы и характерные как для физики или техники, так и для изучения социально-экономических процессов прошлого и настоящего, некоторых явлений политической жизни и культуры.²⁶

Признание роли процедур понимания в так называемых ранее номотетических, т.е. изучающих общие законы, науках означает, в частности, то, что выводы, допустим, физики, сохраняя свою достоверность, оказываются включенными в систему иных более отвлеченных теорий, отражающих иной уровень понимания реальности. Кроме того, в настоящее время в отличие от классических теорий познания реальность рассматривается не как застывшее, однажды выработанное состояние, а как процесс. Признается правомерность смены научных теорий, «научных революций», акцентируется содержательная сторона формального знания. Большое значение придается оценке и интерпретации результатов исследования.²⁷ Подобное отношение к познанию, признание его эволюции во времени, связанной с влиянием многих, причем не обязательно сугубо научных, факторов, которые обуславливают общую картину мира, привлекло внимание специалистов в области гносеологии к

²⁴ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 19.

²⁵ Под пониманием в соответствии с распространенной концепцией подразумеваем общее интуитивное проникновение в мир изучаемых объектов, раскрытие его смысловой связи посредством интерпретационной расшифровки знаковой ситуации. Под объяснением понимаем подведение под закон, т.е. сопоставление изучаемых объектов с образцом, моделью, которые включают и ценностные установки.

²⁶ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 19.

²⁷ См.: Лакатос И. Доказательства и опровержения. М., 1967; Пиаже Ж. Генетическая эпистемология // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 54-55.

субъективным психологическим, социальным, культурологическим, так сказать, гуманитарным, а иногда метафизическим – предпосылкам любой науки.²⁸

Отмеченные новации в теории научного познания, связанные с критикой позитивизма, с теориями Т. Куна, И. Лакатоша и других представителей так называемого постпозитивизма, означали не только возрастание роли проблем понимания, субъективной интроспекции по отношению к научному знанию, но и внимание к научной рефлексии. Иначе говоря, возросло стремление выявить неявные предпосылки научного познания, определить нетождественность факта науки объекту изучения²⁹ или, как считал еще Д. Локк, внимание к постоянной направленности человеческой души во всех действиях человека на самое себя. Интерес к мировоззренческим метафизическим проблемам науки, ее культурологическому, эмоционально-психологическому, религиозному, социальному контексту связан по существу с критикой в западной гносеологии истории не только позитивизма, но и вообще классического рационализма в духе Р. Декарта и И. Канта. Наука рассматривается как часть культуры.

Иными словами, в рамках гносеологии науки возрастает интерес ко всем тем проблемам, которые традиционно считались гуманитарными и, в частности, связанными с историей.³⁰ Происходит как бы сближение гносеологических предпосылок гуманитарного, обществоведческого и естественнонаучного познания. Точнее, происходит известное сближение установок на уровне рефлексии, т.е. размышления о неявных условиях и факторах познавательной деятельности, влияющих на познавательные процедуры. Дополнительную основу для подобных сближений создает современная информатика, позволяющая формировать базы данных на машинных носителях, что в равной мере способствует совершенствованию исследовательских процедур, как в гуманитарном знании, так и в общественных науках, не говоря уже о естественных.

Кроме того, применение баз данных на машинных носителях в исторической науке приводит к повышению в ней роли объяснительных процедур, что также, со своей стороны, означает известное сближение гносеологических предпосылок, исторического познания с естественнонаучными. Повторяем, однако, что речь идет главным образом о сближении предпосылок на уровне научной рефлексии, размышлений о познании, а не на уровне состояния конкретных методов, соотношения разных логических приемов и взаимосвязи познавательных процедур понимания и объяснения.

В то же время, не менее существенна и другая тенденция современного

²⁸ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 19 – 20; Метафизика – философское учение о сверхопытных началах и законах бытия вообще или какого-либо определённого типа бытия. В истории философии слово «Метафизика» употреблялось как синоним философии. В поздних образцах феноменологии слово «Метафизика» используется для обозначения досознательного чувственного уровня человеческого опыта.

²⁹ См.: Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.

³⁰ См.: Хвостова К.В. Современные теоретические проблемы информационно-количественного подхода в исторической науке // Новая и новейшая история. 1987. № 6.

знания, состоящая в его спецификации, в возникновении в рамках одной науки ее дополнительных отраслей со своими познавательными процедурами. Это относится и к истории, для которой характерно появление, например, на наш взгляд, перспективного направления, связанного с использованием количественных методов, структурализации объекта исследования, применением приемов информатики и компьютера.

Об отмеченной выше тенденции к сближению на уровне рефлексии, относящейся к научному познанию, гносеологических предпосылок гуманитарного знания и других областей науки, сближению вовсе не означавшему потери всеми отраслями знания своей органической специфики, свидетельствует в некоторой мере теоретическое обоснование современной синергетики – отрасли физики. И. Пригожин – лауреат Нобелевской премии, профессор Брюссельского университета Свободы – и его последователи рассматривают определенные физические явления не в состоянии их статики, как это типично для физики, а в стадии становления, самоорганизации. Исходным моментом физической картины мироздания признается хаос. Интересно при этом, что И. Пригожин, характеризуя свою теорию, ссылается на понимание познавательных проблем в истории, апеллируя, в частности, к представителям французской исторической школы Анналов Ф. Броделю и М. Блоку.³¹

Относительное сближение на уровне философской рефлексии предпосылок различных наук, происходящее на современной информационной базе, не связано с механистическими концепциями социальных наук ХУП-ХУШ вв., представители которых отказывали познанию исторических событий в какой-либо научности и пытались представить науки об обществе как изучение неизменных ценностей, которые они стремились обосновать с помощью методов математики и формальной логики. Таким образом, по существу отрицалась не только научность, но и правомерность гуманитарного подхода к его методикой, направленной на раскрытие смысла прошлого.³²

Комплексный подход в теоретико-философском (но не в методическом) плане абсолютно не связан также с позитивизмом, сводящим науки к логике, абстрагирующемся от мировоззренческих предпосылок, т.е. опять же от гуманитарного подхода к знанию. Тем не менее, сближение в современной гносеологии науки гносеологических предпосылок разных наук, качественно отличаясь от гносеологических идей предшествующей эпохи, имеет, естественно, свои генетические корни. Они очень многогранны. Очевидно, что ни один из серьезных философов не мог не замечать отсутствия в мире «чистых явлений». Поэтому даже В. Виндельбанд – сторонник резкого противопоставления идиографического и номотетического знания – писал: « ... Одни и те же вопросы одновременно допускают как номотетическое, так и идеографическое исследование. Это связано с тем, что противоположность

³¹ Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. №8. С. 4 – 5.

³² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 21.

постоянного и однократного некоторым образом относительно».³³

Итак, на современном этапе развития гносеологии науки не только в любой науке повышается значимость так называемого гуманитарного подхода и, в частности, исторического, но можно утверждать, что разделение наук на идиографические и номотетические требует уточнения, так как в любой науке присутствуют и по-своему соединены процедуры понимания и объяснения. Другое дело, что образец, модель, закон, с которыми при объяснении сопоставляется изучаемая реальность, в разных науках – различны. Это может быть и закон природы и социальной общности, и ценностная установка.³⁴

Сближение теоретико-гносеологических предпосылок различных видов знания делает особенно актуальной проблему триединства в историческом познании формулы «с-з-о». Однако названное сближение отнюдь не уменьшает, а наоборот, углубляет парадоксальность познавательной ситуации в истории, состоящую в специфическом сочетании объективности и субъективности познания. Налицо антиномия, объединяющая явные полярности исторического познания. Особую роль играет субъект, который выступает в двух ипостасях: субъект-исследователь, изучающий под определенным углом зрения некоторый фрагмент действительности, и субъект – автор исторического источника. Кроме того, всем трем компонентам названной формулы с точки зрения теории современного познания присуща подвижность, изменчивость. Поскольку познание является процессом, «научный факт может быть понят только как *fiere*»³⁵. Содержание формулы «с-з-о» изменялось на протяжении времени. Она понималась по-разному представителями разных научных школ и направлений, которые неодинаково воспринимали прошлое, по-разному относились к историческим источникам. Ранее, как и теперь, отсутствовал и отсутствует консенсус ученых в оценке сущности, значения и особенностей исторического познания.

Кроме того, применительно к историческому знанию, формула «с-з-о» – неоднородна не только во временном срезе, но она не тождественна различным видам исторического знания и в пределах каждого отдельно взятого временного периода. А именно, соотношение компонентов «с-з-о» неодинаково в исследованиях по социально-экономической, политической, культурной истории. Совершенно специфическими выглядят соотношения данных компонентов в этнологии, археологии, искусствоведении, палеографии, кодикологии, сфрагистике, геральдике, конкретном источниковедении и других отраслях исторического знания. Другими словами, историческое познание по отношению к некоторым объектам своего изучения выглядит в большей мере как гуманитарное, по отношению к другим – как общественное познание, т.е. в одних случаях акцент делается на изучении индивидуального, а в других – общественных отношений, тенденций, социальных ролей, поведения групп и

³³ Виндельбанд В. История и естествознание: речь при вступлении в ректорскую должность в 1894 году. М., 1901. С. 12.

³⁴ Хвостова К.В. К вопросу об историческом познании // Новая и новейшая история. 1993. №3.

³⁵ Пиаже Ж. Генетическая эпистемология // Вопросы философии. 1993. №5. С. 55.

классов и т.д.³⁶

Можно считать, что поиски обусловленной общим уровнем исторического знания и гносеологии истории путем снятия этой антиномии одна из актуальнейших проблем гносеологии истории. Мы предлагаем её снятие на основе так называемого комплексного подхода к историческому познанию. При этом снятие названной антиномии не означает сведения исторического познания к другим видам познания, или устранение одного из компонентов формулы «с-з-о». Снятие антиномии или главных её проявлений предполагает такую организацию исследовательской ситуации в историческом познании, которая, отражая современный уровень исторического знания, гносеологии и современной системы информации, способствует приведению трёх названных компонентов к их наибольшей гармонии, отражающей цельность познания и аргументации.

Прежде, чем подробнее остановиться на характеристике комплексного подхода, сделаем некоторое отступление и опишем подробнее то, что, мы понимаем под субъективизмом, релятивизмом и объективизмом в истории. В историческом исследовании историк не только осваивает «готовое знание», выбирает объект исследования, он по-разному понимает знание, интерпретирует его, по-своему организует исследовательскую ситуацию. С этой индивидуальной интерпретацией «готового» или предпосылочного, называемого также внеисточниковым, знания связаны постановка исследовательских проблем и выдвижение гипотез.

Проблема объективности и субъективности исторического познания не совпадает с вопросами, связанными с его адекватностью, предполагающей различие факта науки и факта действительности. Несомненно, историческое знание опосредовано историческими источниками, их состоянием, их собственной объективностью и пристрастностью, наличием неизбежных пропусков и субъект-объектной корреляцией, т.е. зависимостью сведений от особенностей жанра источника и личности его автора. Данные исторических источников не могут быть названы эмпирическими в том смысле, в каком являются таковыми данные естественных наук, т.е. результатами эксперимента, которые можно проверить. Исторические факты, реконструируемые на основе исторических источников, не являются объектом наблюдения. Выводы в историческом знании не подлежат такого рода верификации, которая характерна для эмпирического знания.³⁷

Однако возможна фальсифицируемость концепций и выводов, как её понимал К. Поппер. Естественно, однако, что разброс мнений и точек зрения по поводу одной и той же изучаемой ситуации лимитирован наличием безусловных, так сказать, примарных фактов (даты, единичные события), мостообразующих законов, как их иногда называют, на базе которых

³⁶ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 22.

³⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 23.

конструируются в соответствии с индивидуальными представлениями более сложные исторические события, отношения, ситуации, связи между изучаемыми фактами, дается их оценка. Говоря о примарных и сложных исторических фактах, мы имеем в виду факты науки, а не действительности. К сложным фактам следует отнести, например, констатации, которые суть результат выявления взаимосвязей между примарными фактами, или такие факты, как рост или падение влияния политической группировки в определенный момент времени по сравнению с предыдущим.

В истории своя истина, своя объективность, непохожая на объективность естествознания и даже экономических наук и социологии. Некоторые историки полагают, что объективность исторического познания может быть констатирована только в рамках выбранных предпосылок, тогда как выбор самих точек зрения не есть строго обусловленная структура познания и носит эвристический характер²⁵. По-видимому, проблемы объективности и субъективности истории не могут быть рассмотрены вне различения уровней исторического анализа – имманентного и оценочного.

Субъективная интерпретация, связанная не только с информационными особенностями эпохи, с культурологическим и социологическим контекстом, но сугубо личными качествами исследователя: его вкусами, талантом, знаниями, индивидуальной оценкой источника, личности его создателя показывает, что гуманитарное знание диалогично, историк привносит свой смысл в понимание прошлого.

Подобные отличия связаны с такими особенностями гуманитарного и отчасти социального знания, как отсутствие точного языка, наличие нарратива как метода репрезентации материала, цельность восприятия явления, т.е. характеристика его в целом, осуществляемая путём интуитивного схватывания, заложенного в нем общего смысла, благодаря пониманию. К. Ясперс писал, что гуманитарное познание нацелено на постижение действительности в её первозданности²⁶. В историческом познании специфический характер носят понятия. Они отличаются полисемантизмом, а также охватом многих сущностных сторон явления. Например, именно таковым является понятие «цивилизация». Соответственно, эти понятия подлежат многообразной и отличающейся друг от друга интерпретации.

Такие особенности исторического познания обусловлены тем, что объектом изучения историка являются многообразные проявления общественной жизни человека прошлого. Если специалист в области естественных наук изучает закон, но как учёный не интересуется отдельными индивидуальными признаками явлений, то историк исследует многообразие конкретного. Ведь в истории действуют люди, а их мотивы и результаты их деятельности вызывают у других людей разное отношение. А этими другими людьми являются историки. Ботаник, например, изучает некоторый вид цветов, но каждый цветок в отдельности не интересует его как ученого. Он может заинтересовать его только, если этот цветок растет на его клумбе или стоит в его букете, но это уже иной, а именно, эстетический интерес. Каждый историк в зависимости от своих интересов акцентирует различные стороны целостного понятия и

использует его инструменталистские функции в своем исследовании.

В плане анализа полисемантизма исторических понятий представляется парадоксальным то обстоятельство, что, несмотря на слабый консенсус в определении содержания используемых понятий, существующий в среде историков-профессионалов (даже придерживающихся одинаковых или близких взглядов на историю и работающих в одно и то же время) в каждом конкретном исследовании отсутствует определение того содержания, которое придается понятиям. Понятие функционирует, таким образом, как некоторая целостность, а вкладываемый в него смысл существует неявно. Тот факт, что историк, как правило, не конкретизирует используемые им понятия, приводит нередко к тому, что исторические дискуссии, объявленные как диспут о характере исторических явлений, в действительности представляют собой спор о содержании самих понятий. При этом спорящие стороны не всегда отдают себе отчет в этом. Денотат, т.е. фактологическое содержание понятия, и его наименование – не различаются. Это явление, равно как непонимание цельности исторической аргументации отражает уже недостаточную логическую культуру и противоречит интуитивному представлению об истории как достоверном знании о событиях и явлениях прошлого, знании, как считал К. Поппер, основанном на правдоподобном рассуждении, стремящемся к достоверной, максимально возможной нефальсифицируемости.³⁸

Например, на протяжении многих лет в византиноведении велась дискуссия о наличии или отсутствии в Византии государственной верховной собственности на землю частных лиц.³⁹ Одни историки признавали ее, другие отрицали. И те, и другие исходили из анализа одних и тех же источников и обеим спорящим сторонам был известен тот факт, что действующее вещное право византийцев не признавало право государственной земельной собственности в отношении владений своих подданных. Однако те ученые, которые признавали наличие верховной собственности на землю, понимали под этим наименованием не юридическое, но общественное отношение. Спор, таким образом, не был грамотным с логической точки зрения. Ведь участникам дискуссии следовало или условиться о значении, придаваемом терминам, или спорить о целесообразности вкладывать в используемые выражения тот или иной смысл. Во всяком случае, никак не следовало подменять денотат понятия его именем.⁴⁰

Понятийный аппарат исторической науки состоит из общих и частных понятий. Общие понятия – это те, которым соответствуют социальные отношения, явления, институты. Например, такие понятия, как государство, цивилизация, власть, нация, политика, международные отношения, культура, религия, город, система, структура, социальные поведения, класс, социальная группа. Общие понятия, используемые в истории, подразумевают также

³⁸ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 25.

³⁹ См.: Литаврин Г.Г. К проблеме государственной собственности в Византии // Византийский Временник. М., 1975. Т. 35.

⁴⁰ От подобных логических ошибок предостерегал ещё Дж. С. Милль. См.: Милль Дж. С. Система логики: силлогистической и индуктивной. М., 1914. С. 1.

характеристику психологических и нравственных факторов, проявляющихся в исторической реальности. Таковы понятия мотива, цели, нравственной установки и т.д. К общим понятиям принадлежат и общеполитические понятия причины, следствия и др. Как видно, все эти понятия присущи и другим гуманитарным или социальным наукам, а некоторые – и естественным или логике науки. Это обстоятельство лишней раз подчеркивает комплексный, междисциплинарный характер исторического знания. Наряду с общими существует множество частных понятий, отражающих изучение конкретных явлений в определенном пространственно-временном диапазоне. Например, понятие полиса в античной истории, государственной собственности на землю в Византии, понятие средневековой общины, вассалитета, феодализма и т.д. Все они, отражая индивидуальный творческий подход исследователя, могут видоизменяться, уточняться. Они могут по-разному пониматься и формулироваться разными учеными.

Понятийный аппарат исторического знания как бы открыт для всевозможных поправок и уточнений, которые способен внести каждый исследователь на основе своей работы с источниками. Однако эти поправки и уточнения, которые по существу означали бы так сказать доопределение или совершенствование понятийного аппарата, не становятся обязательными для всего сообщества учёных, занимающихся той же тематикой. Каждый учёный интересуется определенным аспектом проблемы, высвечивающим совершенно определенные стороны объекта. Соответственно, в пределах смыслового диапазона частных понятий акцентируется лишь их определенный смысл. Смысловой диапазон иногда расширяется, так как отыскивается новый, никем не отмечавшийся ранее, смысловой оттенок. В основе процесса создания частных исторических понятий лежит семантический анализ встречающихся в исторических источниках терминов и выражений, а также их оценка. Иными словами, понятия формулируются как на имманентном, так и теоретико-оценочном уровне познания истории. Понятия в исторической науке не только полисемантически и «доопределены» в каждом конкретном исследовании, хотя такая доопределенность обычно не фиксирована и существует неявно, они с логической точки зрения отличны от понятий, как математики, так и естественных наук. В математике понятия, как известно, четко и явно определены, соответственно существует точное теоретическое знание. Понятия определяются через абстракцию, через род и видовые отличия, посредством математической индукции и т.д. С точки зрения логики математические понятия идеально устроены и оперирование ими происходит в соответствии с четкими правилами. В физике также используются понятия, определяемые через абстракцию в соответствии с существующими теориями, возникающие по индукции, определяемые через отношение или противоположность. Понятия естественных наук допускают экспериментальную проверку как необходимый компонент признания их научности. В отношении содержания и объема понятий среди специалистов существует консенсус. Понятия определены явно, их индивидуальная «доопределенность» на основе личных мировоззренческих представлений не совместима с принципами позитивного знания.

В истории изначально определены с допущением, так сказать, доопределённость. Наиболее общие ведущие понятия, такие, как «цивилизация», «город», «власть», «международные отношения» и др., т.е. понятия, как правило, не собственно исторические, а принадлежащие какой-либо смежной гуманитарной или общественной дисциплине или же общие для ряда наук. Что же касается таких понятий, которые Г. Риккерт называл индивидуальными, а мы назвали частными, то их определяют далеко не всегда, т.е. их содержание и объем задаются неявно. Каждый исследователь интерпретирует эти понятия в соответствии с собственными позициями.

Например, изучаются представления древних гностиков. Исследователь встречается с понятием Софии, которую определить однозначно и четко не представляется возможным уже потому, что понимание этой гностической категории самими гностиками не было ни однозначным, ни чётким. Определение в этом случае заменяется описанием процедуры интерпретации и её результатов, которое включается в общую систему повествования. Не менее сложная ситуация имеет место при изучении социально-экономической истории отдаленных эпох. В таких исследованиях возникает, например, вопрос относительно того, что скрывается под теми или иными наименованиями, обозначающими различные формы поземельных отношений. От ответа на этот вопрос во многом зависит оценка всего экономического развития в определенном регионе и в фиксированный период. Соответствующие частные понятия, характеризующие поземельные, собственнические, владельческие рентные, арендные или налоговые отношения определяются также на основе изучения источников. При этом из источников заимствуется наименование соответствующих понятий, но само их определение, т.е. фиксация их смысла, вновь заменяется описанием процедуры и результатов интерпретации источников, в частности семантическим анализом терминов. В результате подобного анализа, например, устанавливается смешение понятий собственности и владения в постклассическом римском праве.

Неизбежная разнородность исторических источников, акцентирование в них какого-либо одного проявления ценностей или отношений, замалчивание в силу тех или иных причин других, выражение личного отношения автора источника, которое может быть неадекватным самим отношениям реальности, т.е. все, что называется субъект-объектной корреляцией на уровне источника, и обуславливает многозначность тех интерпретаций, которые дает современный историк.

В конечном счёте, замена определения понятий изложением результатов интерпретации соответствующих источников определяется сложностью объекта изучения, индивидуальным характером проявления исторических факторов и их разнородностью, а также зависимостью тех оценок, которые современный историк дает изучаемым им отношениям, от его общих представлений и мировоззрения. Неявно присутствуют процедуры, аналогичные по своей исследовательской функции определениям по индукции или через абстракцию, но они в силу отсутствия четкого явного теоретического знания не только не отличаются логической четкостью и непротиворечивостью,

они, с точки зрения логики, необязательны. Возможна альтернативная интерпретация, при которой акцентируются другие сведения тех же источников.

Сказанное отражает неидентичность определения понятий в истории, с одной стороны, и в математике и естествознании – с другой. Очевидно в истории (равно как и в целом в гуманитарном и общественном знании) определение понятия не подразумевает однозначное вычленение его содержания и объема. Историческое понятие с точки зрения логики не столько совокупность суждений, характеризующих отличительные признаки объекта, как в других науках, сколько суждения, в которых содержится идея, т.е. направленность мысли, способствующая расставлению акцентов в изучаемом материале и имеющая контекстную природу. Это и означает, что в конкретном исследовании, в рамках определенной исследовательской ситуации, акцентируются те или иные аспекты проблемы, отражающие определенные стороны изучаемого объекта.⁴¹

Согласно семиотике Г. Фреге, всякое понятие характеризуется триединством: имя, предметное значение (или денотат) и смысл, т.е. концепт, или мысленное содержание понятия.

В гуманитарном знании, в котором отсутствует технический язык и наличествует нарратив, т.е. повествование на естественном языке, выражены все особенности этого языка, в том числе и то, что триединство – имя, денотат и концепт – лишено однозначного соответствия. Можно выделить область некоторого объективного смысла, соответствующего изучаемому объекту, являющуюся (область) открытым множеством. Объективный смысл в нашем понимании – нечто подобное миру идей Платона или наиболее полному самопознанию мирового духа Гегеля, проявляющемуся в наименованиях вещей. Понятие субъективного смысла подразумевает смысл, вкладываемый в наименования в конкретных исследованиях в русле всего их контекста. Он может быть сугубо индивидуальным или согласованным, т.е. достаточно общезначимым, отражая некоторый консенсус исследователей в отношении используемых ими понятий. Однако он всегда лишь слабое приближение, приближение в пределе к объективному потенциальному смыслу понятий.

В истории содержание понятий определяется не строгим набором существенных признаков, а совокупным знанием, связанным с именем. Роль опытной верификации в истории выполняет процедура экземплификации, под которой мы понимаем перечисление феноменов и ситуаций, релевантных термину или имени понятия. В истории, как и в других гуманитарных и общественных науках экземплификация порождает объем понятия. В этом также отличие исторических понятий. Ведь в естествознании объем понятия определяется всем множеством предметов, основные признаки которых отражены в содержании понятия, и этот объем, также как и содержание, инвариантен по отношению к конкретным исследованиям. В истории такое

⁴¹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 28.

определение объема понятия – неприемлемо. Подразделяются положительный и отрицательный объемы, а также так называемый тау-объем (т-объем), т.е. высказывания, содержащие неопределенное знание, основанное на предположительном толковании источников. Положительный объем – это примеры, содержащие интерпретацию знания, воплощенного в имени. Допустим, содержание объема понятия «восточное христианство в Византии» включает знание, характеризующее, с одной стороны, проявления христианского мировоззрения в целом, а с другой – отличительные черты восточного христианства. При этом, такое знание не содержит перечня всех типичных и отличительных признаков явления, поскольку потенциально можно всегда с помощью дополнительного исследования найти индивидуальные, единичные проявления, фиксируя которые можно доопределить понятие с учетом новых значений. И если бы это было не так, то всякие научные исследования в области изучения исторического явления, были бы бессмысленны. Такое значение всегда акцентирует какой-либо аспект явления. Например, в знаменитом исследовании Н.О. Лосского, посвященном особенностям восточного христианства, «Очерк мистического богословия восточной церкви: Догматическое богословие», как явствует из самого названия, акцентируется догматическое учение. Но возможны и другие акценты. Знание о восточном христианстве может содержать философский аспект, тогда оно включает рассмотрение мистики, метафизики, богословия, идеи всеединства. Далее, возможен христологический аспект, предполагающий характеристику православия под углом зрения анализа Евангелия от Иоанна, особо значимого на Востоке христианского мира. Кроме того, можно выделить литургический аспект, экклезиастический, каноническое право и т.д. Все эти знания и многие другие составляют реальный и потенциальный, т.е. субъективный и объективный объемы понятия восточное христианство. В русле каждого из этих направлений исследования данного объекта позитивный объем подразумевает все определения, характеризующие явления. Отрицательный включает те высказывания, в которых, допустим, при сравнительном анализе фиксируется отсутствие в восточном христианстве, например в Византии, каких-либо проявлений, характерных для средневекового Запада. Так, согласно восточной патристике, как утверждал Н.О. Лосский, созданный Богом естественный порядок вещей не рассматривался как строго детерминированный. Соответственно, суждение о строгой детерминации естественного порядка – компонент отрицательного объема понятия «православие», или «восточное христианство». Можно экзemplифицировать и т-объем, т.е. описание неопределенности. Как сказано выше, это описание тех сведений источников, которые историк интерпретирует как предположительные. Допустим, какие-либо места средневековой рукописи остались непочитанными; храмовый декор, отражающий литургику или евангельский рассказ, не полностью реконструирован и, соответственно, этим порождается неопределенность их интерпретации.

Исторические высказывания, соответственно, могут быть истинными, ложными и неопределенными. Определение субъективного объема

посредством экзemplификации с логической точки зрения объясняется тем, что холистический характер исторического познания порождает сложности в определении взаимно однозначного соответствия высказываний и объектов.

Другая особенность исторических понятий состоит в способах манипулирования ими. Характер манипулирования определяется наличием альтернативных интерпретаций понятий. Это, в свою очередь, связано с их полисемантизмом и возможностью их доопределения. Благодаря манипулированию можно различать положительный и отрицательный объем используемых понятий.⁴²

Способ образования исторических понятий многообразен. Общие понятия возникают, как отмечалось, в результате интерпретации априорного предпосылочного или внеисточникового знания, общих культурологических, социологических концепций политологии, экономики. Таковы понятия «цивилизация», «власть», «государство». Частные понятия сути результат расширения содержания и сужения объема общих понятий при изучении источников. При этом именно из источников заимствуется имя понятия. Таково понятие античного полиса. Иногда частные понятия возникают в итоге всего исследовательского опыта; они содержат выводы по индукции, аналогии, дедуктивные суждения. Таковым является, например, понятие европейского Возрождения.

Можно спорить без конца, совершенен или несовершенен⁴³ процесс исторического познания, а также, насколько он специфичен, но есть одно обстоятельство, которое говорит о прямых логических ошибках. Мы уже упомянули о частых случаях непонимания цельности аргументации, о том, что дискуссия о содержании предмета часто подменяется спором о наименованиях, о выборе названий. Говорилось о том, что историк часто не осознает наличие в его работе определённого предзнания, предпосылочного знания, которое позволяет ему выбрать в соответствии с его индивидуальными взглядами и вкусами проблему исследования. Существует также иллюзия, что все зависит от источника, т.е. от сугубо объективного или эмпирического подхода, не обусловленного «готовым» знанием; результаты анализа представляются как вывод, итог совершенно будто бы непосредственного анализа источников. Подобная иллюзия также отражает слабые познания в области гносеологии и логики науки и становится опять же очень заметной в ходе исторических дискуссий. Если историка-практика спросить, какова его методология, общие исторические воззрения, которые определили конструирование исследовательской ситуации, определившей гипотезы, то он отвечает, что вся его информация заключена в источнике и вывод определён источником. Например, остается неосознанным то обстоятельство, что для исследователя внешней политики предзнание включает представление о факторах, определяющих внешнюю политику: формируется ли она, по мнению ученого, в

⁴² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 30.

⁴³ Соответствующие мнения анализирует известный представитель школы Анналов М. Блок. См.: Апология истории или Ремесло историка. М., 1973. с. 12.

изучаемом регионе и в данный период в основном под влиянием внутреннего положения страны или же складывается в известной мере независимо от его динамики, но определяется влиянием международных отношений. Это общее понимание проблемы, подобное предпосылочное или внеисточниковое знание обуславливает акцентировку темы, постановку проблемы, выбор источников, угол зрения, под которым она анализируется, гипотезу, систему аргументации и вывод.⁴⁴

Мы уже говорили, что во все эпохи, во все периоды развития исторического знания делались попытки снять антиномию между представлениями о субъективности и объективности исторического познания. Снятие этой антиномии – основная, обычно неявно выраженная цель гносеологической рефлексии в истории, т.е. размышления по поводу знания и познания. В наши дни попыткой снятия названной антиномии является не только комплексный подход в гносеологии истории, предполагающий использование междисциплинарных методов, позволяющих оптимальное использование каждого компонента формулы «с-з-о», о котором речь впереди, но и другие подходы к оценке исторического познания.

Настоятельная необходимость обосновать, исходя, с одной стороны, из современного уровня исторической науки и ее гносеологии, а с другой – из общей гносеологии научного познания) своеобразную объективность исторической науки, живо ощущается специалистами. Об этом свидетельствует, например, точка зрения некоторых представителей известной французской исторической школы, называемой школой Анналов, которые считают, что невозможно адекватно понять историю прошлого, мотивы деятельности людей. Субъективизм ученых при изучении истории, по мнению приверженцев этого взгляда, настолько велик, что целесообразно отказаться от изучения исторического процесса, а исследовать так называемые места памяти, мы бы сказали, исторические достопримечательности. Изучение «мест памяти», по мнению сторонников соответствующей концепции, повышает объективность исследования, приближая его к позитивному знанию. При этом, большое внимание уделяется развитию таких вспомогательных исторических дисциплин, как археология, геральдика, сфрагистика и т.д.⁴⁵

Представители данного направления по существу отвергают правомерность изучения исторического процесса во всем его исторически значимом многообразии. Память в их понимании – это категория синтетического знания, а также отражающая психологические факторы современного исследования, категория, учитывающая в первую очередь современный интерес к памятникам прошлого, но и знаковую систему породившей их эпохи. Однако, именно значение, придаваемое в рамках современного знания тем или иным памятникам прошлого, становится определяющим для выбора объекта

⁴⁴ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 31.

⁴⁵ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 32.

изучения. Иными словами, первостепенное значение придается оценочному знанию. Антимония «с-з-о» снимается, таким образом, путем акцентирования роли «о», а также в результате слияния воедино компонентов «з» и «о» и снижения значимости «с». Таким способом, представители *Анналов* пытаются повысить объективность исторического познания. Разумеется, данная концепция слишком категорична в стремлении своих представителей лимитировать субъективизм традиционного исторического нарратива, в стремлении свести этот субъективизм к обычной для всякой науки неадекватности фактов науки и действительности.

В связи с идеей неадекватности исторического познания, признанием невозможности погрузиться в прошлое, понять мотивы поступков исторических деятелей, следует отметить глубокие психологические, а, возможно, психобиофизиологические корни соответствующей проблематики. Действительно, если вдуматься в содержание рассуждений сторонников идеи полной неадекватности исторического познания, разобраться в тех критериях, которыми они руководствуются, то становится ясно, что названная идея восходит к представлениям о неспособности человека до конца и полностью понять других людей. Действительно, в поступках каждого человека немалую роль играют неосознанные мотивы, подсознание.

Несомненно, по отношению к исторической науке ограниченные возможности познания мотивов деятельности других людей усиливаются в силу нехватки соответствующих сведений источников. Известный протестантский теолог Р. Бультман, упоминая христианский миф о Христе как богочеловеке, чья смерть и воскресение были космическим событием, пишет: «...современный человек лишь с большим усилием может войти в мир такого мышления, но наверняка не в состоянии сам передвигаться в нем».⁴⁶

В конечном счете, именно невозможность адекватного познания интенциональности в прошлом и настоящем – основа метафизических объяснений реальности в русле различных направлений исторической мысли, восходящей к различным философским воззрениям, а также – основа собственного человеку религиозного чувства и религиозных идей.

Действительно, если мы не в состоянии разобраться в себе, не в состоянии постичь мотивы, характер и психические особенности других, то следовательно, человеческая индивидуальность непостижима. Это объясняется, с одной стороны, тем, что человек – последнее, наиболее сложное божественное творение и создан он по образу и подобию Творца. Сам же Творец, т.е. Бог – непостижим. Если же недоступен познанию отдельный индивидуум, то весь ход и связь событий в истории, высший ее смысл известны только Богу. Именно такова цель рассуждений в системе аргументации религиозной философии истории, точнее, теологии истории. Однако рационалистическая традиция философского понимания истории, которая в Западной Европе формируется с XVI и, особенно, XVII—XVIII вв., по-иному

⁴⁶ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 32.

трактует проблему. Для представителей этой традиции характерно акцентирование идей естественных свойств души, естественного права и порядка, выявление объективных критериев их изучения. Эти воззрения заложили основу последующих течений, связанных с поисками критериев создания исторического нарратива как позитивного знания.

Здесь же нам важно подчеркнуть, что воззрения школы Анналов – это крайняя предельная форма выражения идеи известной неадекватности исторического познания. Учёные данного направления абсолютизируют эту идею, облекая свои выводы в форму категорических суждений. Но возможны и иные аспекты её выражения, о которых в общих чертах упоминалось. А именно, можно говорить о своеобразии сочетания компонентов «с-з-о» по отношению к истории, субъект-объектной корреляции и т.д. И, наконец, на наш взгляд, – самый перспективный гносеологический принцип: целесообразно рассматривать историческое познание как комплексное, несводимое исключительно к изучению интенциональности в истории, но имеющее в качестве важного объекта своего изучения результаты деятельности людей. Идея комплексного подхода к изучению истории исключает вычленение исследовательских приоритетов. Это означает, что, во-первых, мы должны стремиться не только к развитию биографическо-психологического жанра, но и к реконструкции картин мира, т.е. стандартов интеллектуальной жизни, ментальных структур, равно как структур повседневности: социальных, экономических, политических отношений и процессов. Во-вторых, эти последние должны рассматриваться как факторы эмоционально-психического и целевого вынуждения по отношению к человеку. А эта задача – более реальна, с одной стороны, а с другой – отвечает присущему всякому человеку и обществу стремлению знать о прошлом не только (и не столько) мысли и Думы отдельных деятелей, но и их дела, и их результаты.⁴⁷

При изучении современности эти дела и результаты поступков отдельных личностей и социальных групп являются объектом исследования социологии и политологии, но при изучении отдалённого прошлого соответствующие проявления рассматриваются в рамках истории и при этом акцентируется не гуманитарный, а социологический угол зрения. Кстати, эти результаты и есть для нас главное, так как мы, зная историческую перспективу, о которой и не помышляли современники изучаемых событий, можем эти события оценить. Эта оценка осуществляется на теоретическом оценочном уровне исследования с учетом новейших достижений науки. Последнее побуждает нас изыскивать современные познавательные процедуры и методики, способствующие «объективизации» познания, точнее, поиску возможностей создания позитивного знания, независимо от авторского отношения к философской метафизике. Такие поиски велись всегда, на протяжении всего развития исторической науки, но сегодня они могут осуществляться с помощью современной научной базы. Именно она, равно как и накопленный

⁴⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 33.

человечеством жизненный опыт, в конечном итоге заставляет профессионалов вновь переписывать историю, менять её оценку.

Существует и другое, достаточно распространенное мнение, представители которого отстаивают позиции, прямо противоположные сторонникам «Анналов». А именно, выразители этих концепций придают большое значение субъективному фактору исторического познания, исходя при этом из традиционного представления о диалогичности гуманитарного знания. (Мы называем это субъект-объектной корреляцией.) Речь идет об использовании в качестве обоснования особенностей исторического познания популярной концепции диалога культур.⁴⁸

Абсолютизация идеи диалогичности исторического познания привела к тому, что при изучении исторических нарративных источников (текстология) в качестве приоритетного провозглашается метод вопрошания.⁴⁹

В этой связи изложим некоторые соображения. Прежде всего, остается неясным, в чем же состоит новизна подобной постановки проблемы, такая новизна, о которой следовало бы специально заявить? Совершенно, очевидно, что историк, начиная исследование и проводя его, постоянно задается какими-либо вопросами. Этот факт как само собой разумеющийся отмечал, например, Р. Коллингвуд, который подчеркнул, что суть таких вопросов в стремлении уяснить «чтобы это (т.е. объект изучения) значило? Вопросы историка, естественно, отличаются от тех, которые ставит в своем исследовании естествоиспытатель, и это очевидно, коль скоро речь идет о различных видах знания. В то же время не менее очевидно, что всякое знание сопряжено с постановкой вопросов, выдвиганием гипотез. Кстати, и всякое бытовое общение связано с вопрошанием. Что же касается специфики тех вопросов, которыми оперируют различные отрасли знания, то эта проблема по существу упирается в необходимость изучения объекта и предмета анализа, гносеологических особенностей, т.е. познавательных процедур, логики и методов, используемых учёными. Характерная для гуманитарного знания проблема диалогичности истины является новым наименованием того, что во многих посвященных гносеологии истории исследованиях называлось субъект-объектной корреляцией. Ещё Ф. Ницше говорил о том, что при написании истории историк в понимание прошлого вкладывает современный смысл. История не должна и не может быть по Ницше «чистой наукой».⁵⁰

Характерно также использование выражения «вопрошание» М. Хайдеггером. Однако смысл этого выражения у Хайдеггера был иным, чем в современных сочинениях, защищающих идею вопрошания в истории. Философ отмечал, что в эпоху современного развития науки (имеется в виду точное и естественнонаучное знание), когда со времени эпохи Просвещения в западной научной мысли произошло решительное размежевание сфер науки и религии,

⁴⁸ См.: Библер В.С. Итоги и замыслы: конспект философской логики культуры // Вопросы философии. 1993. №1/5. С. 80.

⁴⁹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 34.

⁵⁰ Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т.1. С. 177.

идея созданного Богом естественного порядка вещей сама по себе осталась за пределами научного сознания, и принадлежит религиозному сознанию. В эту эпоху «разбожания» меняются методы, гносеологические принципы и предпосылки научного познания. Ученый остается сам с собой один на один, без помощи Писания, его знание лишено всякого элемента сакральности. В этих условиях вопрошание становится содержанием научного подхода в том смысле, что в науках, открывающих законы природы, законы формулируются как на естественном, так и формальном языке, без какого-либо влияния религиозной метафизики, ставшей достоянием философии и религии.

Далее обратимся непосредственно к характеристике эпистемологических и теоретических принципов комплексного подхода к историческому исследованию, отражающему современный уровень развития информатики. Это совершенно естественно, поскольку очевидно, что в целом исторические эпохи, цивилизации в историческом срезе отличаются способом хранения, переработки и передачи информации.⁵¹

Глава II

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Мы хотели бы показать, каким образом комплексный подход в гносеологии истории обусловлен задачами исторического знания, иначе говоря, его эпистемологическими особенностями.

В чем специфика исторического знания и познания? Она состоит, в частности, в особенностях сочетания процедур понимания и объяснения⁵², отличающих именно эту науку. Можно утверждать, что анализ этих особенностей, в полной мере не представленный в современной научной литературе, позволит рассмотреть проблему гносеологических и методологических особенностей исторического познания не только по сравнению с естественными науками, но и в сравнении с социологией, экономикой, т.е. общественными науками, а также различными видами гуманитарного знания. Естественно, это сочетание – неодинаково в социально-экономической, политической и культурной историях.

Комплексное направление в гносеологии истории представляется перспективным и потому, что оно дает возможность выделить грани профессионального исторического знания, найти тот предел, за которым полисемантизм исторических понятий превращает знание в мнение, а исторический нарратив как способ репрезентации профессиональной истории – в эссе.

В русле данного направления находит место не только использование междисциплинарных методик, но и разработка проблем логики исторических

⁵¹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 35.

⁵² См.: Хвостова К.В. Вопросы исторического познания // Новая и новейшая история. 1993. № 3.

рассуждений, формирование баз исторических данных и компьютерных программ для их обработки, разработка новых методов количественного и формального анализов, решение проблем моделирования. Количественные и формальные методы – это одна из форм использования в историческом познании процедур объяснения. Применение этих методик облегчает сопоставление изучаемого факта, события, явления с образцом. Более того, это то новое, что было привнесено в гносеологию истории в течение последних десятилетий.

Носитель информации в исторической науке – исторический источник – одновременно со своей ролью объекта анализа выполняет и роль носителя субъект-объектной корреляции. Комплексный подход предполагает выявление уникального преломления фактов действительности о рассматриваемом источнике или типе источников. При этом используется не только традиционная методика критики источников, но и их формальный анализ.

По-видимому, существуют сугубо объективные причины недостаточного внимания авторов работ по гносеологии и методологии истории к проблеме специфического способа сочетания в историческом знании процедур понимания и объяснения, ее детальному анализу. Это объясняется особенностями соединения этих процедур в исторической науке: механизм сочетания названных исследовательских процедур в работах, посвященных конкретной истории, существует неявно и его реконструкция затруднена. Неявный характер взаимосвязи процедур понимания и объяснения определяется тем, что историк изучает общественные тенденции, структуры и типы в конкретных и индивидуальных проявлениях. В исследовании, выполненном с помощью традиционных методов качественного анализа, названные исследовательские процедуры настолько тесно взаимосвязаны, пронизывают друг друга, что их практически невозможно вычлениить и соответственно подвергнуть специальному анализу. В этом и состоит, в частности, специфика нарратива как способа репрезентации гуманитарного знания. Гносеологический анализ истории обычно осуществляется на уровне того же нарратива, с помощью которого ведется изложение исторического материала. Таковы получившие широкую известность гносеологические концепции представителей аналитической школы философии истории XX в., начиная с так называемой теории охватывающего закона К. Гемпеля и кончая эмпирическими и психологическими воззрениями У. Дрея, М. Мандельбаума.⁵³

В то же время, бесспорно, то, что одной из целей гносеологии истории является осуществление такой рефлексии, благодаря которой неявные процедуры становятся явными. В этом плане разработка соответствующей методики может рассматриваться как одна из приоритетных задач анализа исторического познания. Эта разработка осуществляется в русле методологии комплексного подхода к историческому материалу и базируется на тех достаточно новых методологических идеях, которые связаны с применением в историческом исследовании методов количественного и формального анализа.

⁵³ Об аналитической школе философии истории и её отдельных представителей см.: Лооне Э.Н. Современная философия истории. Таллинн, 1980. С. 25-62.

Использование этих методов предполагает наличие консенсуса в трактовке понятий, т.е. наличие определенного категориального аппарата и явных концепций.⁵⁴ Иными словами, количественные и формальные методы конкретного анализа материала, позволяющие детально проанализировать и измерить интенсивность исторических процессов, определить их темп, динамику, изучить индивидуальное в контексте общего и типичного, оказываются полезными с точки зрения гносеологии истории, т.е. анализа самого исторического познания.

Использование интерпретационных методов в истории базируется на идее субъект-объектной корреляции в гуманитарном знании, а также на представлениях современной психологии о так называемом автопозисе (самоделании), согласно которым изучаемые явления общественной жизни понимаются как реальность, в которой исследователь как бы присутствует, реальность тем самым авторизируется. В отличие от подобных представлений комплексный подход с его вниманием к междисциплинарной методике основан не только на автопозисе, но и на принципе когнитивного картирования, в результате которого складывается картина, нетождественная с Я исследователя, но обладающая некоторой «самостью».

При применении в историческом исследовании формальных и количественных методов, а именно, статистических приемов, структурного моделирования, методов представления знания с помощью современных интеллектуальных систем, когнитивной психологии и т.д. характер исторического знания преобразуется таким образом, что связь процедур объяснения и понимания перестает быть скрытой и становится явной. Возникает возможность вычленения соответствующих процедур, их детального анализа и более четкой характеристики специфики их сочетания в историческом познании по сравнению с тем, как эти процедуры взаимосвязаны и соединены в естественных науках, а также в социологии и экономике.⁵⁵

Естественно, полное расчленение процедур понимания и объяснения – невозможно. Одной из причин этого является субъект-объектная корреляция самого источника. Однако комплексный подход, в частности формальный анализ источников, как будет показано ниже, позволяет до известной степени минимизировать корреляцию. В то же время известная условность при вычленении объяснительных процедур и способов понимания в рамках исследовательской ситуации близки к тем ограничениям и приближенности, которые характерны для позитивного исследования в любой науке.

В данном случае несущественно то, что исследовательские ситуации, в которых возможно применение в истории формальных и количественных методов далеко не всегда доминируют в общей системе исторического знания. Действительно, использование этих методов возможно только при наличии

⁵⁴ См.: Хвостова К. В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980. С. 23; Она же. Количественные методы при изучении средневековых социально-экономических явлений // Экономическая история: Проблемы и исследования. М., 1986. С. 64.

⁵⁵ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 38.

серий однородных количественных или качественных данных, но таких, которым можно поставить в соответствии количественные аналоги, или можно их формализовать. Это осуществимо при изучении многих однородных явлений в рамках совокупности или при сопоставлении случайных единичных и индивидуальных проявлений с некоторым типом явлений или отношений. Таким типом может быть ценностная установка, общие черты менталитета, социальных отношений эпохи, цивилизация и т.д. Тип, образец – это всегда повторяющееся в отношениях.⁵⁶

Совершенно очевидно, что во многих исторических исследованиях, посвященных конкретным проблемам культурологии, политической истории, историческим биографиям, событийной истории, изучению менталитета, явлений исторической психологии и т.д. исследователь как бы абстрагируется от анализа общественных структур, стереотипов сознания, культурологического контекста и ставит задачу характеристики индивидуальных явлений. Далеко не всегда историк располагает и соответствующим материалом, необходимым для использования формальных и количественных методов.⁵⁷

Кроме того, часто у историков отсутствует вкус к использованию формальных и количественных методик, равно как и подготовка. Поэтому этим занимаются соответствующие исследовательские центры типа комиссии по применению количественных методов и компьютера при Отделении истории РАН и ее подразделений в ряде исторических институтов, специальные лаборатории в МГУ и РГГУ, группа «Квантум» в ФРГ, многочисленные исследовательские центры в Европе и США.

Впрочем, надо помнить, что полностью абстрагироваться от культурологического и шире – исторического контекста исследуемых индивидуальных явлений невозможно. Такое абстрагирование означало бы конец профессиональной истории и превращение исторического описания в любительское пересказывание фактов, событий. Правильнее говорить не об абстрагировании, а об определенной расстановке акцентов. В некоторых исследованиях акцентировка такова, что сюжеты, связанные с индивидуальными факторами исторического развития, находятся в центре внимания, а общий контекст присутствует неявно.

В конкретном исследовании может быть акцентирована проблематика, связанная с индивидуальными проявлениями истории, творчеством или поступками отдельных личностей, с их психологией и биографией. Более того, может изучаться именно творчество, прорыв в новые научные сферы, отрицание стереотипов сознания. Но в любом случае представление о социально-культурном контексте, в рамках которого действовали люди, составляет то предпосылочное знание, то предзнание, информационную ситуацию, без которых оценка индивидуальных феноменов исторического прошлого невозможна. Это – знание об историческом времени, обо всех тех

⁵⁶ Об этих проблемах подробно см.: Хвостова К.В. Вопросы исторического познания.

⁵⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 39.

инвариантах, которые мы называем эпохой, культурой, цивилизацией, т.е. знание о факторах большой длительности, выраженное явно или присутствующее неявно, гносеологическая предпосылка понимания индивидуального, выявления его смысла. Без этого контекста смысл исчезает, ибо для его обнаружения, как и для обнаружения всякого смысла, необходим определенный объем информации. Кстати, наличие явного или неявного знания об историческом контексте является гносеологическим обоснованием правомерности применения в истории формальных и количественных методов, с помощью которых изучается общее в явлениях.⁵⁸

Действительно, в исследованиях, выполненных с помощью количественных или формальных методов, индивидуальное явным образом сравнивается с некоторым образцом, стереотипом, тогда как в исследованиях, в которых используются традиционные качественные методы, такое сопоставление присутствует неявно. Допустим, в работе, посвященной восточно-христианскому ареалу эпохи средневековья, центром которого была Византия, содержится вывод о том, что в этой империи существовали лишь отдельные элементы феодальной структуры общества. Неявно в основе такого умозаключения лежит некая концепция феодализма и степеней его развития.

В силу всего сказанного правомерно в известных границах экстраполировать результат гносеологического анализа исследовательских процедур в тех исторических работах, в которых ставятся проблемы анализа типичных форм поведения, отношений и процессов, типичной структуры текста, в которых используются формальные и количественные методы, на исследования, в которых акцентируются сугубо индивидуальные факты культуры, социального поведения личности, событий. Подобная экстраполяция, бесспорно, не означает полной адекватности исследовательских ситуаций, посвященных анализу индивидуальных единичных явлений и тех, в которых акцентируется изучение типов и структур. Существует множество различий в изучении общего и индивидуального, рассмотрение которых могло бы составить специальную проблему гносеологии истории. Однако все различия не упраздняют и не исключают познавательную значимость приведенной аналогии, а лишь конкретизируют её. Итак, каким образом методика формально-количественного анализа позволяет выявить и оценить специфические, характерные для исторического исследования формы сочетания в нем познавательных процедур понимания и объяснений? В этом плане интересно структурное моделирование, понимание которого авторами данной работы не совпадает с тем, которое было присуще так называемому французскому структурализму середины века. В центре внимания представителей этого направления находились ментальные структуры, язык, культура, интерпретируемая как формальная знаковая система. Структурализм К. Леви-Стросса, Ж. Дарриды, С. Барта и др. – это теория культуры.

В данной работе под наименованием «структурное моделирование» подразумевается совокупность познавательных процедур, состоящих в

⁵⁸ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 40.

нахождении формального аналога инвариантных на протяжении данного времени взаимосвязей, характеризующих процессы, отношения, социальное и политическое поведение групп, а также структуру текста.

Иными словами, для нас структурное моделирование – это гносеологическая характеристика.⁵⁹

Структурная модель выражает, таким образом, типичное в явлении или какой-либо один, допустим, предельный способ его существования. Она представляет собой научную идеализацию. Подобное понимание структурной модели восходит к представлениям Э Дюркгейма⁶⁰ и одного из лидеров исторической школы Анналов Ф. Броделя⁶¹, однако и отличается от них, равно как и от концепции идеальных типов М. Вебера. Так, в отличие от понимания Ф. Броделем факторов большой длительности мы рассматриваем соответствующие социально-исторические связи на уровне не того их сложного проявления, которое отражено в источниках, а связей между примарными факторами. Это те связи, которые при рассмотрении проблемы методами традиционного качественного анализа обычно не фиксируются, так как представляются тривиальными, лишёнными познавательного смысла.⁶²

Например, в экономической истории при изучении имущественного расслоения средневековых крестьян тривиальны следующие рассуждения. Потеря одинаковой доли надела означает большую степень обеднения для более бедного крестьянина, чем для более зажиточного. Такие примарные взаимосвязи между факторами отражают те регулярности, которые представитель критического реализма К. Поппер называл историческими закономерностями, отмечая их тривиальный характер. Можно было бы добавить, что подобные взаимосвязи между социальными факторами сами по себе и соответственно их констатация отнюдь не являются историческими закономерностями и суждениями исторического факта. Это взаимосвязи вневременной жизни человека, его повседневности. Историческими они становятся только тогда, когда на основе учета предпосылочного знания осуществляется такая их интерпретация, благодаря которой они оказываются включёнными в некоторую историческую концепцию. В нашем примере названные взаимосвязи включаются в историческую концепцию имущественного расслоения средневековых крестьян на основе предпосылочного знания о том, что расслоение этих крестьян было отличным от такового в новое время, когда основная тенденция расслоения выражалась в резкой концентрации имущества. В средние века расслоение крестьян – это лишь накопление количественных различий, возникающих в результате потери или приобретения ими части земельного надела, равно как иных видов

⁵⁹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 41.

⁶⁰ См.: Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии. М., 1991.

⁶¹ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. 1992. Т. 3: Время мира. С. 77-81.

⁶² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 41.

имущества. При этом, для эпохи развитого средневековья остается характерным преобладание слоя крестьян среднего уровня зажиточности⁶³. Интенсификация процессов концентрации имущества, с одной стороны, и соответственно, возрастание доли беднейшего и зажиточного слоев за счет обеднения или обогащения слоя средних крестьян – с другой, всегда по отношению к средневековой эпохе – симптом кризиса.⁶⁴

В плане гносеологии и методологии истории существен поиск возможностей, которые заставили бы тривиальные взаимосвязи между социальными факторами заговорить о жизни людей. Это, во-первых, а, во-вторых, – позволили бы использовать эти взаимосвязи для анализа самого исторического знания и, главное, процесса познания. При структурном моделировании математическая модель, отражающая повторяющуюся во времени и в пространстве в неизменном виде регулярность, типичное в явлении, сравнивается с помощью специальной методики (обычно это алгоритм) с теми данными о явлении, которые получены из имеющихся разновременных, однородных источников и отражают реальное явление во всем его разнообразии. Такими источниками являются, например, средневековые описи. Степень отклонения явления от модели оценивается как степень развития.

С точки зрения гносеологии истории при сравнении реальности с образцом, являющимся моделью, научной идеализацией, осуществляется, как отмечалось, явное сопоставление, так как образец есть формальный или количественный аналог социальной, экономической структуры, типичная или формализованная структура текста, а результат сопоставления – количественная или формальная характеристика. Этот явный результат позволяет сделать следующие выводы о способе сочетания процедур объяснения и понимания. Итог сопоставления с образцом есть результат объяснения.

Однако в естественных науках при объяснении эмпирически наблюдаемой регулярности, обладающей статистической устойчивостью, анализируется лишь часть совокупности, именуемая репрезентативной выборкой. В результате ее анализа возникает информация, позволяющая завершить эксперимент и по правилам статистики или на основе индуктивного вывода экстраполировать результат на явление в целом. В историческом исследовании ситуация иная. При всех ее возможных вариантах она отражает, с одной стороны, особенность знания, а именно то, что объектом исследования является и общее, и индивидуальное, а с другой – особенности исторической, содержащейся в источниках информации. В историческом исследовании объяснению подлежат регулярности, характерные только для определенного пространственно-временного диапазона. В некоторых случаях этот диапазон оказывается достаточно широким, т.е. соответствующие регулярности имеют статистическую устойчивость.⁶⁵

⁶³ См.: Хвостова К.В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. С. 64.

⁶⁴ Хвостова К.В. Вопросы исторического познания // Новая и новейшая история. 1993 .№3.

⁶⁵ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 42.

Зависимость некоторых регулярностей от времени нередко интерпретируется как фактор, препятствующий проведению в историческом исследовании статистического анализа. Однако он возможен, и эти возможности не столько ограничены, сколько специфичны. В то же время не следует забывать, что подобный временной характер тенденций имеет место не только в исторической науке, такие зависимости изучаются, например, в биологии, в геологии и даже в физике (выше говорилось о синергетике).

Но и в случае наличия статистической тенденции анализ исторической информации отличается от того, который проводится в аналогичных ситуациях не только в естественных науках, но и в социологии и экономике. Как правило, сведения исторических источников, которыми располагает история, не являются в такой мере однородными, чтобы можно было произвести корректный статистический анализ. Историк в своей работе зависит от источников; именно состояние источников определяет выбор историком той или иной методики изучения проблемы. Ряд исследовательских ситуаций от эпохи нового и новейшего времени позволяет применять статистические методы⁶⁶, но, как правило, с известными ограничениями. В частности, выборочный анализ обычно нецелесообразен. Ведь те данные, содержащиеся в исторических источниках, которые можно назвать однородными, сами являются выборкой из всей той информации, которая относится к явлению и часть которой утрачена. Поэтому мало эффективна выборка из выборки. Во многих случаях существенно провести статистический анализ всех имеющихся данных.⁶⁷

Иногда, особенно по отношению к более отдаленным историческим периодам, характер источников таков, что вместо статистического анализа для изучения статистических тенденций целесообразно применять структурное моделирование. Для такого периода, как правило, исследователь не располагает данными, характеризующими статистические взаимосвязи между факторами. Поэтому тенденции, имеющие статистический характер, в рамках определенного пространственно-временного диапазона (например, расслоение средневековых зависимых крестьян в определенный период и данном регионе), изучаются с помощью нестатистических методов, в частности, структурного моделирования. Сопоставление количественных характеристик, относящихся к разным совокупностям (вотчинам, крестьянским общинам, регионам, поселениям и т.д.), позволяет рассмотреть развитие явления во времени и его вариации в пространстве.⁶⁸ Но в любом случае, т.е. и при статистическом анализе и структурном моделировании, для историка интересен результат соотнесения с моделью не только всей совокупности, как это имеет место в

⁶⁶ См.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Формирование единого аграрного рынка в России. М., 1973; Хвостова К.В. Вопросы исторического познания; Компьютер и статистический анализ // Информация и компьютер: Новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании / Отв. ред. Л. Бородкин, В. Леверсанн. 1993. С. 77-104.

⁶⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 43.

⁶⁸ Хвостова К.В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории.

естественных науках, социологии и экономике, но нередко и каждой единицы наблюдения. Иными словами, в любом случае необходима специальная индивидуальная интерпретация результата сопоставления и организация материала, позволяющая понять индивидуальный смысл в сравнении с тем, которым обладает типичное проявление феномена. При этом интерпретация осуществляется столько раз, сколько фигурирует в исследовании совокупностей, а иногда даже единиц наблюдения.⁶⁹

Если, допустим, при изучении социально-экономической истории средневековья, вычисляются коэффициенты степени имущественного расслоения зависимых крестьян в ряде вотчин, то каждый из коэффициентов затем подвергается индивидуальной содержательной интерпретации, назначение которой в выявлении условий, причин, факторов, определивших ту или иную большую или меньшую степень расслоения. Сопоставление таких коэффициентов не только расширяет возможности сравнительного анализа в плане выяснения количественных градаций, но и с точки зрения выявления смысла, содержания, экономической обусловленности и причин таких градаций. Этот пример явно показывает, каким образом исторический подход означает выявление общего в единичном. В конкретном исследовании, естественно, можно абстрагироваться, в силу определенной постановки задачи, от ряда индивидуальных черт, но с точки зрения гносеологии исторической науки это ничего не меняет. В целях ясности целесообразно еще раз подчеркнуть отличие общей или теоретической гносеологии исторической науки и гносеологических особенностей каждого конкретного исследования по истории. Не все те особенности, которые характерны для науки в целом, проявляются в каждом исследовании, в котором акцентируются только отдельные проблемы.

В целом познание в истории отличается вниманием к малым генеральным совокупностям (понятие статистики) серий событий, ситуаций или явлений, относящихся к отдельным социальным группам, регионам в рамках культуры, эпохи, государства и т.д. История в этом плане отличается от социологии и экономики, где исследователь в известной мере сам формирует свой объект изучения, тогда как историк зависит от источников. Например, в социологии возможны выборочные опросы представителей различных социальных групп, так называемые социологические обследования. Результаты опроса по правилам статистики экстраполируются на всю группу.

В отличие от индивидуализирующей интерпретации, характерной для исторического знания, для естественных наук типично общее понимание изучаемого явления, способствующее выбору объяснительной процедуры и обобщению результатов объяснения. Объяснение в историческом исследовании также завершается общим выводом, но он формулируется иным путем. Используются, например, группировки явлений по общим признакам, установленным в итоге интерпретации результатов объяснения. При этом, такие группировки образуются обязательно с учетом интерпретации

⁶⁹ Хвостова К.В. Вопросы исторического познания // Новая и новейшая история. 1993. №3.

полученных характеристик.

Но индивидуальная интерпретация общего и типичного – не единственная цель исторического анализа. В явлении обнаруживаются скрытые возможности, альтернативы реальным проявлениям. Сравнение явления с альтернативными моделями осуществляется в виде ценностных характеристик.⁷⁰

При структурном моделировании, равно как и при статистическом анализе, ценностное объяснение отделено, так сказать, во времени и пространстве от объяснения, состоящего в сопоставлении со стереотипом явления, тогда как в исследовании традиционном эти процедуры нерасчленимы. В данном случае имеется в виду время и пространство исследовательской ситуации, т.е. постепенность, поэтапность анализа и фиксация поэтапных результатов.

При изучении имущественного расслоения средневековых крестьян, для которых характерно преобладание слоя средней зажиточности, в качестве альтернативной модели может быть рассмотрена ситуация, при которой у современников изучаемой эпохи происходит изменение самого понимания средней зажиточности. Это связано с уменьшением размеров надела, принадлежавшего представителям среднего слоя. Данное явление связано, например, с ростом производительных сил в изучаемый период времени по сравнению с предшествующим фиксированным в исследовании временным отрезком или в результате усиления эксплуатации.

Наряду с отмеченным, способ сочетания процедур объяснения и понимания в историческом исследовании обладает ещё следующей спецификой. Факты, содержащиеся в источниках и подлежащие объяснению, не составляют эмпирическую часть объясняющей концепции, как иногда бывает в естественных науках, они посредством интерпретации и общего понимания проблемы включаются в силу индивидуального подхода исследователей в разные концепции, сохраняя тем самым относительную независимость. Теоретическое понимание фактов в значительной мере связано с индивидуальным исследовательским подходом к вопросу и организацией знания на основе собственного научного мировоззрения историка и его общего мирозерцания, в том числе философских, религиозных и политических позиций,

Итак, рефлексия, имеющая своим объектом историческое познание, показывает следующее. Понятие идиографии по отношению к историческому исследованию является не столько методологическим, сколько гносеологическим понятием. Это не исключает специфического переплетения процедур и методов объяснения и понимания. Однако этот способ в гносеологическом плане говорит о характерных для исторического познания индивидуальных принципах организации знания, роли индивидуальных исследовательских оценок в понимании прошлого с позиции современности, характерной связи эвристик и альтернатив.

О гносеологическом смысле проблемы индивидуального, идиографического в историческом познании по существу говорит и

⁷⁰ Хвостова К.В. Вопросы исторического познания // Новая и новейшая история. 1993. №3.

современная философская герменевтика.⁷¹ Она содержит представление о роли индивидуальной интерпретации и понимания в истории, а также признает правомерность сложнейших объяснительных процедур типа методов когнитивной психологии, структурного анализа текстов, связанного с математическим моделированием, формальным анализом аргументации. Идиография – это принцип организации познания истории, исторического знания, отражающая внимание к общему в единичном, включающая в качестве важнейшей проблемы рефлексии относительно сложного механизма сочетания объяснительных и интерпретационных методик во всей их многоаспектной специфике. Иными словами, понимание идиографии в духе современной герменевтики отличается от представлений Г. Риккерта, который противопоставлял идиографию номотетике.

В настоящее время гуманитарное знание актуально с разных точек зрения. В частности, в том смысле, что в его рамках снимается тот дуализм рациональности, наивысшим проявлением которой является номотетика, с одной стороны, и эмоционально-субъективные мировоззренческие факторы – с другой; дуализм, который составляет одно из существенных проявлений западноевропейской культуры и уходит корнями в эпоху античности, поздней схоластики, гуманизма. Расцвет этого дуализма, сформулированного четко Р. Декартом и И. Кантом, в известном смысле завершен в позитивизме. Однако уже в течение более чем столетия, на Западе развивается стремление при осмыслении знания отойти от узких рамок позитивной науки. А именно философы стремятся найти пути более широкого осмысления знания и культуры с учетом их социальных, психологических и мировоззренческих предпосылок. В поисках образцов синтеза знания, с одной стороны, мировоззрения и социальных факторов – с другой, философы нередко обращаются к восточным нехристианским философско-теософским системам.⁷² При изучении исторического прошлого такое целостное понимание жизненного опыта человека, учитывающее его деятельность, повседневность, его представление об окружающей реальности, религиозный опыт и философские воззрения, происходит в рамках холистического понимания истории на уровне теории и при комплексном подходе к материалу источников. Надо сказать, и это, на наш взгляд, достаточно важно, принцип целостного восприятия человека, который на языке методологии и гносеологии современных гуманитарных и общественных наук называется комплексным, имеет свой чрезвычайно яркий прообраз не только в восточных нехристианских мировоззренческих системах, к которым иногда обращаются современные западные философы, но, так сказать, значительно ближе, а именно, в богословско-философских традициях восточного христианства, восходящего к Византии. Известен византизм, который можно условно назвать «оправдание жизни», повлиявший на формирование принципа всеединства русской

⁷¹ Хвостова К.В. Вопросы исторического познания // Новая и новейшая история. 1993. №3.

⁷² Об этом пишет профессор социальной философии в Хоэнхайме (ФРГ) Г. Рормозер. См.: Рормозер Г. Ситуация христианства в эпоху постмодерна глазами христианского публициста // Вопросы философии. 1991. № 5. С. 79;

религиозной философии, означавший целостное восприятие человеком своей жизни, включая ее природные и социальные основы, разум и веру, комплексный жизненный и религиозный опыт. В этом плане характерны воззрения византийского мистика XIV в. Григория Паламы.

И, наконец, следует еще раз подчеркнуть, что актуальность комплексного понимания исторического познания связана с использованием в исторической науке компьютера, ее огромными возможностями. Это обуславливает результативность анализа ситуаций, процессов, отношений и деятельности личности с учетом соответствующего культурного и социально-политического контекста. Комплексный подход при изучении истории содержит одну из предпосылок современного понимания экзистенции как формы и способов всестороннего проявления личности в рамках социума и культуры, содержащих многоаспектные функциональные взаимосвязи.

Пафос многих современных западных и отечественных исследований, направленный на изучение биографий отдельных деятелей, конкретного источниковедения, менталитета, сугубо индивидуального в культуре (представители этих направлений исторических дисциплин, как правило, отрицательно относятся к применению в истории количественных и формальных методов), оправдан, если квалифицировать его как интерес к конкретной проблематике, но не как направление общей гносеологии истории, отстаивающее соответствующие приоритеты. К этому следует добавить, что сама методика изучения менталитета и ментальности является комплексной. Многочисленные проявления стереотипов менталитета различных социальных групп, в частности, простых людей, не оставивших индивидуальных произведений, могут быть выявлены на материале изучения социального поведения этих групп, которое анализируется с помощью комплексной методики. Оценка индивидуального (поступков, взглядов, мотивов и т.д.) как основной задачи современного исторического познания вряд ли совместима с идеями современной философской герменевтики с её комплексным исследовательским арсеналом, современной трактовкой проблем экзистенции, пониманием социально-культурного контекста.

Успешные поиски типичных взаимосвязей, с помощью которых в рамках структурного моделирования формируется структура, с которой сравниваются изучаемые совокупности, происходят благодаря пристальному вниманию к информации, отражающей повторяющиеся проявления реальности. Эти повторы могут носить статистический характер, могут отражать инвариантность отношений во времени и пространстве, связанную с ценностями и институтами, присущими различным цивилизациям. В некоторых случаях повторяющиеся явления отражают локальные и временные тенденции.

Структурное моделирование больше подходит для изучения социально-экономических и политических отношений, для характеристики которых имеется значительный материал, содержащий количественные данные. В силу этого возможно получение легко сопоставимых количественных показателей. Совокупность количественных характеристик – это способ репрезентации материала несравненно более удобный, более компактный и наглядный, чем,

допустим, таблицы распределения одних параметров относительно других или таблицы полностью необработанной количественной информации, полученной из источников.

Но специальное изучение информации, отражающей повторяемость явлений, целесообразно и при изучении нарративных источников. Такая методика, используемая при анализе текстов, основана на современной философии речи. Текст, в котором имеются итоговые, резюмирующие пассажи с точки зрения современной философии речи, может быть квалифицирован как псевдоречь.

Что же касается информатики, то в её терминах подобная исследовательская ситуация может быть оценена как располагающая избыточной информацией. Вычлняя избыточную информацию, т.е. акцентируя в изучаемом тексте повторы, современный исследователь снижает в рамках данной исследовательской ситуации роль своего сопереживания, субъективность своего подхода, т.е. личностного отношения к изучаемым явлениям. Исследовательская оценка как бы отстраняется, отчуждается от представлений автора или авторов текста исторического источника. В некоторых текстах, в частности в источниках, относящихся к средневековой эпохе, такие повторы могут быть нелогичными, они не всегда содержат выводы или резюме. Внимание современного исследователя к таким повторам позволяет почувствовать иногда подсознательное стремление авторов текста исторического источника выделить определенную идею.

Иначе говоря, изучение псевдоречи или избыточной информации – это формальный прием, с помощью которого удастся углубить анализ документации, содержащейся в изучаемом нарративном источнике. Общее понимание текста, вхождение в знаковую ситуацию его создателя, семантический анализ терминов и понятий, содержащихся в исторических источниках и отражающих понятийный аппарат изучаемой эпохи, сопровождается формальным анализом речевой стихии, направленным на выявление формальной структуры текста, которая отражает сознательное или неосознанное стремление его создателей подчеркнуть те или иные высказывания, повторить их. Обращение к формальному анализу псевдоречи или избыточной информации помогает выйти за пределы анализа свойственной изучаемой эпохе рефлексии и затронуть ментальность, неявно существовавшие формы сознания или «подсознание» эпохи. Подобную методику, естественно, нельзя считать универсальной. Далеко не все тексты могут быть рассмотрены с данной точки зрения. Существует, как известно, много других приёмов для анализа аргументации с помощью формализации структуры текста. Но данная методика, как будет показано ниже, по-видимому, помогает изучению именно средневековых текстов. Неосознанная позиция авторов средневековых источников, отраженная в повторах, является своего рода тенденциозностью, которая не только не заявлена, но иногда прямо противоречит заявлениям автора источника.

Например, авторы средневековых исторических сочинений, в частности византийских, во вводной части своих произведений неизменно декларировали

беспристрастность своего подхода к излагаемым фактам. На самом деле текст этих произведений изобилует оценками. Повтор некоторых из них отражает наряду, разумеется, с другими особенностями аргументации приоритетность определенных ценностных установок для исторического сознания эпохи. Эти оценки, хотя и восходят к средневековой шкале ценностей, могут оказаться и сугубо прагматическими.

С точки зрения гносеологии истории использование всех названных процедур познания минимизирует субъект-объектную корреляцию источника. Автор исторического источника как бы выводится за пределы исследовательской ситуации, характеризующейся сочетанием компонентов «субъект-знание-объект» («с-з-о»). Субъект-исследователь также на данном этапе своих рассуждений воздерживается от собственных вопросов, он лишь фиксирует результаты формального анализа. Все это создает условия для «объективизации» знания при сохранении его специфики, состоящей в особых формах сочетания объяснения и понимания. Точнее, создаются предпосылки для репрезентации знания, соответствующие принципам позитивной науки. На следующих этапах познания выступают на первый план все элементы интерпретации, присущие обычно гуманитарному знанию. Здесь мы опять встречаемся с автопоэзисом, который, однако, не смешивается с фиксацией результатов формального наблюдения.⁷³

Что же касается использования комплексных методов, включающих поиски количественных характеристик, в социально-экономической истории, то неоднократно указывалось, что благодаря их использованию, достигается большая четкость в постановке проблемы, появляются элементы верификации вывода, исторические концепции приобретают явный характер, сочетание процедур понимания и объяснения становится наглядным.

В то же время историки как бы разделились на два лагеря, а именно, тех, кто отрицает возможность формализации или квантификации исторических исследований, даже посвященных социально-экономическим и политическим проблемам, и тех, кто такие возможности признаёт.

Тем не менее, целесообразно напомнить, что в работах приверженцев количественного и формального анализов в истории не раз производились как простейшие и наиболее наглядные, так и сложные теоретические обоснования правомерности и целесообразности квантификации и формализации материала исторических источников, создания баз и банков данных на машинных носителях, структурализации материала источников, применения моделей, научных идеализации.

Оставим теоретические обоснования для следующей главы, специально посвящённой этому вопросу. Здесь же остановимся на простейшем наглядном обосновании. Известно, что каждый историк, оперирующий сравнительно большим массивом исторических данных, обязательно постарается

⁷³ В этом плане полезны идеи современной психологии. См.: Лефевр В.А. От психофизики к моделированию души // Вопросы философии. 1990. № 7. Представители соответствующего направления считают возможным выявление некоторых компонентов рефлексии, т.е. осознание исследователем сознания и подсознания с помощью физико-технических и формальных средств.

использовать в своей работе таблицы, содержащие частотные или процентные распределения некоторых явлений относительно других (допустим, распределения зависимых крестьян по величине земельного надела в нескольких вотчинах какого-либо региона в определенный период средневекового развития). Наряду с этим часто вычисляются среднеарифметические характеристики каких-либо экономических или социальных параметров прошлого (например, средняя величина крестьянского надела в тех же вотчинах). Почему же нельзя, естественно, в тех исследовательских ситуациях, в которых имеются соответствующие данные, использовать такие методы, как коэффициенты корреляции, регрессии, вариации? Ведь методика вычисления этих коэффициентов такова, что в основе их лежит та же среднеарифметическая величина. Очевидно, никаких противопоказаний вычисления таких количественных характеристик, применяемых особенно часто в исследованиях по социально-экономической истории, «чающей социальные и экономические факторы, процессы и отношения, не существует. Проблематика таких работ близка к той, которая характерна не для гуманитарного, а для обществоведческого знания, соответственно, и методика во многом сходна с той, которая используется в социологии и экономике. Другое дело, что в целом количественный и формальный подход в исторических исследованиях по своей гносеологической роли и удельному весу не только не может быть отождествлен с таковым в естественных науках, но и отличен от соответствующего подхода в социологии и экономике.

Что же касается нападок на клиометристов, то в этом плане характерен доклад профессора С.Ж. де Лэ на XVI Международном конгрессе историков в Штутгарте в 1985 г. Он критикует так называемых новых археологов США, использующих в своих исследованиях математическое моделирование и компьютер и утверждает, что за 15 лет развития этого направления оно не достигает весомых результатов. Однако он тут же признается в непонимании сути используемых в критикуемых им работах методик.

Действительно, для использования формальных методик и компьютера необходимы специальные знания. Характерно также, что далее автор доклада апеллирует к явно устаревшему тезису о разделении в методологическом плане наук на номотетические и идиографические, утверждая, что общая антропология – это наука номотетическая, тогда как история – идиографическая. Думается, подобная ситуация, отрицающая по существу комплексный характер исторического знания, достаточно уязвима. Данная точка зрения, прозвучавшая на пленарном заседании Штутгартского конгресса, выглядит особенно парадоксальной, если принять во внимание тот факт, что в центре работы конгресса находилась проблематика, посвященная воззрениям М. Вебера, взгляды которого широко используются клиометристами для обоснования теоретико-гносеологических предпосылок математического моделирования в истории.

Трудно опровергнуть тот факт, что в истории, как, впрочем, и во многих других науках, наиболее впечатляющие, а также принципиально новые

подходы осуществляются в рамках комплексного междисциплинарного понимания познания, т.е. на стыке таких наук, как история, с одной стороны, а с другой – семиотика, математика, логика, информатика.

В этом отношении можно высказать предположение о том, что если бы в современном обществе имело распространение комплексное образование, при котором историки изучали бы в широком объеме математику, семиотику, информатику, лингвистику, а математики – гуманитарные науки, применение комплексного, междисциплинарного подхода к истории не вызывало бы сомнения, а разработка междисциплинарных методик, равно как и процедур междисциплинарного анализа, развивались с большим успехом.

Итак, комплексный подход к изучению проблем исторического познания, связанный с использованием междисциплинарных методов исследования, доказывает, что современный информационный уровень исторической науки, использование баз и банков данных на машинных носителях делают неправомерным и нецелесообразным сведение конкретных методик к приемам интуиции, интерпретации, ценностного анализа и т.д. То, что представляется интуитивным подходом, подчас оказывается неявной концепцией, скрытым теоретическим построением, включающим постулаты и проблемы. При наличии сложных исторических источников, при использовании компьютера даже в простых целях – для создания баз и банков данных – необходима концепция, лежащая в основе алгоритма сопоставления информации источников, выделения контекста и определения тесноты (термин, употребляемый в статистике) изучаемых связей. В этом плане особенно значима проблематика, связанная с искусственным интеллектом или методами когнитивной психологии.

Создание баз данных позволяет давать систематический обзор материала и выделять сходное в описываемых фактах, текстах и т.п. по многим параметрам, что способствует построению гипотез, носящих номотетический характер.

Формальный и количественный анализ, базы и банки данных на материале исторических источников, содержащиеся на машинных носителях, – наиболее трудоемкая малоосвоенная проблематика комплексного анализа в истории. Соответствующие анализы отражают также то новое, что привнесено в современную гносеологию и методологию истории современной эпохой с ее интенсивным развитием информатики во всех ее проявлениях и повышением роли междисциплинарных исследований. Именно, принимая во внимание новизну количественного и формального анализов, мы специально на них остановимся дальше.

Глава III

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОМПЛЕКСНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ГНОСЕОЛОГИИ ИСТОРИИ

В данной главе речь пойдет, прежде всего, о тех идеях и концепциях, которые легли в основу разработки формальных, количественных методик,

методов информатики, применяемых в исторических исследованиях. Внимание к этой проблематике объясняется не только тем, что она отражает новизну современной гносеологии истории, но и тем, что именно внедрение этих методик, дополнивших применение традиционных интерпретационных методов, означало комплексное понимание исторического познания. Сочетание междисциплинарных методов обеспечивает гармоничность соединения компонентов «субъект-знание-объект» («с-з-о»), отражающую современный уровень исторической науки и общей гносеологии наук. Кроме того, каждый компонент сохраняет свою, так сказать, автономность, специфическую функцию в рамках исследовательской ситуации. Поэтому мы попытаемся проследить те теоретические предпосылки, которые в целом обусловили формирование комплексного подхода как направления гносеологии истории.

Направление исследований, связанное с применением количественных и формальных методов или, как его иногда называют, клиометрия (Клио – муза истории в античной мифологии), как неотъемлемый атрибут комплексного подхода в истории зарождается на Западе и в СССР в 50 – начале 60-х годов. Причины этого явления были связаны с многочисленными факторами, в частности, огромную роль играла математизация смежных общественных и гуманитарных дисциплин: социологии, лингвистики, психологии, успехи эконометрии, использование компьютера.

Можно считать, что «количественная история», а вместе с ней и комплексный метод в истории, прошла к настоящему времени три этапа в своем развитии.⁷⁴ Первый датируется концом 50 – серединой 60-х годов; второй — серединой 60 – серединой 70-х, и, наконец, третий период ведет отсчет с середины 70-х годов. Три периода отражают уровень научной рефлексии относительно способа сочетания и роли в историческом познании процедур понимания и объяснения и соответствующих Междисциплинарных методик. Сам факт распространения количественных методов свидетельствовал о внимании специалистов не только к событийной истории, игре страстей политической истории, что было характерно для исторической науки конца прошлого, начал, нынешнего века, но к историческим ситуациям, явлениям, отношения процессам. Иными словами, акцентировался обществоведческий аспект исторической науки. Первый этап в развитии комплексного подхода характеризовался односторонней разработкой проблем количественной истории вне ее связи с изучением индивидуальных факторов и личностных проявлений. Характерно также то, что применению количественных методов в истории не предшествовал детальный и глубокий методологический анализ, т.е. анализ их возможностей, границ и познавательного значения.⁷⁵

Данное направление исторических исследований возникло в западной историографии как бы стихийно, под влиянием в первую очередь социологии и эконометрии. Методологический анализ познавательных возможностей

⁷⁴См.: Хвостова К.В. Методологические проблемы применения количественных методов в западной историографии // Современная зарубежная немарксистская историография – М., 1989.

⁷⁵ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 54.

«количественной истории» начал осуществляться позднее на втором и третьем этапах её развития. Возникновение количественной истории было действительно необходимо, так как историки-практики, малоинтересующиеся гносеологическими и специально логическими проблемами исторического знания, стремились упорядочить большой массив данных, относящихся преимущественно к социально-экономическим и политическим отношениям, получить количественные характеристики, сопоставление которых дает возможность расширить диапазон сравнительного анализа.⁷⁶

В первый период количественную историю иногда именовали новой исторической наукой, противопоставляя её традиционной истории, связанной с использованием качественных методов и нарратива. В этот период было популярным представление о том, будто историк, применяющий традиционные качественные методы, использует иллюстративные приемы, т.е. выборочно цитирует отдельные источники, тогда как множество сведений остается вне рассмотрения. Соответственно, общие выводы будто бы строятся на основе обобщения результатов анализа лишь части данных, которые случайно попали в орбиту исследовательского интереса автора и отнюдь не обязательно репрезентативны по отношению ко всей совокупности сведений. Упускалось из виду то обстоятельство, что добросовестный историк, интерпретируя данные, если и ссылается только на отдельные источники, то вырабатывает целостное понимание проблемы с учетом всех известных ему источников. Иными словами, как бы игнорируется целостность исторических понятий и аргументации. Такая трактовка проблемы была ещё весьма далекой от той, которая отвечала задачам комплексного подхода в истории, в русле которого понимание сочетается с объяснением интерпретация с моделированием. Тем не менее, справедливо отмечалось невнимание в рамках традиционной истории к проблеме репрезентивности изучаемого материала. Считалось, что более адекватная репрезентация может быть достигнута в результате приведения таблиц, баз и банков данных, итогов когнитивного картирования и т.д.

Первый этап развития интересующего нас направления исторических исследований характеризовался использованием наиболее известных статистических приемов: средних величин, процентных соотношений, медианы, группировок, корреляционного и регрессионного анализов. Обращение к количественным методам далеко не всегда сопровождалось выяснением однородности данных и проверкой корректности применения того или иного метода.

Однако уже в 60-е годы исследователей начинают волновать гносеологические и методологические проблемы применения математических методов в истории. В центре внимания оказываются каузальные связи, о которых судят по результатам поступков людей, находящихся в сходных политических и социально-экономических ситуациях.⁷⁷

⁷⁶ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 54.

⁷⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 55.

В то же время отсутствует концепционный подход к проблеме и тщательный анализ неоднозначности каузальных зависимостей, понимание которых всегда определяется конструируемой историком исследовательской ситуацией. Для первого периода развития количественной истории характерно пренебрежение правилами, необходимыми для всякого междисциплинарного исследования, предполагающего соблюдение соответствия концепционного знания знанию алгоритмическому и фактологическому.

В конце 50 – начале 60-х годов ещё не была поставлена во всей полноте проблема верификации результатов количественной обработки, проблема соотношения теоретической модели изучаемого явления, т.е. его научной идеализации, и конкретной реальности. Не акцентировалась проблема отличия моделирования в естественных науках, с одной стороны, и в социально-экономических и гуманитарных – с другой. Для первого периода развития западной и отечественной клиометрии характерно стремление сблизить исследование в социально-экономических и гуманитарных дисциплинах с исследованием в естественных науках. Подобная тенденция обнаруживает влияние позитивизма, ещё заметное в те годы в западной социологии, с одной стороны, и влияние марксизма с его пониманием социально-экономических отношений как гносеологических приоритетов – с другой. Несомненно, также воздействие структурализма с его попыткой введения в гуманитарное знание синхронии, статичности посредством перенесения акцента на изучение языковых структур как форм культурного общения. Предваряя содержащийся в VI главе очерк истории развития гносеологии истории, отметим, что попытка сближения естественнонаучного, гуманитарного и обществоведческого познания, характерная для первого этапа количественной истории, основана на критериях, отличных от тех, которые были свойственны такому сближению в эпоху европейского рационализма классического периода развития европейской науки. Тогда вообще отсутствовало, точнее, только начинало складываться понятие гуманитарного знания. Существовала некоторая сугубо рационалистическая модель знания и, соответственно, познания, в рамках которой познание историко-социологических факторов трактовалось как аналогичное математическому. Соответственно в общественной жизни пытались обнаружить аксиомы, а общественное знание построить по образцу аксиоматического. Историческое познание полностью растворялось в социологическом с его вниманием к институтам и отношениям. Позднее с появлением идеи нравственных наук (Спиноза, Кант) возникают элементы гуманитарного познания, появляется сравнительная историография процессов и цивилизаций.⁷⁸

Количественная история 50-60-х годов XX в., развивающаяся параллельно с историей событийной, означала новый виток в сближении наук, но происходящий на новейшей теоретической, информационной и методической базе. Этапы развития этой концепции знаменуют постепенное формирование на базе клиометрии, с одной стороны, и событийной истории – с другой,

⁷⁸ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 56.

комплексного направления в истории. Идеи исторической аксиоматики были в основном преодолены. Достижением данного периода сближения гуманитарных, естественных и обществоведческих наук было убеждение в сложности общественной жизни, её многоаспектности, сочетании в обществе статики и развития, индивидуального и типического.

В соответствии с основной исследовательской задачей, состоящей в количественной обработке огромных массивов числовой информации, относящейся главным образом к социально-экономическим и политическим явлениям прошлого, вычисленные количественные характеристики, в частности коэффициенты корреляции, подвергались на первом этапе развития клиометрии непосредственной интерпретации, т.е. рассматривались как мера каузальной взаимосвязи. Кроме того, рассмотрение статистических тенденций не сопровождалось указанием на их пространственно-временные границы. Отсутствует представление о формируемой историком исследовательской ситуации, зависящей от выбора критериев и общих знаний и концепций ученого. Иными словами, еще не только не сформировалась идея комплексного подхода, предполагающая сочетание междисциплинарных познавательных процедур и методик, но так называемый каузальный подход, связанный с использованием количественных методов, непосредственно противопоставляется интуитивному пониманию в духе Г. Тарда, т.е. всё направление не лишено налета механицизма. Социологический синхронный подход означал полное игнорирование проблемы исторического времени.

Использование количественных методов, в сущности, давало в этот период развития количественной истории мало нового в плане понимания и объяснения исторических явлений по сравнению с обычным содержательным анализом и качественной интерпретацией материала с источников, т.е. с традиционным историческим познанием, включающим и интуицию, и интерпретацию, равно как ценностные оценки и анализ каузальных зависимостей. Исторические закономерности понимались в смысле «подведения под закон» Гемпеля. Исторический закон вслед за К. Поппером рассматривался как примитивное соотношение факторов, понятное на уровне здравого смысла. Достижением работ по количественной истории в первый период развития этого направления в плане методологии было (что, впрочем, соответствовало и тем задачам, которые ставили перед собой и сами исследователи) обращение к большим массивам данных, детальный перебор информации, использование компьютера, а также таких методов репрезентации материала, как развернутые таблицы, содержащие информацию источников, графики, таблицы коэффициентов, расширение диапазона сравнительных исследований.

Второй период развития количественной истории характеризуется всплеском интереса к теоретическим проблемам. Появляется понимание того, что количественная история не может развиваться вне теоретического подхода к изучаемому материалу. На этом этапе наблюдается отход от представлений о господстве в истории сугубо индивидуалистских методов познания, частичный отказ от идей, которые восходят к взглядам Г. Риккерта с его представлениями

об историческом исследовании как ценностном познании, а затем и В. Дильтея, полагавшего, что содержание исторической науки сводится к изучению сознательных поступков людей, которые функционируют в рамках объективного времени. Естественные науки отличаются, по В. Дильтею, от гуманитарных, и это различие сводится, в конечном счёте, к противопоставлению понимания (т.е. постижения духовной ценности, интуитивного проникновения, вживания в духовный мир прошлого) объяснению, т.е. логическому анализу. Для количественной истории этого периода еще характерно стремление представить историческую науку как вид социального знания.

Все ещё заметно влияние позитивистской социологии. Если в философии отход от позитивизма в этот период практически завершён, то достижения представителей позитивизма в области методики оказались неопровержимыми. Соответственно, позитивизм имел большое значение для развития западной социологии, оказавшей, в свою очередь, влияние, на развитие количественной социально-экономической и политической истории. Одновременно усиливается влияние эконометрии, которая все в большей мере ориентируется на использование точных методов.⁷⁹

Особое значение для развития западной социологии имела знаменитая теория самоубийств Эмиля Дюркгейма с её попыткой выявить влияние ряда взаимосвязанных социальных факторов на распределение числа самоубийств по возрасту, полу, социальному положению и дать типологию самоубийств. Теория Дюркгейма о зависимости самоубийств от совокупности названных факторов формализуется с помощью системы уравнений. Система решается методом наименьших квадратов, результаты решения интерпретируются в понятиях каузальных зависимостей. Причинный анализ у Дюркгейма связан с различением зависимых и независимых переменных, характеризующих общественные факторы. Однако Дюркгейм учитывает влияние и прочих факторов, которые могут быть суммарно учтены при моделировании и остаются, таким образом, объектом качественной интерпретации.

Идея сочетания моделирования и интерпретации, как видно, едва намечена. Тем не менее, заслуги Э. Дюркгейма огромны. Он создал классические образцы верифицируемых количественных социальных теорий. Позитивистская школа в западной социологии ставила своей целью обнаружить закономерности в поступках людей в определенной социальной обстановке. Обобщенное представление об этих закономерностях рассматривалось как теоретическое знание. Можно считать, что методология позитивистской социологии имела непреходящее значение для социально-экономической и политической истории. Особое место заняли сравнительные исследования. Большое значение придавалось и анализу степени репрезентативности изучаемых совокупностей. В рамках рассматриваемых представлений отрицалась всякая попытка построения необоснованных выводов об общем на основе изучения частного. Несомненным достижением этого периода в развитии количественной истории

⁷⁹Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 57 – 58.

было внимание к жизни простых людей, воздействию социальной обстановки на их поведение. Однако внимание историков к проблематике и методам социологии уводило их от проблем специфики исторического познания, от различения тех познавательных задач, которые ставят перед собой историк и социолог.

Иными словами, вновь игнорируется идея исторического времени, происходит размежевание идей, заимствованных из социологии, эконометрии и традиционного интуитивизма, восходящего к экзистенциализму XX в., идеям Ясперса, Сартра. В отношении этого периода формирования комплексной гносеологии истории правомерно говорить о противостоянии в гносеологии истории так называемого сциентизма, привнесенного в основном структурализмом, и антисциентизма, связанного с различными формами исторического антропологизма и психологизма.⁸⁰

Проблемы квантификации в этот период не поставлены на Западе и СССР в связь с общими особенностями исторического познания. Рассмотрение этих особенностей в духе Риккерта, Дильтея, Ясперса и Гарда представляется односторонним, некоторым аспектам познания придаётся преувеличенное значение. Однако новое понимание специфики познания ещё отсутствует. Соответственно, ещё не выделена проблема, во многом определившая направление методологических поисков в последующий, третий период развития количественной истории, а именно, проблема соотношения объективного и субъективного в истории общества. Заметны влияние эконометрии и попытка представить социально-экономические отношения как переменные величины при игнорировании факторов, создавших эти переменные. В духе французского структурализма индивидуализм, ассоциируемый с идеями Риккерта, Дильтея, противопоставляется позитивному знанию.

Но и в этот период в западной количественной истории намечаются серьезные отличия не только от интуитивизма Дильтея, но и от традиционных для западной историографии, восходящих к позитивизму воззрений так называемой аналитической, или критической, школы философии истории⁸¹, с ее представлениями о «чистом» нарративе как единственно правомерной форме исторического объяснения, создающего модель близкую к позитивному знанию, и с идеями о неправомерности в истории теоретического знания, относящегося к пониманию исторического процесса. Отказ от воззрений названной школы состоит в признании рядом историков целесообразности широких исторических обобщений, проблемно-концепционного подхода к истории, дедуктивных исторических теорий (заимствованных из социологии и эконометрии или возникших на историческом материале). Таким образом, применение на Западе в середине 60 – середине 70-х годов математических методов было связано с новой нетрадиционной для развития западной

⁸⁰ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 58.

⁸¹ См.: Лооне Э.Н. Возникновение и развитие аналитической философии истории // Вопросы философии. – 1974. №6.

исторической мысли оценкой содержания исторического знания.

Роль теории в истории – одна из основных гносеологических проблем, обсуждаемых представителями количественной истории второго периода ее развития. Исторические теории, по мнению американского историка У. Эйделота, автора обобщающей методологической работы по количественной истории, служат объяснению «сходных признаков (отношений, ранее (т.е. до применения в истории теорий. – К.Х.) не объясненных». Историки, широко использующие количественные методы, подчеркивают недостаточность исторического нарратива «объективного метода» Л. Ранке и эмпирического позитивизма вообще. Признание последовательной значимости исторических теорий сочетается в представлении ряда учёных этого направления с плюралистическим подходом к принципам теоретического познания. У.Р. Уотерс пишет: «Существует множество теорий ... таким образом возможно множество интерпретаций». По мнению У. Эйделота, «обобщение это не есть нечто логически выводимое из наличных данных, это не результат упорной, эффективно направляемой работы. Это комментарий к наличным данным, удачная идея, инспирация ... Наиболее ценные обобщения носят полуинтуитивный характер». Теория, согласно У. Эйделоту, «субъективная, импрессионистская конструкция». Американский ученый отмечает далее влияние немецкой исторической школы экономистов, прежде всего Г. Шмоллера, на формирование методологических принципов сторонников количественной истории. Он отдает также свои симпатии М. Веберу и его учению об идеальных типах. Далее У. Эйделот признает влияние воззрений А. Тойнби, как на развитие количественной истории, так и на формирование современного исторического мирозерцания в целом. Другие представители количественной истории считают, что исторические теории носят эвристический характер.⁸²

В то же время в отличие от предшествующего периода концепционно-теоретическое значение в истории противопоставляется не только естественнонаучному, но и социологическому. Субъективизм, интуитивизм, импрессионизм уже не выводятся за пределы исторического познания, а составляют его неотъемлемый компонент. Однако событийная история и история социальных отношений по-прежнему противопоставляются. Соответственно, отсутствует и характерная для комплексного подхода идея синтетического знания дисциплинарных методик, т.е. сочетания моделей и интерпретация.

В целом, оценивая гносеологию и методологию количественной истории второго периода, следует признать влияние на нее, в первую очередь в США, философии, которую иногда условно называют постпозитивизмом, с ее признанием, вопреки традициям логического позитивизма, метафизики, т.е. теории, не вытекающей непосредственно из данных наблюдений, но являющейся следствием некоторых рациональных посылок, содержащих онтологические допущения. При этом теория, априорная по отношению к

⁸² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 60.

конкретному исследованию, рассматривается как основной инструмент познания, т.е. подчеркиваются её эвристические функции. В духе этих воззрений У. Эйделот утверждает, что субъективная, импрессионистская по своему характеру теория полезнее, чем сбор фактов. «Ключ к пониманию прошлого не в следовании документам, а в изображении и представлении».⁸³ Напомним, что «аналитическая» философия истории, отвергая метафизику, отказывается признать научный характер исторических концепций, не подлежащих эмпирической верификации, т.е. проверке с помощью эксперимента.

Исследовательская ситуация «с-з-о» в этот период понимается как познание, в рамках которого сохраняется традиционно значительная роль познающего субъекта, конструирующего теоретическое знание как совокупность эвристических познавательных приёмов. Наряду с этим, компонент «о» благодаря использованию формальных и количественных приемов приобретает своеобразную объективность, т.е. общезначимость в рамках выбранной концепции. Компонент «з» включает чёткие формулировки, необходимые при формализации. В целом каждый компонент формулы «с-з-о» приобретает определенность, гармонично соединяясь с другими. При этом знание и познание характеризуются как специфический вид гуманитарно-обществоведческой науки. Однако явно недооценивается изучение индивидуального, т. е. специфика гуманитарного знания по сравнению с обществоведением.

О сближении теоретико-методологических взглядов некоторых американских представителей количественной истории середины 60 – середины 70-х годов с постпозитивистскими доктринами свидетельствует и трактовка ими проблемы верификации. Философия постпозитивизма не придаёт, как известно, традиционного для позитивистских воззрений значения эмпирической верификации. Истинным считается положение, не противоречащее теории, постулаты и аргументации которой принимаются специалистами. И, по-видимому, с этой философией согласуются высказывания американских ученых о недостаточности эмпирической верификации. По мнению У. Эйделота, критерием, истинности, правомерности исторических суждений является их признание, т.е. некоторая «согласованность» специалистов в понимании прошлого. «Правомерность исторических суждений, – пишет У. Эйделот, – зависит не от аргументов и свидетельств, приводимых в их подтверждение, но от принятия этих аргументов и свидетельств одним специалистом или большим числом компетентных лиц».⁸⁴ Обработка с помощью математических методов исторических данных – это средство верификации исторических гипотез. Однако американские историки имеют в виду отнюдь не проверку соответствия исторических гипотез реальным фактам. Подразумевается лишь проверка соответствия гипотез

⁸³Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 61.

⁸⁴Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 62.

наличным данным источников⁸⁵, которые сами по себе, возможно, и не отражают достаточно полно реальную картину действительности.

Впрочем, взглядам многих исследователей, применявших количественные методы, по поводу верификации не свойствен столь явный релятивизм. П. Лебрюн пишет, что верификация состоит в установлении «соответствия элементов теории с наблюдаемыми данными». Подобная точка зрения, как видно, обнаруживает большее доверие к исторической информации, являющейся результатом критического анализа источников и сопоставления их данных. Позднее проблема верификации была поставлена, как об этом мы скажем ниже в ином плане, а именно, факты соотносятся не непосредственно с теорией, а с моделью, с некоторой научной идеализацией.⁸⁶

Однако вернемся к 60 – 70-м годам. По мнению значительной части западных ученых, структура исторического исследования вопреки традиционной схеме нарратива, включающего эмпирические обобщения, и несмотря на отличие исторической информации от той, которой оперируют другие общественные науки, напоминает структуру исследования в экономической науке и социологии. Конкретному историческому исследованию, состоящему в анализе источников, предваряется некоторая априорная по отношению к нему дедуктивно-гипотетическая теория, сформулированная в результате предшествующего изучения многих аналогичных явлений. Назначение такой теории состоит в объяснении общих характерных черт соответствующих типов структур, отношений, процессов, форм социального поведения политических или социальных групп и т.д. На основе теорий высказываются гипотезы о функционировании изучаемого вида структур, отношений социальной активности тех или иных слоев, групп населения.

Знаменательно следующее характерное явление: в издаваемые в США в это время сборники статей по количественной истории нередко включаются работы, в которых либо вообще отсутствует математическая обработка исторического материала, либо количественные данные представлены в виде обычных таблиц процентных соотношений. Иными словами, казалось бы, нет оснований относить эти исследования к количественной истории. Имеется лишь одно обстоятельство, сближающее их с теми работами, вошедшими в сборники, в которых широко используются математические методы, – это теоретический подход к изучаемому материалу. В статьях, где отсутствует математический анализ информации, как бы осуществлен подготовительный этап, необходимый для математического моделирования, отработаны понятийный аппарат и содержательная характеристика моделей, являющихся в большинстве случаев частью социологических теорий или теорий политической науки. Следующий этап должен был бы состоять в непосредственном переходе к адекватному выражению, соответствующих

⁸⁵ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 62.

⁸⁶ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 62.

содержательных концепций с помощью математических моделей. Критерием включения статей в сборник служит, таким образом, наличие разветвлённой предметной концепции, вполне подготовленной для перевода её в систему математических уравнений.⁸⁷

Переход от истории «событийной» к истории теоретической, «концепционной», или структурной, означает, по мнению некоторых специалистов, иную постановку проблемы исторического факта. Французский учёный Ф. Фюре полагал, что при концепционном подходе к историческому исследованию факт не имеет событийной формы, его содержание зависит от характера теории, с помощью которой исследователь пытается оценить изучаемую реальность. Интерпретация данных в соответствии с определенной концепцией рассматривается как конструирование фактов.⁸⁸ На наш взгляд, следовало бы говорить не о противопоставлении событийной и теоретической истории, а об анализе Событий в рамках исследовательской ситуации, включающей теоретическое знание. По мнению У. Эйделота, суждение, выражающее констатацию определенного факта, и обобщающее суждение не имеют существенных различий: «При более пристальном рассмотрении оказывается, что оно (суждение факта. – К.Х.) основывается на запутанной цепочке сравнений, гипотез, верификаций».

Это, как видно, уже современный взгляд на вещи, согласно которому факт науки не идентичен факту действительности. Факт науки всегда выражен в терминах соответствующих концепций. В то же отмечается время необходимость при анализе экономических явлений прошлого с помощью математико-экономических моделей учитывать сложное влияние разнородных исторических факторов. Изучение этих факторов и лежит, по мнению Ж. Марчевского, в основе количественной истории. Отмечается неидентичность, с одной стороны информации, являющейся объектом изучения социологии, экономической и политической наук, а с другой – ретроспективной исторической информации, неизбежно отличающейся известной неполнотой и специфичностью источников. Однако, справедливо акцентируя внимание на особенностях исторической информации, учёные в период, о которое идет речь, ещё не подчёркивали специфику самих исторических явлений, их неидентичность с аналогичными явлениями современности Сама идея «новой исторической науки» свидетельствует о попытке разорвать традиции, отойти от историзма, описания фактов и процессов, от идей Г. Тарда, с именем которого ассоциируется современная концепция изучения исторических процессов. Представители «новой исторической науки» данного периода как бы забывают, что историческое знание – это анализ общего в конкретном и индивидуальном; это и структуры, и социальное поведение, и события Пренебрежение событийной историей – очевидно. Заслуга, безусловно, в разработке идей теоретико-концептуального знания, идей предпосылочного, внеисточникового

⁸⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 63.

⁸⁸ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 63.

контекста в историческом познании.

Сторонники количественной истории рассматриваемого периода, используя теории смежных общественных наук, пытались иногда выработать собственные исторические концепции, служащие для объяснения явлений отдаленного прошлого. Однако эти концепции носят несколько искусственный характер. Они ориентировались исключительно на образную модель. Например, иерархическая структура средневекового общества уподоблялась различным видам пирамид.⁸⁹

Наряду с этим, нельзя не заметить появление некоторых предпосылок для формирования целостного понимания исторического знания и познания. Эти предпосылки заметны в рассматриваемых выше идеях интуитивистского характера исторических концепций, отличающихся от естественнонаучных. Такие представления уже подготавливали идею исторического познания как сочетания интуитивно-интерпретационных объяснительных процедур, основанных на использовании формальных. И количественных методик. Подобные предпосылки можно усмотреть и в понимании функциональных зависимостей в истории. Понятие исторической причинности в стиле позитивизма Э. Дюркгейма сочетается с идеями функциональных связей между факторами. Имела значения эволюция в понимании функционализма, определившая дальнейшее развитие французского структурализма. В рассматриваемый период от функционализма Радклифа-Брауна и Малиновского, согласно которому функциональная связь элементов общества слабо зависит от времени и носит необходимый характер, переходят к функционализму Р. Мертона. Согласно идеям последнего функциональные взаимосвязи в рамках культурной и социальной общности зависят от времени и места. Этот теоретический постулат, непосредственно относящийся к онтологической и феноменологической сферам, связан с признанием эвристического характера исследовательской ситуации в историческом познании, с известным вниманием к историческим процессам. Хотя соответствующий интерес выражен неявно, поскольку идеи Г. Тарда по-прежнему подлежат критике, подобные взгляды все же носят конструктивный, перспективный характер. Существенно также и то, что тогда же на уровне теории четко формулируются гносеологические принципы правомерности использования в истории формальнологических, количественных методов, структурных моделей. Традиционно считалось, что препятствием для использования этих познавательных процедур и методов служит то, что история изучает деятельность людей, которым свойственно совершать мотивированные поступки, иметь индивидуально-субъективные цели. При этом, результат деятельности человека традиционно квалифицировался как явление несовместимое с необходимыми закономерностями и тенденциями и соответственно с попытками объяснить его с помощью детерминистских моделей. Эту тенденцию сторонники новой исторической науки возводят к Г.

⁸⁹ См.: Какх Ю.Ю. Ковальченко И.Д. Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях // История СССР. 1974. № 5 Ковальченко И.Д. О моделировании исторических явлений и процессов // Вопросы истории 1978. № 8.

Тарду, хотя на самом деле она, по-видимому, имеет более глубокие корни. На втором этапе развития клиометрии и соответственно новой исторической науки была отмечена ошибочность такой позиции. Подчеркивалось, что действительно результат мотивированной деятельности человека – это явление, модифицирующее внешний для человека социальный мир, самого деятеля и его социальный статус. Однако это явление (результат деятельности) нельзя рассматривать как факт, зависящий от концепции. По мнению Дюркгейма, – это вещь. Мы бы сказали, что результат такой деятельности – это совокупность институтов и отношений в обществе. Что же касается начавшегося в середине 70-х годов третьего периода развития количественной истории и в целом так называемой новой исторической науки, то он характеризуется дальнейшей разработкой теоретических, гносеологических и методологических предпосылок, составляющих теоретическую основу развития этого направления исследований.⁹⁰ В этот период в центре внимания теоретиков данного направления в отличие от предшествующего периода находятся такие проблемы, как соотношение исторического и физического времени, взаимосвязь сознательной деятельности людей и социальных процессов и отношений. Иными словами, возникают и реализуются идеи цельного комплексного подхода к историческому знанию. Среди тех, кто оказывал влияние на формирование теоретических предпосылок применения в истории количественных методов, упоминают Ф. Броделя, для которого, по словам американского ученого Дж. Холла, события всего лишь гребни пены, образуемой вокруг создаваемых историей тенденций.

По Ф. Броделю существует некая условная система измерения циклов событий, происходивших в объективном, т.е. физическом, времени. Школа французских *Анналов*, хотя и опиралась на идеи Э. Дюркгейма, но выдвинула идею нелинейности исторического времени. Понимание временных процессов в обществе нашло свое отражение в идеях Ф. Броделя о *longue durée* и *long term* (большая длительность и большой период). Эти феномены находятся, по Броделю, вне сферы индивидуальной интенциональности, они определяют совокупность функциональных связей, социальных отношений и менталитета.⁹¹

В третий период развития количественной истории на Западе, когда на ее базе формируется комплексный подход в гносеологии истории, по-прежнему немалое значение придается идеям М. Вебера, создавшего, по мнению квантитативистов этого периода, теоретические предпосылки гносеологии количественного анализа в истории. По мнению Дж. Холла, М. Вебер соединил идеи социально значимых поступков в обществе с представлениями об определенном временном периоде.⁹² Он предложил социальную теорию,

⁹⁰ См.: Моисеенко Т.Л. Применение количественных методов и ЭВМ в зарубежной медиевистике // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях: Сб. статей. М., 1985. С. 269-299; Боуг А.Дж. Квантификация в 80-х годах: численный и формальный анализ в изучении истории Соединенных Штатов // Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983; Ковальченко И.Д., Тишков В.Л. Итоги и перспективы применения количественных методов в советской и американской историографии // Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983.

⁹¹ Бродель, Фернан. Материальная цивилизация и капитализм. XV – XVIII вв.: (В 3 т.) / Пер. с франц. – Т.1.: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. – С. 15.

⁹² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие

идеализированные объекты которой являются сравнимыми с реальными проявлениями исторического процесса. В качестве таких идеализированных объектов в учении М Вебера фигурируют идеальные типы.⁹³ Дж. Холл подчеркивает отличие подобной теории от естественнонаучного теоретического знания, для которого характерно непосредственное соотнесение реальных объектов с их теоретическим аналогом.

Всякое сопоставление реальной действительности с некоторым её идеализированным типом является, по мнению Дж. Холла, измерением этой действительности независимо от того, вычисляются ли определённые количественные характеристики или они лишь подразумеваются. Известно также, какую популярность в настоящее время имеют теоретические идеи М. Вебера в целом для формирования философии истории. На 16-м Международном конгрессе историков в Штутгарте в 1985 г. характеристика воззрений М. Вебера находилась в центре внимания докладов и научных обсуждений. По мнению многих ученых, теория идеальных типов М. Вебера снимает то противоречие исторического знания, которое заключено в анализе общего и индивидуального.⁹⁴

В качестве учёных, создавших теоретические предпосылки применения в истории количественных методов и предпосылки комплексного подхода в гносеологии истории, признаются также А. Шюц и Т. Парсонс. Их теоретические построения интересны для квантитативистов в том смысле, что они, как полагает Дж. Холл, модернизируют и совершенствуют некоторые идеи М. Вебера. Так, в концепциях М. Вебера не отражено чёткое разграничение двух типов значений, а именно, значения, которое сам исторический деятель придавал своему поступку и Определённый хронологический период, и того значения, которое усматривал и усматривает в этом поступке внешний обозреватель, в том числе и современный учёный. Иными словами, в теоретико-идеологических концепциях М. Вебера не акцентируется оценочный и имманентный уровни социального и гуманитарного исследования.⁹⁵

По Шюцу, социальный деятель поставлен в ситуацию абсолютного «теперь». Различные интерпретации его поступков связаны с пониманием разными исследователями временной связи мотивов. Традиция – пример идеального типа с единым субъективным временем.

Каждое конкретное социальное действие имеет временную структуру, включающую результаты воспоминаний и предвидения результатов поступков других лиц, и это предвидение основано на знании поступков этих лиц в предшествующие временные периоды.

Т. Парсонс выдвинул концепцию, в рамках которой субъективно-волеаристская деятельность субъекта сочетается с особенностями

для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 66 – 67.

⁹³ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 67.

⁹⁴ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 67.

⁹⁵ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 67.

функционирования системы, регулятором которой является подсистема ценностей и естественный язык. Эта последняя обладает саморегуляцией, благодаря которой спонтанно развивается во времени.⁹⁶

Идеальный тип М. Вебера, согласно Т. Парсонсу, это сочетание аналитических элементов. При этом в концепции М. Вебера не учтено то обстоятельство, что, эти элементы могут свободно варьировать в рамках идеальных типов. Т. Парсонс акцентирует многовариантность ситуаций, зависящих от волюнтаристских и иррациональных поступков людей. Он формулировал концепцию зависимости индивидуального действия от общественных отношений. Субъективное отношение личности к общественным отношениям создает ситуации. В общественной жизни функционируют подсистемы общей социальной системы. Каждая из подсистем – экономическая, политическая, идеологическая – исполняет свою функцию. Конкретный человек действует в рамках функционирования подсистем. Идеи Т. Парсонса о функциональном значении каждой подсистемы, о стабильности (инварианте) соответствующего значения используются как теоретическое обоснование количественного подхода к истории, основанного на выявлении стабильных социальных систем. Наряду с этим не забывается и роль личностно-психологических факторов. Однако остается в стороне зависимость функциональных связей от времени. Соответствующая идея, сформулированная еще в предшествующий период в развитии новой исторической науки, не получила своего дальнейшего развития. Если проблема личности и общества начинает усиленно дебатироваться, то проблема структуры – процесса в меньшей мере волнует представителей нового направления исторической мысли.

Как видно, для количественной истории третьего периода характерно стремление обнаружить в общественных отношениях прошлого тенденции, функционирующие на протяжении длительного времени, найти структурные связи, рассмотреть деятельность отдельной личности с ее индивидуальным сознанием в рамках инвариантной культурно-социальной ситуации. Типично стремление объединить в единый комплекс представлений об обществе как восходящие к Дильтею идеи современной герменевтики, так и воззрения в духе Ф. Броделя и М. Вебера, Э. Дюркгейма, акцентирующие значимость тенденций общественного развития и роль противостоящих человеку общественных ситуаций. Внимание к историческому времени, протекающему в своем особом ритме в рамках физического времени, также есть отличительная черта данного периода в развитии теоретических идей современной количественной истории. Существенно признание специфики исторических концепций, их отличия от теоретического знания в естественных науках.

В целом, в настоящее время правомерность квантификации в исторической науке связывают с возможностью обнаружения общественных тенденций, закономерностей систем и структур независимо от интерпретируются ли эти тенденции как идеальные типы в духе М. Вебера или как подсистемы с

⁹⁶ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 68.

инвариантной на протяжении длительного времени функцией в духе Т. Парсонса, или как общественные отношения или структуры в стиле К. Маркса и структуралистов.⁹⁷

Далее, правомерность квантификации в истории пытаются обосновать в терминах социального поведения и функционирования социальных систем, избегая, однако, при этом использования понятийно-категориального аппарата статистики, теории вероятностей и информации. Подобная особенность выглядит несколько странной, особенно на фоне использования в практике количественного анализа всевозможных статистических методов.

Примечательной представляется резкая критика позитивизма в социологии. Критике подвергаются и Э. Дюркгейм, и его формализованная теория самоубийств. Острые критических замечаний, адресованных позитивистам, состоит в том, что они обвиняются в идентифицировании исторических явлений с явлениями в естественных науках. Они не рассматривали историю как результат сознательной деятельности людей, не подчеркивали того, что теоретические модели не могут быть непосредственно «подтверждены» реальными фактами. Это «подтверждение» заключается в сопоставлении фактов с идеализированными моделями в духе М. Вебера, теоретическими конструкциями, именуемыми «идеальные типы», «функциональные системы» и т.д.

Все эти обстоятельства лишней раз подчеркивают новаторский характер идей представителей новой исторической науки рассматриваемого периода, рождение в русле того направления целостного или комплексного подхода к истории. В то же время формирование этого подхода в 70 и 80-х годах еще не осознано на уровне научной рефлексии и сами соответствующие понятия не используются.

Современные квантитативисты справедливо акцентируют необходимость разработки теоретического концепционного знания, являющегося объектом моделирования. Справедливо также указывается на сложности соотнесения теоретических аналогов и фактических эквивалентов, что обусловлено сложной природой общественных отношений, связанных с деятельностью людей и не сводимых к закономерностям природных явлений.

Однако признание правомерности моделирования в истории, предполагающее использование статистических и иных математических методов, означает формализацию предметной концепции, т.е. выражение соответствующего знания в понятиях и терминах математики. Поэтому нам представляется, что изучение с помощью математических методов взаимосвязей исторических явлений в пространстве и времени невозможно без использования понятий теории вероятностей, например таких, как статистическая закономерность, стохастический процесс, равно как и понятие информации.⁹⁸

⁹⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 69.

⁹⁸ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 70.

Некоторые общественные тенденции в рамках определенного пространственно-временного диапазона носят статистический характер. Это относится к тенденциям, изучаемым социологией и социально-экономической историей. Соответственно, в социологических и исторических закономерностях могут быть обнаружены их динамический, т.е. необходимый, аспект⁹⁹, отражающий влияние некоторой общей причины, общей относительно стабильной во времени социально-культурной и информационной ситуаций и вероятностный аспект. Этот последний отражает результаты сознательно-мотивированной деятельности людей в ситуации, которая лимитирует свободу выбора решений и обуславливает так называемое поле возможностей результатов поступков. Динамический, необходимый аспект этих отношений (некоторая норма, типичное в отношениях), формируясь под влиянием социокультурного информационного инварианта¹⁰⁰, находит отражение в источниках «нестатистического» характера: законодательных памятниках, различного рода постановлениях нормативного характера и т.д. Конкретная форма проявления необходимости, зависящая от сознательной деятельности людей в условиях ограниченного внешними обстоятельствами выбора решений, реализуется в результатах поступков и мотивах поступков. Но в любом случае социокультурный информационный инвариант обуславливает то поле возможностей, те ограничения, в рамках которых осуществляются реальные события. Соответственно в современной гносеологии, характеризующей научное познание, преобладает направление, уделяющее равное внимание объяснению и пониманию.

При этом информатика, математическое моделирование, количественная история оказались связанными с проблемами исторического понимания гораздо теснее, чем это могло бы показаться на первый взгляд. Дело в том, что математическое моделирование и применение математических методов в истории способствовали постановке проблемы, являющейся новой как в исследовательском, так и методологическом планах. Речь идет о проблеме соотношения в деятельности человека целенаправленных логически четких поступков и решений, а также эмоций, интуиции, ценностного восприятия. Суть проблемы в том, что логическая структура деятельности человека и его рассуждений может стать объектом математического моделирования, тогда как влияние на его поступки интуиции, эмоций, ценностно-психологических установок определяется исследователем на стадии до и после математической обработки данных посредством понимания изучаемых явлений, т.е. интуитивного проникновения в мотивы и характер «поступков деятелей прошлого путем их интерпретации. Соотношение поддающихся моделированию, т.е. объяснению, логических действий и поступков и не поддающихся моделированию, но являющихся объектом интуитивного понимания психическо-эмоциональных факторов оказывает сравнительные

⁹⁹ Герц Г. Закон, развитие, случайность // Вопросы философии. – 1978. № 8. – С. 55.

¹⁰⁰ Это условное и, возможно, недостаточно точное понятие подразумевает представление об относительной стабильности во времени совокупности общественных отношений, культурных традиций и способов распространения, хранения и переработки информации.

роли названных двух типов духовной активности. Моделирование способствует выявлению логики и интуиции как в изучаемых историком поступках и рассуждениях исторических деятелей прошлого, так и в исследовательской процедуре самого современного историка.¹⁰¹

Впрочем, как отмечалось выше, развивается направление психология, представители которого разрабатывают возможности моделирования эмоционально-психических переживаний. Что же касается использования формально-логических и количественных методов, то именно психология была той областью, где соответствующие методики, в частности факторный анализ, начали применяться раньше, чем в других областях гуманитарного знания. Но это относится к психологии современного человека, области знания, в которой возможно применение тестов и прочих приемов наблюдения и обследования.

По отношению же к влиянию эмоционально-психических факторов на политическое и социальное поведение людей прошлого моделирование – в силу особенностей исторической информации – затруднительно. Однако мотивы поступков, связанные с логическими рассуждениями, аргументацией, стали в настоящее время объектом пристального внимания историков и политологов, использующих формальнологические средства, методы искусственного интеллекта. К изучению логики аргументации все чаще обращаются специалисты в области истории международных отношений. Соответствующая методика, как мы покажем ниже, может быть использована при анализе средневековых нарративных источников, изобилующих стереотипами рассуждений и аргументации.

Использование точных методов, связанных с идеями искусственного Интеллекта, для анализа менталитета, получившее значительное распространение в 70-90-е годы, и означает окончательное оформление Целостного (холицистического) или, лучше сказать, комплексного направления в гносеологии истории. В данном случае, очевидно, что с помощью выражения «комплексный» подчеркивается относительная автономность в гносеологическом и методологическом планах различных подвидов исторического знания; социально-политической истории, Культурной истории и др.

Комплексный подход сформировался окончательно, когда произошел отказ (естественно, в современной гносеологии истории, как отмечалось выше, существуют и другие направления, но мы рассматриваем данное как новаторское и, по нашему мнению, перспективное) от противопоставления изучения в истории индивидуального общему, когда история не рассматривается как знание, основанное исключительно на исследовательских процедурах понимания, интуиции, тогда как социология – на процедурах подведения под закон. Иными словами, герменевтика превратилась, точнее, превращается в направление, базирующееся на когнитивном картировании, базах и банках данных, на методах формальной логики и искусственного

¹⁰¹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 71.

интеллекта.¹⁰²

Теоретическим обоснованием герменевтики служат работы М. Хайдеггера, П. Рикера, Х.Г. Гадамера и др. Использование методов искусственного интеллекта в политологии связано с именами Н. Латеса, А. Джорджа, Р. Абельсона. Формализация интерпретационных процедур базируется на теориях общности смысла языковых и знаковых структур. Формализация и компьютеризация интерпретации, в частности, используемой в аргументации, имела в политологии важное значение в разработке основ системы принятия решений. В истории подобные исследования важны для выявления исторических альтернатив поведения индивидуумов и социальных групп, для оценки принятых ими решений с точки зрения исторической перспективы.¹⁰³

Глава IV

ЛОГИКА ИСТОРИЧЕСКИХ РАССУЖДЕНИЙ

В данной главе мы задаемся целью выявить характерные черты исследовательской ситуации в работах по истории, а также логическую структуру исторического знания как разновидности социально-гуманитарного знания. Выше говорилось, какую огромную роль играет исследовательская ситуация в историческом знании и, соответственно, в познании. Она определяет исследовательские процедуры, их своеобразное сочетание, логику и методику анализа. В свою очередь эта роль определяется многими особенностями знания и познания. А именно отсутствием аксиоматического подхода, полисемантизмом понятий, отсутствием точности в их определении, необходимостью применения правдоподобных рассуждений (в том числе индуктивных выводов и аналогий), отсутствием контроля за степенью правдоподобия выводов, трудностью выведения общих законов и теорий. К этому следует добавить роль общего мировоззрения и исторических воззрений исследователя, влияние его личностных эмоционально-психологических качеств. Далее, необходимо отметить специфику отношения к «готовому» знанию, позволяющему выбрать тему исследования, а также исследовательский аспект, определить отношение к источникам, оценить их достоверность и значимость, осуществить интерпретацию. Все эти факторы обуславливают эвристику исторического исследования. Она состоит в том, что исследовательская ситуация формируется посредством введения некоторых исходных условий, являющихся результатом выбора, определяемого факторами, составляющими предпосылочное или внеисточниковое знание.¹⁰⁴

Мы говорили, что историческое исследование характеризуется специфическим способом сочетания гносеологических процедур понимания и объяснения, их взаимопроникновением, сложным переплетением, практической

¹⁰² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 72.

¹⁰³ См.: Ricoeur P. Hermeneutics and the Human Sciences. Cambridge, 1981; Таллер М. Что такое «источниково-ориентированная обработка данных. Что такое историческая информатика?» // История и компьютер. С. 5-18.

¹⁰⁴ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 73.

невозможностью вычленения этих процедур в стандартном исследовании, выполненном с помощью традиционных качественных методов. Формально-количественный подход в тех исследовательских ситуациях, в которых он оказывается возможным, позволяет отделить процедуры понимания и объяснения, выявить особенности их функционирования и роль в процессе познания. Очевидно, впрочем, то, что процедуры понимания и объяснения, присутствующие в историческом исследовании, многообразны.

Понимание, содержащее целостное и общее интуитивное представление об объекте, позволяет провести известные аналогии с теоретическим знанием в естественных науках. Однако эти аналогии справедливы только по отношению к функциональным ролям, которые играют, с одной стороны, общее понимание, присутствующее в знании (предпосылочном) в гуманитарных и общественных дисциплинах, в том числе и в истории, а с другой – теория в естественных науках. Обе формы априорных и абстрактных представлений, используемые в том и другом видах знания, предшествуют конкретному исследованию, формируют первоначальные предпосылки детального понимания и объяснения в рамках изучаемой предметной области. Но поскольку в истории в таком недетализированном представлении отдельные теоретические положения присутствуют неявно, то полной аналогии с естественнонаучным знанием быть не может. Напротив, следует подчеркнуть имеющееся различие.

В целом характерные особенности исторической исследовательской ситуации могут быть резюмированы следующим образом. Формирование конкретной исследовательской ситуации определяется, как мы сказали, посредством эвристического выбора вводимых в ситуацию компонентов. Данный выбор является результатом индивидуального усвоения предпосылочного внеисточникового знания, присутствующего в исследовании неявно. Этот вид знания образует, хотя и неявно, самостоятельно функционирующую систему, которая включает следующие ниже рассматриваемые элементы. Прежде всего, к предпосылочному знанию относятся теория и философия истории, существующие на момент времени проведения конкретного исследования. Они, естественно, восходят к общему философско-мировоззренческому и научно-теоретическому климату, картинам мира соответствующего периода. Далее предпосылочное знание включает состояние исторической науки, «готовое знание», в том числе и состояние источниковедческой базы. Однако картины мира и философско-теоретические концепции и идеи времени, равно как и философия истории оказывают влияние на уровень исторической науки и процедуры познания через посредство личности историков-исследователей, их философских, политических и религиозных взглядов, психологических, эмоциональных особенностей. Совокупность факторов, относящихся к априорному, предпосылочному знанию, обнаруживает многие отличия исторической науки и исторического познания от соответствующих видов интеллектуальной деятельности в естественных науках. Это, прежде всего, относится к роли личных качеств субъекта-исследователя.

Несомненно, эмоционально-психологические факторы влияют и на

естественнонаучное познание. Однако в историческом познании происходит переосмысливание истории заново каждым историком. Условно считаем, что в итоге этого переосмысливания создается индивидуальный вид «готового» знания. Названный компонент предпосылочного знания прямо (в отличие от других компонентов, действующих опосредованно) влияет на выбор темы исследования, т.е. определяет сужение предмета исследования до его некоторой предметной области, а также обуславливает выбор исторической концепции или отдельных теоретических и методологических принципов, относящихся к данной предметной области.

Однако эти компоненты, т.е. тема, концепция и принципы лежат уже в той сфере рассуждений, которая находится за пределами предпосылочного знания, так как составляют непосредственный компонент исследовательской ситуации в исторической науке, тот компонент, который в отличие от рассмотренного предпосылочного знания, присутствующего неявно, явно и определенно фигурирует в исследовании. Историческая концепция или теоретико-методологические принципы исследования признаются некоторым консорциумом профессионалов в соответствующий период времени. Они обуславливают выбор в конкретном исследовании гносеологических приоритетов, определяющих, по мнению исследователя, исторический процесс. Такими приоритетами, могут быть божественный промысел и соответствующие ценности, естественный порядок вещей, человеческая природа, её изменчивость или, напротив, неизменность. Далее, эти приоритеты могут подразумевать материальные условия жизни: производственные отношения и производительные силы. Их содержанием, наконец, может быть культура цивилизация, прагматические ценностные установки, деятельность отдельных личностей, государство, право, а также комплексный или холистический подход к изучаемым проблемам, предполагающий некоторый целостный охват.

Конкретная историческая концепция и названные принципы в известной мере способствуют ограничению предметной области исследования, выбору темы. Однако связь темы и названной концепции – функциональная, взаимозависимая. Тема, также влияет на концепцию и теоретико-методологические принципы). Например, предметом исследования является история Византии. Рассмотренные выше компоненты предпосылочного знания позволяют сузить предмет исследования, допустим, выбрать определённый временной период, тогда, рассмотрению подлежит не вся история Византии, а только поздний период её существования, например, XV-XV вв., наилучшим образом обеспеченный источниками. Выбрана конкретная историческая теория, согласно которой исторический процесс определяется ценностями и институтами, составляющими исторические цивилизации. Благодаря такому выбору, исследователь производит дальнейшее ограничение предметной области исследования и формулирует свою тему как поздневизантийская цивилизация. Роль теории в выборе темы проявляется, прежде всего, в формулировке последней.

Начиная с темы исследования, возрастает роль явных компонентов исследовательской ситуации, назначение которой состоит в раскрытии темы.

Это раскрытие начинается с обозначения цели исследования. Формулировка цели означает определение исследователем в соответствии с его теоретической ориентацией своих исследовательских намерений, побуждающих его сконцентрировать внимание на некоторых признаках предмета изучения. Цель можно определить как направленность исследовательских процедур на получение определенного результата. Допустим, изучается византийская цивилизация. Совершенно очевидно, сколь многоаспектна эта тема. Соответственно при изучении византийской цивилизации цель исследования может быть сформулирована по-разному. Ее, например, можно видеть в изучении отличий византийской цивилизации от современной ей средневековой западноевропейской, т.е. западнохристианской цивилизации.

Например, Н.О. Лосский, изучая восточное догматическое богословие, следующим образом формулирует цель своего исследования: «Мы задались целью рассмотреть здесь некоторые аспекты духовной жизни и опыта Восточной церкви в их связи с основными данными право иного догматического предания».¹⁰⁵ Цель исследования определяет постановку проблем. В работе Н.О. Лосского проблемы обозначены в форме перечня конкретно изучаемых вопросов. Например: творение, время и вечность, космический порядок и т.д. Проблемы определяют гипотезы и выводы. Гносеологическая характеристика исследовательской ситуации в истории должна быть дополнена характеристикой логических оснований исторического знания, подразумевающей логическую систематизацию знания; формализацию рассуждений; уточнение идей, превращаемых в понятия; формулирование концепций и их коррекцию. Логическая систематизация знаний означает выделение исходных отношений, установление зависимостей между ними, выбор логического языка для представления знания и построение организации знания (формулирование принципов, выделение фактов и утверждений о них, введение определений и т.п.). Логическая систематизация предшествует измерению, т.е. применению численных методов. Строение исторического, как и всякого общественного и гуманитарного знания, сложнее и не столь прозрачно, как в точных и эмпирических науках. Логическая структура общественно-гуманитарного знания скрыта («Переодета» – выражение Л. Витгенштейна: «естественный язык переодевает мысли») и затемнена неточностью, полисемантической природой понятий. Однако такая логическая структура существует, иначе знание ни было бы понятным. Следовательно, знание может быть структурировано и упорядочено с учетом различных контекстуальных (в пределах исследовательской ситуации) зависимостей. Иными словами, необходимо исследовать логические основания названных видов знания.

Строение общественного и гуманитарного знания отлично от строения знания, как в точных математических науках, так и в эмпирических. Строение знания в точных науках априорно-дедуктивно, в эмпирических (естественные, техника) – гипотетико-дедуктивно. Класс следствий; в точных науках,

¹⁰⁵ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 77.

получается, по дедуктивным правилам из аксиом, класс следствий в эмпирических возникает из принципов (аксиом и законов) и экспериментально установленных фактов, или из комбинации Законов, фактов и гипотез (в последнем случае истинные утверждения отделяются от гипотез).

Формализация рассуждений в гуманитарных науках требует расширения понятия логического вывода в силу применения правил правдоподобного вывода в открытых теориях и нетривиальных металогических средств. Использование идей (а фактически метафор, порожденных холистическими потребностями) вызывает необходимость распространения логической систематизации на идеи, уточнение которых приводит к понятиям. Это означает превращение знания, релевантного идее, в организованное знание. Это означает ещё и то, что термин, представляющий идею, получает определение (ср. определение П. Сорокиным понятия революции). Однако не каждая идея, соответствующая реально существующему феномену, может быть на данном этапе развития науки превращена в понятие (например, идея нации, как показал П. Сорокин, не имеет корректного определения).¹⁰⁶

Под рассуждением мы понимаем построение последовательности аргументов, вынуждающих принятие некоторого утверждения, которое и является целью рассуждения. Особенности рассуждения, отличающими его от логического вывода и в, частности, от доказательства в стандартном понимании являются:

- открытость множества возможных аргументов;
- использование метатеоретических и, в частности, металогических средств, с помощью которых осуществляется управление логическими выводами, применяемыми в процессе рассуждения;
- использование не только правил достоверного вывода, но и правил правдоподобного вывода, аппроксимирующих применяемые эвристики (например, правила структурной эмпирической индукции, аналоги).¹⁰⁷

Построение концепций требует формулирования утверждений, либо имеющих ранг закона или номологического правила (как у М. Вебера)¹⁰⁸, либо, выступающих в виде технологических принципов (как у К. Поппера).¹⁰⁹ Различные концепции в соответствующих гуманитарных науках могут использовать не только средства дедуктивной логики, но и методы правдоподобных (в частности, индуктивных) рассуждений (Д.С. Милль, Э. Дюркгейм).¹¹⁰

Различные гуманитарные науки могут иметь специфические логические основания.

¹⁰⁶ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 78.

¹⁰⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 78.

¹⁰⁸ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

¹⁰⁹ См.: Поппер К. Историческое объяснение // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. – М., 2000. – С.330-339; Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1993.

¹¹⁰ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 78.

Исторические науки требуют логических средств для описания фактов и логических средств (логика доверия) для оценки достоверности источников.¹¹¹

Для логической систематизации знаний в истории и социологии характерны следующие проблемы: создание иерархии языков, описания событий (фактов во времени), ситуаций (множества событий, имеющего некоторую организацию), явлений (свойств и отношений между ситуациями). Посредством таких языков возможно описание процесса как упорядоченного во времени множества ситуаций, существующего в некоторой меняющейся и индивидуализированной среде.¹¹²

С логической точки зрения можно выделить четыре этапа анализа темы:¹¹³

- создание аргументации за и против включения некоторой системы утверждений об исторической реальности в рамки исследовательской ситуации. Это логика формирования базисных утверждений на основе информации исторических источников либо формулируемых априорно;
- этап исследования, который может быть назван логикой открытия. На этом этапе происходит формирование обобщающих утверждений на основе уже имеющегося и уже организованного знания на первом этапе исследования. Целью применения логики открытия является порождение различных зависимостей, связывающих объекты и свойства, факты и факты, ситуации и поведение, ситуации и свойства. Важным подклассом зависимостей, порождаемых применением логики открытия, являются зависимости причинно-следственного типа. Выделение причин, вызывающих (или тормозящих) некоторый специально-исторический эффект, является необходимым условием формализации ситуационной логики, применение которой ориентировано на исследование отношений «ситуация → поведение», «поведение → ситуация», и «ситуация → поведение → ситуация»;
- применение ситуационной логики (формальное описание социально-исторического вынуждения, то есть основания для перехода от ситуации к поведению, вызванному ею; от поведения к ситуации, являющейся результатом поведения; и, наконец, от ситуации к ситуации);¹¹⁴
- формирование теоретического обобщающего знания.

В обществе возможно сочетание двух типов причин: положительных и отрицательных, но выделить их чрезвычайно трудно в силу их многообразия и многочисленности.

Сложность вычленения различных взаимосвязей, характеризующая исторические факторы составляет отличие общественных и гуманитарных наук от аналитических естественно научных.

Поиск причин осуществляется либо прямым, либо обратным путём. Либо

¹¹¹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 78.

¹¹² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 79.

¹¹³ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 79 – 80.

¹¹⁴ См.: К. Поппер. Логика социальных наук // Вопросы философии. – 1992. №10. С. 65 – 75.

мы переносим свойства одного объекта, который мы уже изучили на другой, либо мы рассуждаем в обратном порядке: от симптома к объекту (подобный способ рассуждения применяется в медицине).¹¹⁵

Для того чтобы обнаружить тенденцию или распространенность, то есть в любом случае некоторую закономерность, нужно установить сходство событий, ситуаций, явлений. Вообще для гуманитарных и общественных наук понятие схождения является центральным. В естествознании чаще существенным оказывается понятие эквивалентности или тождества. Там исследователь имеет дело с числовыми зависимостями с функциями, и поэтому выделение индивидуальных объектов (числовых) требует использования тождества.

В гуманитарных и общественных науках важнейшим принципом является принцип описания системы и структуры отношений, ибо измерение не может быть первичным при построении модели исторической или социологического процесса. Этот принцип можно описать так сначала качественное описание структуры и системы отношений построение (концепция, о которой говорилось выше), а затем, если возможно, отображение этой системы отношений в числовую систему, т.е. реализация измерения (статистика ли, изучение ли каких-то изменений с помощью математических средств, формализация структуры и т.д.). Вообще числовой анализ в общественных и гуманитарных науках почти всегда вторичен. Повторяем, первично описание структуры и системы отношений, которое основано на изучении схождения событий, аналогий и т.д. и т.п.

Все сказанное характеризует такую особенность общественного и гуманитарного знания, как отсутствие формального языка. Языком исследования является естественный язык, на котором осуществляется повествование (нарратив). Преддверием современного отношения к историческому исследованию явились размышления О. Конта, Г. Риккерта, М. Вебера, П. Сорокина, Р. Коллингвуда и др., стремящихся к созданию некоторого логического аппарата для обработки и обобщения фактов общественной жизни.

Если резюмировать структуру исторического описания, то можно прийти к следующей схеме. Факт – это вычленение объекта, обладающего множеством определенных свойств. Событие – это факт во времени, это наличие у объекта каких-то развивающихся свойств, или временные отношения между объектами. Далее в историческом процессе вычленяется ситуация, т.е. множество некоторым образом выделяемых событий, и явление, а именно свойства множеств событий в рамках ситуации.¹¹⁶

История, с точки зрения формального описания, есть множество явлений плюс контекст. Если допустить, что история – только множество явлений, мы будем иметь универсально схоластический подход, против которого, естественно, возражал бы Риккерт. Он сказал бы тогда, что мы потеряли

¹¹⁵ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995.См.: 85.

¹¹⁶ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995.С. 86.

индивидуальность. Но комплексный подход требует выделения на основании сходства неких закономерностей или некоторых шаблонов, и наложения их на реальную жизнь, на индивидуальность, учитывающую контекст.¹¹⁷

Мы считаем, что знакомство с системой логических средств необходимо для историка в такой же степени, как, скажем, для математика. Разумеется, математик может доказать теорему, не указывая при этом, какие логические процедуры он использует. Но если возникают вопросы оценки построенной им теории, то оказывается, что необходимо использовать специальный логический аппарат.

Нечто подобное происходит и в общественных и гуманитарных науках. Разумеется, историк может получить свои результаты, воздерживаясь при этом от постановки логических проблем и не отдавая себе отчета по поводу использованных им логических средств.

Но оценить саму историческую науку, структуру знания и познания, естественно, невозможно без выявления логики исследования. Кроме того, если историк изучает менталитет прошлого, то ему необходимо оживить логическую структуру соответствующих рассуждений. Поэтому необходимо специальное размышление (рефлексия) по поводу того логического аппарата, с помощью которого мы можем в историческом исследовании организовывать факты, находить тенденции, осуществлять группировку фактов, устанавливать причины, проводить рассуждения по аналогии с использованием найденных причин или без (это разные типы аналогий), затем осуществлять объяснение с помощью найденных причин, и, наконец, изложение. Впрочем, само исследование исторических проблем также много выиграло бы, если бы при анализе, допустим, менталитета прошлого была бы явным образом реконструирована логика рассуждений, свойственная соответствующим рассуждениям. Если осуществлена организация материала, его классификация, то не мешает сделать яркое литературное изложение, что совершенно необходимо для восприятия целостной действительности.

Мы перейдем к примерам сходств и к оценке их важности. Одно из применений логического понятия сходства – это выделение социальных групп в социологии и истории. Отношение эквивалентности также является применимым, но не столь значимым в общественных и гуманитарных науках, как в естественных. Для общественных и гуманитарных наук употребительнее процедура нахождения сходства объектов изучения. Сходство – это совпадение по некоторым признакам, но не по всем, тогда как эквивалентность – совпадение по всем признакам, присущим объекту. Отсюда следует, что отношение сходства рефлексивно (X сходен с X) и симметрично (если X сходен с Y , то Y сходен с X). Отношение же эквивалентности является рефлексивным, симметричным, транзитивным. Тогда как отношение сходства очевидно не транзитивно. Отношение эквивалентности порождает на некотором исходном множестве его разбиение. Разбиение множества есть такая система его подмножеств, что объединение всех этих подмножеств равно исходному

¹¹⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 86.

множеству, а пересечение любых различных множеств этой системы пусто. Понятие «эквивалентность» означает осуществление на некотором множестве объектов такого разбиения, при котором выделенные части в совокупности составляют все множество, но не пересекаются. Так, например, общественные классы, как правило, интерпретируются как непересекающиеся подмножества, образующие разбиение.¹¹⁸

Отношение сходство порождает покрытие исходного множества. Покрытие множества – это система его подмножеств, такая, что объединение всех множеств этой системы равно исходному множеству, но множества этой системы могут пересекаться (в отличие от разбиения). Именно результатом такого покрытия по сходству является вычленение социальных групп. Они в совокупности составляют все общество, но по отдельным признакам пересекаются. Обнаружение сходства при выявлении устойчивых тенденций и закономерностей характерно, в частности, для концепции французского социолога Г. Тарда. Согласно этой концепции в живой природе наследственность передает из поколения в поколение признаки сходства. Наследственность – это аппарат подражания в живой природе. Что же касается человеческого общества, то в нем осуществляется передача признаков, образующих «социальные сходства». Г. Тард рассматривал общество как систему изобретений и подражания¹¹⁹. Первые порождают прогресс, вторые – традиции. Результатом подражания являются обычаи и мода, а также стереотипы общественного сознания и поведения, структуры повседневности. Один из примеров, приводимых Г. Тардом, – эпоха Людовика XIV, при котором подданные жили «под короля», подражали королю. И организация общества Франции при Людовике XIV была основана на этом подражании. Считалось, что власть короля происходит от Бога, в силу чего король достоин подражания. И эта система подражания есть некий исторический феномен, имеющий в философском плане глубокие исторические корни. Они обнаруживаются, в частности, в идее христианства, признающей подобие земного тварного мира миру божественному. Вспомним град Божий и град Земной Августина.

Можно привести и другие примеры традиционности общественных институтов, связанной с преемственностью менталитета. Существование, например, в наши дни кадетской партии – это дань традиции в области менталитета и социальных институтов. Подобные явления, которые в терминах исторического нарратива именуется как традиция, преемственность, континуитет, отражают передачу исторической информации из поколения в поколение. Это явление, отражающее характерные черты социальной и исторической действительности свидетельствует о том, что обнаружение сходств и аналогий составляет одну из важнейших познавательных процедур исторического познания. Эта познавательная процедура, как будет показано ниже, соответствует таким методикам, как нахождение генетических связей,

¹¹⁸ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 87.

¹¹⁹ См.: Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892.

историко-сравнительный метод. Исследовательские процедуры, состоящие в обнаружении сходств и аналогий, используются как при изучении диахронии, т.е. процесса, так и синхронии, распространения сходных явлений в пространстве. Показательный пример использования процедуры обнаружения сходства – это изучение мировых религий во времени, так и в пространстве.¹²⁰

В центре исторического исследования стоит проблема реконструкции исторического факта, как основа и предпосылка всего дальнейшего рассуждения историка.

Исторический факт в гносеологическом плане – это результат реконструкции действительности в рамках исследовательской ситуации и влияния предпосылочного знания, обусловивших не только «теоретическую нагруженность» факта, но и отбор объектов изучения в соответствии с исходными условиями исследования. Факты могут быть простыми и сложными. Современное знание не подтверждает неокантианскую идею, согласно которой историка мало интересуют количественные суждения факта¹²², фиксирующие, например, рост или убыль населения на протяжении некоторого изучаемого временного периода. Такие суждения весьма важны, мы их назовем условно статистическими и рассмотрим ниже. Комплексный современный подход к гносеологии истории обуславливает оценку соотношения качественных и количественных фактов в зависимости от таких компонентов исследовательской ситуации, как тема, цель, задача, проблема, гипотеза.¹²¹

Современная гносеология истории рассматривает проблему исторического факта и исторического источника (под историческим источником подразумевается свидетельство о действительности, наиболее близкое к ней по времени), как и проблему исторического познания в целом, в тесной связи с вопросами передачи, хранения и переработки исторической информации.¹²² Названная проблематика составляет содержание проблем исторического познания, как исторической памяти, как воспроизведение исторической информации, сохранившейся в веках. Различают три категории фактов. Факты исторической действительности, факты источника и факты современного знания.¹²³ Последние две категории фактов, так или иначе, связаны с гносеологией истории. Если говорить об исторических фактах действительности, это философское понятие, предполагающее характеристику бытия. Такое понятие может быть сформулировано на уровне философской онтологии или феноменологии. Нас же интересуют факты источника и науки.

Факт письменного исторического источника¹²⁴ – это свидетельство отражения восприятия фактов действительности в сознании авторов

¹²⁰ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 88.

¹²¹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 89.

¹²² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 106-137.

¹²³ См.: Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.

¹²⁴ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 89.

источника.¹²⁵ Факт источника – носитель субъект-объектной корреляции, когда в качестве субъекта выступает автор или авторы источника. Факт исторической науки – это реконструкция фактов действительности в результате отбора и индивидуального, происходящего в исследовательской ситуации, восприятия историком информации. Информация источников (как письменных, так и вещественных остатков прошлого: данных археологии и т.д.), сохраненная и транслированная его составителями, усваивается современным исследователем, работающим в рамках организованной им исследовательской ситуации, под влиянием исследовательской теории и других компонентов предпосылочного знания с учетом сформулированной цели, поставленных задач и проблем, выдвинутых гипотез, с использованием соответствующих логических приемов.

Далее, проблема исторического факта подводит нас к более детальной, чем это сделано выше, постановке проблемы простого и сложного исторического факта. Простой, т.е. примарный или атомарный факт исторической науки в изложении историка – это констатация факта действительности (суждение факта), при которой происходит абстрагирование (снятие) от временной протяженности. Простой факт-это точка на пространственно-временной оси. Но констатации простого факта иногда предшествует сложное исследование. Например, если об изучаемых фактах реальности отсутствуют точные сведения в сохранившихся источниках, то реконструкция соответствующих фактов происходит в результате сопоставления многих косвенных свидетельств различных источников, благодаря переработке соответствующей информации с учетом «готового», индивидуально усвоенного знания и прочих компонентов индивидуальной исследовательской ситуации и исследовательской логики. Поэтому даже примарные факты пересматриваются с учетом новой информации и в рамках новых исследовательских ситуаций, по иному организуемых материал. Многие простые факты, относящиеся преимущественно к древней или средневековой истории: начало военных действий, заключение мира, годы издания законов – спорны. Ведется исследовательская работа по их уточнению с привлечением новых источников, на основе индивидуальной переработки «готового знания». Простой исторический факт и всякий факт исторического знания, кроме того, не является результатом непосредственного наблюдения со стороны историка, он воспринимается в виде свидетельства другого лица – современника изучаемой эпохи. Этим исторический факт отличается от фактов естествознания. Как видно, и примарный факт воспринимается современным исследователем в субъективной форме, и только сопоставление разных свидетельств помогает вычленению объективной инвариантной информации, определяющей содержательную структуру) факта.

Иными словами, простой факт является основой объективности исторической науки. Простой факт, как правило, принимает событийную форму.

Что же касается сложного факта, то он отнюдь не является суммой простых,

¹²⁵ Ковальченко ИД. Методы исторического исследования. С. 130.

а означает констатацию явления, отличающегося собственной системой взаимодействия отдельных составляющих.¹²⁶

Напомним, что событие есть констатация отношения ряда фактов их временного со-бытия. Ситуация – это совокупность во времени или пространстве определенным образом организованных фактов, а явление – обнаружение общих свойств в отношении ряда ситуаций, явления во времени – это процесс, в отношении которого может быть констатирована тенденция, т.е. повторение некоторой качественной определенности. Явление в пространстве – это определённый тип отношений в фиксированный хронологический ряд: социально-экономических, культурных, политических и т.д. Допустим, констатируется упадок Римской империи в III в. Это суждение констатирует сложный исторический факт. Содержанием этого факта является совокупность событий, отношений, результатов временного развития. Сложный факт всегда предполагает расшифровку, т.е. изложение его содержания, и оно (содержание) не идентично в рамках разных концепций. Например, в рамках некоторых исторических концепций период IX-XIII вв. по отношению к Западной Европе характеризуется как период развитого классического феодализма. Формальная структура такого суждения показывает, что исследователь в соответствии со своим исследовательским выбором фиксирует только инвариантное на протяжении длительного времени содержание многочисленных социальных отношений, которые в действительности, как всякая жизнь повседневности, вовсе не были неизменными, они постоянно менялись. Но историк, высказывая данное суждение, абстрагируется от такого изменения и учитывает только те черты, которые остались неизменными.

Суждение подобного рода является или выводом, сделанным в результате рассмотрения массы исторических материалов, содержащих сведения о многочисленных результатах процессов и отношениях фиксированного времени, или такое суждение присутствует в конкретном исследовании как элемент теоретических воззрений, предпосылочного знания.

Временной промежуток в исследовании, посвященном конкретным событиям, естественно, может включать не несколько веков, а несколько лет, год, несколько месяцев, дней и т.д., но в любом случае соответствующее суждение подразумевает некоторую пространственно-временную длительность. Как видно, в отличие от простого факта, формулировка которого предполагает абстрагирование от временной длительности и пространственной протяженности, высказывание суждения сложного факта предполагает абстрагирование от разнообразия в рамках пространственно-временного диапазона. Такой факт фиксирует ту инвариантность общественных институтов, ценностей, картин мира, которая в рамках заданного периода и пространства придает процессу качественную определенность. Подобная определенность находится в основе любой периодизации, в том числе вычленения исторических цивилизаций, независимо от того, как при этом понимаются сами цивилизации. Инвариантность, о которой идёт речь,

¹²⁶Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 90.

подразумевает также качественную определённую мотивов, намерений отдельных личностей и их социально-политического поведения. Именно такие суждения образуют теоретическую базу науки, её *explicans*, служащие для объяснения других фактов.¹²⁷

Наряду с такими суждениями, фиксирующими пространственно временную инвариантность явлений в рамках заданного времени и пространства, распространены суждения, отражающие ход или результат изменений.¹²⁸

Допустим, утверждается, что в России второй половины XIX в. после отмены крепостничества происходил рост промышленного производства. Или подобный рост может быть констатирован как результат предыдущего развития на момент времени, фиксируемый как рубеж XIX – XX вв. В центре исследовательского внимания находится или сам процесс, или результат процесса на определенный момент времени. Любое суждение, выражающее содержание процесса или результат количественных изменений во времени, есть количественное суждение. Как отмечалось, современный историк постоянно обращается к анализу количественных факторов исторического развития и соответственно широко оперирует количественными суждениями. Причем, всё это имеет место не только при изучении социально-экономической истории, для которой изучение количественных изменений вообще типично, но и при изучении политических отношений и других проявлений исторической реальности. Действительно, в исторических сочинениях очень распространены утверждения, в которых присутствуют выражения типа: какой-либо фактор, явление, отношение, процесс, событие и т.д. имеет большее значение, играет большую роль. Такие утверждения, в отличие от тех, с помощью которых утверждается рост, падение, уменьшение, увеличение и т.д. какого-либо качества на имманентном уровне анализа, отражают оценочный уровень исторического исследования.

Однако нельзя считать, что оценка проводится с учетом каких-либо ценностных нормативов. Оценка в рамках комплексного подхода к истории осуществляется на основе теоретического знания, включающего исторические теории разного уровня, явно или неявно присутствующие в исследовательской ситуации и на уровне предпосылочного знания. Распространенность количественных суждений в различных сферах исторического знания является общей гносеологической и конкретной методологической предпосылкой развития количественной истории. Распространённость и значительная роль в историческом анализе подобных суждений свидетельствует не только о правомерности и целесообразности количественного подхода в историческом знании, но и о его необходимости.

Формулировка сложного исторического факта может содержать констатацию взаимосвязи факторов во временном срезе. Например, при изучении политической борьбы рассматривается конкретный документ и

¹²⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 91 – 92.

¹²⁸ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 92.

констатируется особенность его содержания. Документ показывает изменение политической ориентации какой-либо партии. Историк, изучающий политическую обстановку, как правило, на основе рассмотрения ряда источников ставит проблему выяснения причин подобного изменения ориентации. Причинный анализ осуществляется в рамках исторической исследовательской ситуации. Спор сторонников признания в истории функциональных или каузальных связей, развернувшийся, как говорилось, на втором этапе формирования комплексного подхода к историческому познанию, – это по существу спор о том или ином понимании явления в рамках исследовательской ситуации.¹²⁹

С философской точки зрения в обществе существуют очень сложные функциональные связи, многие из которых могут быть интерпретированы как причинные.

Очевидно, рассмотренные суждения факта характерны не только исторического нарратива, но и для социологического. Отличие исторического нарратива в том, что в основе анализа лежат исторические источники и все выводы делаются с учетом сведений этих источников, отличающихся собственным видением мира и субъективной корреляцией. Социолог же в известной мере сам организует предмет своего исследования. Однако чистых явлений в науке, как и в жизни нет. И в истории, которая, как неоднократно отмечалось, является общественно-гуманитарным знанием, существуют и социологический, и сугубо исторический подходы. Первый связан с синхронией, изучением распространения отношений в пространстве при фиксированном временном диапазоне. Второй проявляется в изучении процессов в рамках данного пространственного диапазона. В частности, при изучении исторических цивилизаций в большей мере характерен логический, а не исторический подход.¹³⁰

Итак, мы рассмотрели структуру всякого конкретного исторического исследования: предпосылочное знание, исследовательская ситуация, в рамках которой изучается исторический факт, взаимосвязи фактов, причинное влияние. Говорилось об опосредованном характере исторического исследования, в котором отсутствует непосредственное наблюдение над объектом изучения (история в этом отношении отличается не только от естественных наук, но и от таких общественных дисциплин, как социология и экономика) и информация об объекте получается так сказать, из вторых рук, т.е. из исторических источников. Последнее означает, что специальный критический анализ источников приобретает первостепенное значение. Как утверждали ещё Е. Бернгейм, В. Ланглуа, Ш. Сеньобос, А.С.Лаппо-Данилевский и др., анализ свидетельств источников, осуществляемый с целью выявления их достоверности, необходим, так как авторы источника могли в силу ряда причин

¹²⁹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995.С. 93.

¹³⁰ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995.С. 93.

сообщать неадекватные сведения. Эти причины учёные конца XIX – начала XX квалифицировали в терминах философии, как проистекающие от свободы воли человека. Иными словами, авторы источников могли допустить сознательное искажение информации, проявить известную пристрастность, тенденциозность. Их позиция могла зависеть от их земных, а именно экономических и политических интересов, а также от их общего мировоззрения. Иными словами, по разным причинам они могли быть заинтересованы в искажении или сокрытии каких-либо данных. Кроме того, они могли допустить ошибки по незнанию, недостаточной компетенции. К этому следует добавить воздействие эмоционально-психологических качеств создателя источника, которые также отражались на его изложении материала. Короче говоря, все те факторы, которые определяют субъективизм написания истории со стороны современного историка, были характерны и для очевидца событий, для того, кто создавал письменный исторический источник. Это те факторы, которые определяли его субъект-объектную корреляцию. Например, один из историков раннего средневековья (VI в.) Иордан оставил потомкам сочинение «О происхождении и деянии гетов». Этот труд рассказывает об истории готской экспансии в Европе в бурную эпоху так называемого «переселения народов» и является для современного историка одним из основных источников по готской проблеме. Частично Иордан был очевидцем описываемых событий, частично же опирался на доступные ему письменные свидетельства других участников и очевидцев событий. Эти сведения затем были утрачены и нам недоступны. Так, например, он использовал утраченное сочинение другого историка – Кассиодора. Однако труд Кассиодора по ряду причин находился лишь в течение очень короткого времени в распоряжении Иордана и соответственно он изложил его «своими словами». Поэтому у последующих комментаторов сочинения Иордана возникла типичная для источникововедения, относящегося к древней и средневековой истории, проблема. Она состоит в идентификации различных топосов сочинения Иордана с утраченным текстом сочинения Кассиодора. Соответствующее сопоставление осуществляется в основном на основе анализа политического мировоззрения обоих историков производимое с учетом как основных, так и косвенных свидетельств» установления соответствия этого мировоззрения высказываниям, содержащимся в отдельных фрагментах текста Иордана. На основе такого сопоставления делаются выводы о принадлежности соответствующих мест в тексте Иордана Кассиодору или о персональном авторстве Иордана.¹³¹

Критика источников включает не только проблему атрибуции текстов, нахождение их авторов, а также проблематику, связанную с идентификацией почерков при изучении рукописей источников. В целом вся совокупность проблем, составляющая критику источников, является предметом специальной вспомогательной исторической дисциплины, источниковедением. Резюмируя, можно сказать, что в задачи этой дисциплины входит выяснение

¹³¹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 94.

достоверности, т.е. адекватности, содержащейся в источниках исторической информации. Источниковедение занимается также выяснением взаимосвязи между древними текстами, нахождением их прототипа, сопоставлением древних текстов, установлением рукописной традиции и т.д.

Весь этот анализ осуществляется с помощью логики, охарактеризованной выше как логика аргументации и, точнее, той ее части, может быть названа логикой доверия. Ее назначение состоит в обосновании на основе не фальсифицируемых рассуждений достаточности имеющихся в источниках сведений для реконструкции фактов и нахождении между ними связей. В работах В. Ланглуа, Ш. Сеньобоса мы уже встречаем серьезные обоснования логики доверия по отношению к историческому исследованию.¹³² Дело в том, что не только субъект-объектная корреляция, но и то, что исторические свидетельства носят подчас разрозненный и разнородный характер, порождает постановку специальных проблем достоверности источника и применение при его критике логики доверия. Теоретическую основу критики источника в значительной мере составляет учение Шлейермахера, Гадамера и других представителей философской герменевтики (герменевтика – истолкование, интерпретация).¹³³

Итак, мы рассмотрели структуру исторического анализа. Были охарактеризованы факторы предпосылочного знания, специфика исследовательской ситуации, логика исследования. Каждому этапу познавательной процедуры, т.е. уровню исследования, определённому соотношению понимания и объяснения соответствуют разные виды логических рассуждений. Говорилось об историческом факте, причинном анализе и критике источников, осуществляемых в рамках исследовательской ситуации. На всех стадиях исторического анализа в рамках осуществления процедур понимания и объяснения проводится историческая аргументация, обоснование достоверности исторических свидетельств, наличия того или иного факта и взаимосвязей фактов.¹³⁴

Теперь следует сказать о конкретных методах исторического анализа. Метод – это совокупность исследовательских приемов в их содержательной определенности. Например, если мы говорим о логическом методе нахождения сходства и различия, позволяющем осуществить объяснение, свойственное как обыденному ненаучному сознанию, так и наукам, то, конкретизируя описание этого приёма по отношению к истории, следует говорить о сравнительно-историческом или методе нахождения генетических связей. Формальная процедура обнаружения аналогий в историческом исследовании, осуществляемая также в рамках исторического объяснения, выполняется благодаря применению метода структурного моделирования. Причинный

¹³² Ланглуа В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб, 1899; особенно раздел 1: Внутренняя подготовительная критика – и 2 раздел: Внутренняя критика (с.55 – 168).

¹³³ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995.С. 95.

¹³⁴ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995.С. 95.

анализ осуществляется как с помощью рассуждений, так и в результате статистического анализа. Цельность исторического понимания, связанная с интерпретацией свидетельств источников, с переигрыванием в сознании историка, как писал Р. Коллингвуд, исторического события и действий его участников, также основана на имплицитном сравнении и обнаружении взаимосвязей. Реализацией соответствующих исследовательских процедур является метод семантического анализа терминологии, содержащейся в источниках. Все эти конкретные методы и предстоит обсудить.

Глава V

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследовательская процедура, имеющая своим результатом суждение факта, констатирующее появление по истечении времени нового качества, соответствует методу **поисков генетических связей**. Этот метод относится к явлениям, в отношении которых изучается причинная связь с явлениями, не только предшествующими по времени, но и отражающими иной качественный уровень. С помощью этого метода изучается происхождение или становление отдельных исторических явлений. Устанавливается преемственность традиций, континуитет, присутствующие в рамках нового качественного состояния. Например, изучается процесс становления средневекового зависимого крестьянства. Устанавливаются каузальные или, шире, функциональные двусторонние взаимосвязи между такими типами явлений, как прекарные отношения, личная зависимость, различные виды несвободной аренды, с одной стороны, и следующие за ними формы феодальной лично-поземельной зависимости крестьян, с другой стороны. Другой пример: анализируется раннехристианская картина мира. В рамках такого исследования находим генетические корни христианства в дохристианских картинах мира, а именно, античной философии: неоплатонизме, стоицизме, гностицизме и т.д. При выяснении генетических связей используются как эмпирическая индукция через перечисление, так и дедуктивный метод в качестве содержания объяснительной процедуры «подведения под закон». Последнее используется при выяснении генезиса единичных неповторимых явлений в определённом пространственно-временном регионе путем их сопоставления с некоторой пространственно региональной закономерностью, т.е. тенденцией, обладающей в некоторых своих сущностных проявлениях инвариантностью, обеспечивающей ей некоторую качественную определённость.¹³⁵

Наиболее известным, популярным и распространённым является **историко-сравнительный метод**. Сопоставляются одновременные явления в разных регионах или разновременные в одном и том же. Современные компаративистские исследования предполагают сопоставление институтов, ценностей и способов поведения применительно к разным пространственно-

¹³⁵ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 97.

временным ареалам. В настоящее время большую актуальность приобрел сравнительный анализ цивилизаций: европейских, христианских и восточных – мусульманской, буддистской и т.д. с их религиозными ценностными нормативами. Методика сравнительного анализа, базирующаяся на нахождении сходства и отличия, проведении аналогий, дает возможность обнаружить общие или различные ценности и институты по отношению к цивилизациям, регионам, историческим эпохам. Эта методика позволяет раскрыть общность функциональных связей, социальных ролей, явлений, имеющих различные генетические связи, т.е. разное происхождение. Благодаря этому методу историк постигает прошлое в его единстве и индивидуальности, а также находит связь, глубинную смысловую и содержательную основу времен и народов, обнаруживающую роль вневременных человеческих ценностей. Оценочный уровень исследования достигается также во многом благодаря сравнению явлений прошлого с последующим историческим опытом. Общие закономерности и явления также обнаруживаются в результате использования историко-сравнительного метода. Изучаемые явления сравниваются с образцом, вербальной моделью. Например, утверждается, что в Византии XIII-XV вв. наблюдалось слабое развитие феодальных отношений. Неявно в этом выводе присутствует сравнение с вербальной моделью развитых феодальных отношений в странах Западной Европы.

Особенно сложная методика применяется при изучении причинно-функциональных связей, а также развития явления во времени или распространения его в пространстве. В этих случаях используются количественные методы. При этом при достаточном объеме содержащейся в источниках информации применяются статистические методы, а при недостаточном – структурное моделирование.

Методика, связанная с количественным анализом, способствует также вычленению исторических ситуаций и явлений. В целях нахождения ситуаций используются кластерный и факторный анализы, многомерный статистический анализ.

Внимание к количественным методам и тесно связанным с ними приемам структурализации и формализации материалов исторических источников, составляющих важный компонент в системе исследовательских средств комплексного подхода к истории, обусловлено ещё следующими причинами.

Во-первых, разработка и использование именно этих метода отражает новейшие достижения современной гносеологии истории, поднимающие её на качественно иной уровень. Во-вторых, проблематика оказалась объектом многолетних научных исследований одного из авторов данной книги. К.В. Хвостова разработала методы выявления степени расслоения средневековых крестьян, которую применила при изучении расслоения византийских крестьян. Наряду с этим, ею были использованы многие другие методы количественного анализа.¹³⁶

На теоретическом уровне проблема правомерности и необходимости

¹³⁶ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 99.

использования количественных методов представляется сейчас, если не полностью решенной (это в том смысле, что многие её аспекты ещё дискутируются), то достаточно обоснованной. Количественная история является основной составной частью комплексного подхода к историческому анализу. Выше рассмотрены теоретические и гносеологические предпосылки комплексного подхода, подразумевающего изучение и индивидуальной событийной истории, и общественно-политических отношений. Распространённость и роль количественных суждений говорит о возможности и потребности их выражения в форме количественных характеристик.

Известно, что специалисты по социально-экономической и политической истории часто используют такие простейшие количественные характеристики, как средние арифметические, процентные распределения, группировки признаков и т.д. Применение названных характеристик, однако, не сопровождается заявлениями о количественном, тем более статистическом подходе к истории. Действительно, метод использования количественных показателей, которому не предшествует анализ степени репрезентативности выборки (так в статистике называются способы выявления степени однородности и представительности тех фактических данных, которые отобраны для непосредственного изучения, по отношению ко всей совокупности соответствующих данных по предмету), и характера распределения данных, определение поля возможностей (или пространства событий), не является статистическим подходом к материалу. В то же время вычисление названных характеристик означает осуществление, хотя и в простейшей форме, количественного анализа изучаемого явления. Одна из задач этого анализа, как и всякого количественного анализа в истории, заключается в расширении рамок историко-сравнительного метода. Применение более сложных количественных методов дисперсионного, корреляционного, факторного, кластерного анализа, элементов теории информации и дифференциальных уравнений, анализа выборочных данных в целях определения степени их репрезентативности – все эти исследовательские приемы обуславливают новые аспекты исторического исследования, связанного с причинным анализом и сравнительным изучением предмета. Именно названные методы, как и многие другие, о которых речь пойдет впереди, побуждают специально ставить проблемы не только количественного подхода, но иногда и статистического анализа, а также математического моделирования при изучении истории.

В настоящее время понятие количественных методов в истории иногда заменяется понятием формальных методов. Однако это – разные вещи. Ниже мы покажем методiku формальных и количественных анализов по отношению к историческому прошлому.

Количественные характеристики используются главным образом при изучении социально-экономических и политических процессов во времени, а также соответствующих отношений в пространстве. Они почти не употребляются при изучении биографий исторических деятелей, мотивов их деятельности. Однако названные методы используются при анализе текстов

нарративных источников, а, следовательно, при изучении менталитета.¹³⁷

Можно ли считать процессы и отношения, воспроизводимые в рамках исследовательской ситуации, статистическими тенденциями? Этот вопрос, по-видимому, достаточно сложный. Неоднократно указывались особенности объекта изучения исторической наукой и специфика исторической информации, не позволяющие отождествлять исторические факты, события, ситуации, явления, общественные тенденции с естественнонаучными соответствующими объектами изучения. Общественные тенденции зависят от времени и пространства, тогда как процессы, происходящие в природе, воспроизводятся во времени и пространстве в том же виде.¹³⁸

Однако в экономической науке и в социологии при обработке соответствующей информации с успехом используются многочисленные статистические методы. Их использование означает, как правило, признание статистического характера изучаемых тенденций в рамках определенного пространственно-временного диапазона. Признание статистического характера тенденции означает констатацию её временной устойчивости. Это последнее, в свою очередь, означает, что на протяжении фиксированного времени рассматриваемая тенденции имела качественную определенность, т.е. для нее типичны некоторые черты, которые остаются типичными на протяжении всего фиксированного времени. Например, в экономике, изучающей современность, рассматриваются повторяющиеся из года в год распределения транспортных перевозок по сезонам. Эти тенденции оцениваются обладающие устойчивыми признаками, т.е. устойчивым сезонным распределением перевозок в зависимости от различных месяцев в течение года. Число перевозок колеблется от месяца к месяцу. Однако, в любой год число перевозок для данного месяца варьирует лишь в небольших известных пределах, т.е. относительно стабильно. Иными словами, тенденция распределения транспортных перевозок в зависимости от времен года трактуется как статистическая закономерность во времени или стохастический процесс.

Именно признание статистического характера изучаемых тенденций позволяет не только измерить необходимые параметры путем соотнесения их с количественной характеристикой, но и сделать известные прогнозы относительно дальнейшего развития тенденции. Однако необходимо помнить, что подобный прогноз действителен только при том условии, что тенденция развития останется неизменной. Если какие-либо факторы вызовут изменение самой тенденции, то прогноз, соответственно, окажется неверным.

Собственно говоря, статистический прогноз, осуществляемый в соответствии с положениями теории вероятностей, есть основная цель всякого статистического анализа в любой отрасли знания. Этот анализ подразумевает использование таких уже упомянутых стандартных статистических методов, как корреляционный и регрессионный анализы, средние характеристики, многомерный количественный и статистический анализ, включающий

¹³⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 100.

¹³⁸ См.: Поппер К. Нищета историцизма. М., 1990.

кластерный и факторный анализы.¹³⁹

Наряду с этим в различных науках используются и приёмы, специально разработанные для отдельных областей знания. Со статистической точки зрения прогнозирование при изучении статистических тенденций достигается при изучении репрезентативной (представительной) выборки и распространении (экстраполяции) результатов её статистического обследования и анализа на необследованную часть однородной совокупности (при предположении, что действующая статистическая тенденция будет продолжать развиваться).

При проведении статистического прогноза математическая статистика рассматривается как метод изучения массовых явлений, позволяющий получить на материале представительной или, как её называют, репрезентативной выборки усредненные характеристики и отнести их с той или иной степенью надежности ко всей совокупности явлений (в статистике она называется генеральной совокупностью). Предельные теоремы теории вероятностей, закон больших чисел и др. составляют теоретическую основу определения оценок степени приближения усредненных выборочных характеристик соответствующих характеристикам генеральной совокупности массовых явлений.

Понятие массовости уточняется фиксированием временного диапазона. Так, пример с определенным, повторяющимся из года в год типом распределения транспортных перевозок по месяцам года характерен только для современного постиндустриального общества, но отнюдь не иллюстрирует соответствующие перевозки, допустим, на заре капитализма. Однако понятие математической статистики и статистических методов в современной научной литературе далеко от однозначности. Некоторые изучаемые социологией, экономической наукой и особенно историей тенденции лишены устойчивости или качественной определенности даже по отношению к сравнительно небольшим временным периодам. Однако современное понятие статистики в широком его смысле совпадает с понятием количественный анализ и предполагает любую количественную обработку данных в соответствии с их индивидуальной оценкой и выбором методов и количественных критериев в рамках той или иной исследовательской ситуации.

Что же касается истории, изучающей прошлое, то для этой науки проблема прогнозирования приобретает особый смысл. Прогноз как таковой по отношению к прошлому бессмыслен, поскольку современный человек живет уже в будущем по отношению к прошлому. Однако в ряде исследовательских ситуаций при изучении прошлого, в том числе отдаленного прошлого, с формальной точки зрения статистический прогноз осуществим, и играет немалую роль, которую предстоит выяснить. Его использование характерно для исследовательских ситуаций, в которых имеется обилие относительно однородной количественной информации, содержащейся в однотипных источниках. Например, таковы сведения всевозможных налоговых кадастров,

¹³⁹Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995.С. 101.

средневековых поземельных описей (русские писцовые книги, английские сотенные свитки, византийские практики). В этом случае исследователь для непосредственного изучения может использовать только часть сведений, а именно, образовать в рамках исследовательской ситуации в соответствии с правилами статистики репрезентативную выборку, изучить ее и полученные выводы опять же, в соответствии с существующими в статистике правилами, распространить на всю известную, но не обследованную совокупность данных. Однако подобный подход к историческим источникам вполне оправдан и продуктивен в рамках некоторых исследовательских ситуаций, в целом уязвим с некоторых точек зрения.

В этом плане, прежде всего, следует отметить то обстоятельство, что любая историческая информация, особенно относящаяся к отдаленному прошлому, является неполной, фрагментарной и не может рассматриваться как полностью однородная (в отличие от информации в социологии и экономической науке, изучающих современность, что позволяет исследователю в известном смысле самому формировать объект своего изучения. Это имеет место, например, при социологическом обследовании). Поэтому осуществление на таком материале выборочного анализа по существу не является предельно корректным. Выборка в этом случае проводится не на материале генеральной совокупности, а на материале другой, большей по объему выборке, каковой можно считать все сохранившиеся сведения источников по отношению ко всем тем свидетельствам о явлении, которые фиксировали его в период существования самого явления и часть которых (свидетельств) затем оказалась утраченной. Именно все эти, когда-то существовавшие сведения, включая те, которые сохранились, равно как и те, которые были утрачены, можно рассматривать как генеральную совокупность, из которой на момент проведения конкретного исторического исследования современным ученым, осталась только выборка, часть, и при том – и это самое главное – возможно отнюдь не репрезентативная. Мы назовем эту выборку естественно образовавшейся.

Например, известно, что от средневековой эпохи (в Византии, на Руси) сохранилось множество документов, характеризующих состояние экономических отношений в монастырских и церковных вотчинах. Что же касается светского землевладения, то соответствующих данных осталось значительно меньше. Дело в том, что монастырские архивы в силу ряда причин сохранились намного лучше, чем светские. Очевидно, что данные о монастырских и церковных вотчинах, которые история, несмотря на прошедшие со времен средневековья столетия сохранила для современного историка, – это выборка, и отнюдь не репрезентативная, из всей совокупности изданных в ту отдаленную эпоху документов, относящихся не только к монастырскому, но и светскому землевладению. Соответственно, выборочный анализ сохранившихся данных будет означать выборку из выборки, и эта последняя никак не может расцениваться как репрезентативная по отношению к когда-то имевшимся, но частично утраченным со временем данным, относящимся ко всему землевладению. В лучшем случае такая выборка репрезентативна по отношению к сохранившимся и утраченным данным о

монастырском землевладении. Следовательно, при экстраполяции результатов выборочного обследования необходимо учитывать все эти ограничения. И вряд ли является особенно продуктивным изучение выборки из выборки. Традиционно историк стремится охватить в своем анализе все сохранившиеся сведения источников. И это стремление находит, кроме всего прочего, оправдание еще и в том, что историк изучает общее в индивидуальном. Иными словами, он подвергает индивидуальной интерпретации результаты статистического анализа и для этого историку, всегда интересующемуся индивидуальным выражением общего, необходимо учесть в своем анализе все сохранившиеся данные, а не ограничиваться изучением их части, т.е. выборки, даже, если в идеальном случае, эту выборку, пусть с оговорками, но можно трактовать как репрезентативную.¹⁴⁰

Тем не менее, нельзя утверждать, будто статистический прогноз вовсе невозможен. Возвращаясь к нашему примеру, можно утверждать, что при изучении имеющихся документов, относящихся к монастырскому и церковному землевладению, целесообразно на основе этих наличных данных формулировать вывод о некоторых видах землевладения в целом. Надо сказать, что историк, не использующий никаких количественных методов, обычно интуитивно идет именно этим путём. Он решает этот вопрос на уровне качественных предметных рассуждений. Неявно используется индуктивный метод, неполная (эмпирическая) индукция. При этом отсутствует количественная оценка степени вероятности отнесения выборочных характеристик к необследованной части аналогичных явлений, отсутствует оценка того количества сведений, которое необходимо для достаточно высокой вероятности индуктивного вывода. Иными словами, не осуществляются все те процедуры, которые необходимы при статистическом анализе, при понимании статистики как метода изучения массовых явлений.

В то же время традиционное решение проблемы на предметном качественном уровне отражает трудности определения репрезентативности сохранившихся сведений источников, связанные с характером изучаемой информации и с сущностными особенностями явлений прошлого.

Ведь для того чтобы проводить формальное статистическое прогнозирование, формальное, так как оно для нас опрокинуто в прошлое и отражает исследовательскую ретроспективу, необходимы не только достаточное количество сохранившихся сведений, но и уверенность в качественной определенности самой рассматриваемой тенденции, т.е. тенденции, рассматриваемой на онтологическом уровне. Допустим, при изучении экономических отношений в монастырских вотчинах в Византии XIV в. обнаруживается, что в 50% случаев в поселениях, сведения о которых сохранились, у крестьян зависимость размеров земли и высоты подати носила строго функциональный (пропорциональный) характер. Например, крестьяне – держатели надела, вдвое превосходящего по величине нормальный надел (т.е. такой, держатели которого рассматривались как крестьяне среднего уровня

¹⁴⁰ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 103.

зажиточности), платил соответственно и подать, вдвое превосходящую ту, которую платили держатели нормального надела. В 20% случаев крестьяне уплачивали подать большую, чем другие держатели при таком же держании, и в 30% – держатели больших наделов платили относительно низкую подать. Мы имеем, таким образом, совместное распределение двух взаимосвязанных величин в пределах определенной совокупности поселений. Не ясно, однако, отражает ли это распределение устойчивую, т.е. статистическую, тенденцию, т.е. типично ли данное распределение? Иными словами, встает вопрос, существовала ли какая-либо закономерная необходимость именно такого распределения? Если наблюдаемое распределение является отражением закономерной тенденции (например, следствием экономической политики в отношении крестьян, географических особенностей местности, близости к городу), то совокупности не только в рассматриваемом отношении схожи между собой (однородны), они при достаточном количестве сведений еще и репрезентативны в данном отношении (т.е. с точки зрения их распределения по земле и по размерам подати) для некоторой генеральной совокупности держателей. Существовали, следовательно, и другие крестьяне, для которых было характерно распределение по наделам и по подати, близкое к рассмотренному, но данные об этих крестьянах не сохранились или не обнаружены в архивах.

Кроме того, с высокой степенью вероятности можно полагать, что при расширении на протяжении времени земельного фонда держаний (например, за счет освоения нови, превращения в держания части домена или в результате передачи покинутых крестьянских владений новым держателям) распределение крестьян по величине держаний и по высоте ренты оставалось прежним или близким к прежнему. В таких случаях можно говорить о статистической устойчивости, т.е. типичности соответствующих распределений в пространстве (если рассмотренные сведения относятся к крестьянским хозяйствам различных поселений в один и тот же момент времени, например, согласно данным одной и той же описи), или во времени (если распределения характеризуют одни и те же хозяйства, но в разные временные периоды), а иногда и в пространстве и во времени. При этом можно утверждать, что соответствующая устойчивость существовала в действительности и отражена в наличных свидетельствах.

Однако выяснение степени статистической устойчивости, а следовательно, типичности отраженных в источниках распределений затрудняется часто недостатком информации, что не позволяет использовать предельные теоремы теории вероятностей. В силу этого остается невыясненным, репрезентативны ли, т.е. типичны ли наблюдаемые явления.

Впрочем, не всегда исследовательские ситуации так неопределенны. В ряде случаев имеются прямые или косвенные данные, позволяющие предполагать как репрезентативность, так и (весьма часто) нерепрезентативность отдельных естественно образовавшихся выборок.

Нетипичность некоторых распределений, характерных для отдельных относящихся к средневековой совокупностей (крестьян по земле, податям и т.д. в отдельных вотчинах, поселениях, общинах), их нерепрезентативность по

отношению к региону в целом связаны с тем, что в средневековую эпоху в экономической жизни огромную роль играли внеэкономические факторы: внешняя среда, локальные особенности обычая. Основные экономические факторы, которые в новейшее время во многом нивелировали локальное разнообразие, в средневековую эпоху проявлялись в этом разнообразии. Поэтому недостаток массовой информации о совокупностях со схожим распределением по определённым признакам не является лишь результатом временной удаленности, того обстоятельства, что время поглотило множество сведений. Этот недостаток иногда свидетельствует совсем о другом. Большого (во всяком случае, значительно большего) количества сведений, возможно, никогда и не существовало, поскольку число совокупностей с близким распределением экономических характеристик (параметров) было ограниченным в самой реальной действительности средневековых социально-экономических отношений с их относительно узким локально-временным диапазоном проявления многих экономических тенденций.

Сказанное означает, что при изучении подобных тенденций каждая естественно образовавшаяся выборка, иногда каждая община, поселение или вотчина, во многих своих проявлениях специфична, неповторима и в этом смысле сама может трактоваться как генеральная совокупность. Это обстоятельство определяет метод исследования: анализ каждой такой совокупности в отдельности и вычисление количественных квазистатистических характеристик (наименование условное, неточное), их сопоставление и расширение благодаря этому возможностей историко-сравнительного исследования, детализацию исследования в результате «перебора» информации.

Количественный анализ в этом случае приобретает характер количественной обработки данных, которая не является в строгом узком смысле слова, статистическим анализом. Причем, он типичен не только для средневековой истории, но и по отношению к более поздним историческим периодам.

Проиллюстрируем на примере. Три византиниста: французский ученый Ж. Лефор, американская исследовательница А. Лайу-Томадакис и один из авторов этой книги обращались к проблеме количественной обработки византийских источников. Данные византийских поимущественно-податных описей XIV в. предоставляют богатые возможности для вычисления различных количественных характеристик и их сопоставления в целях сравнительного изучения отдельных общин во времени и пространстве. В монастырских описях содержатся сведения о землях, находившихся в непосредственном владении собственника, крестьянских хозяйствах. Содержатся перечни крестьянского движимого и недвижимого имущества и уплачивавшегося крестьянами налога. Еще в 1968 г. К.В. Хвостова обратилась к этим данным. С помощью ЭВМ были вычислены коэффициенты парной корреляции между размерами отдельных имущественных объектов (пахотная земля, дом, упряжки, виноградник, нетяглый скот, пчелиные ульи, рыбацьи лодки, мельницы и т.д.) и величиной налога, а также коэффициенты множественной линейной регрессии между

названными факторами и налогом.¹⁴¹

Размеры имущества в каждом хозяйстве и соответствующая величина налогов известны из описей. Однако в описях зафиксирован лишь общий размер налога с крестьянского хозяйства. Известно также, что этот налог представлял собой суммарную подать, включавшую сборы с отдельных названных выше видов имущества и подать с дома. В то же время остается неясным, каким образом суммарная налоговая сумма распределялась между отдельными видами имущества, т.е. какими были нормы обложения отдельных видов имущества? Расчеты с помощью уравнения множественной линейной регрессии восполняют этот пробел, позволяя вычислить средние для каждой крестьянской общины нормы налогообложения. Сравнение норм обложения некоторых видов имущества – нетяглового скота и другого движимого имущества, вычисленных на материале различных общин, обнаруживает вариации этих норм от общины к общине, и иногда весьма значительные. Поэтому каждую общину при анализе соответствующих норм обложения следует изучать в отдельности (как генеральную совокупность), и не представляется целесообразным проводить подобные расчеты на материале совокупных данных по всем общинам. Воссоздание сравнительной во времени и пространстве картины соотношения норм обложения в разных общинах дает возможность выделить группы общин с высоким и низким обложением. Это последнее позволяет говорить о причинах, вызвавших различные нормы налогообложения одних и тех же видов имущества в разных общинах.

Количественная обработка содержащихся в описях сведений в 1977 г. осуществлялась также А. Лайу-Томадакис, изучавшей, в частности, демографические характеристики византийского поселения. Расчет норм обложения отдельных податных объектов с помощью регрессионного анализа позднее и на других материалах предпринял Ж. Лефор.

Однако анализ реконструированных указанным способом норм налогообложения различных видов имущества показывает, что отнюдь не все эти нормы варьировали от общины к общине и во времени. Нормы обложения таких податных объектов, как пахотная земля, участки под виноградником, а иногда и упряжки, обладали значительным сходством во времени и пространстве. В связи с этим правомерно предполагать статистическую устойчивость налогообложения названных видов имущества.¹⁴²

При этом, нормы обложения земли и виноградника в разных поселениях вовсе не были полностью идентичными. Они несколько варьируют. Однако, за небольшими исключениями, вариации в нормах обложения пашни и виноградника уместаются в те пределы, которые характерны для известных различий в поземельном обложении, обусловленных качеством земли. Зависимость поземельного обложения от качества земли зафиксирована в тех же поимущественно-податных описях, но в той их части, где говорится об

¹⁴¹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995.С. 106.

¹⁴² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995.С. 107.

обложении земель, находящихся в непосредственном распоряжении собственника. Упоминаются земли первого, второго и третьего качества, различающиеся в зависимости от плодородия почвы и подлежавшие соответственно разному налогообложению.

Эти сведения, полученные в результате анализа многих разнообразных источников, относящихся к разному времени, и представляют собой элемент того «готового», точнее, индивидуально усвоенного «готового» знания об аграрных отношениях в Византии, которое привлекается для оценки результатов моделирования с помощью уравнения регрессии. Кроме того, сопоставление результатов решения уравнения множественной линейной регрессии, с одной стороны, и содержащейся в источниках информации – с другой, наглядно демонстрирует ту познавательную роль, которую в данном случае играет моделирование. А именно, при качественном предметном анализе описей остается неясным, распространялся ли при налогообложении земли учет качества почвы и на дробные, расположенные чересполосно крестьянские участки. Вычисление с помощью решения уравнения регрессии не содержащихся в источниках норм обложения крестьянских наделов позволяет констатировать совпадение этих норм с известными из описей нормами обложения домена с учетом возможных, обусловленных качеством почвы, вариаций. В свете итогов количественного анализа данные описей о градациях налогообложения, обусловленных качеством почвы, данные, непосредственно относящиеся к земле собственника, приобретают как бы новую свидетельскую ценность, становясь аргументом в пользу вывода о том, что некоторые вариации в поземельном обложении крестьянских участков, как и вариации в обложении земель собственника, были обусловлены разным качеством почвы.

Этот пример наглядно показывает **познавательную значимость использования количественных методов, в данном случае моделирования с помощью уравнения множественной линейной регрессии.** Эта значимость состоит, повторяем, в повышении свидетельской ценности информации, заключенной в источнике.¹⁴³

Возвращаясь к статистической устойчивости норм обложения земли, а также упряжек, установленной по отношению к поселениям, данные о которых сохранились и стали объектом изучения с помощью уравнения множественной линейной регрессии, можно сказать, что обложение этих объектов являлось статистической тенденцией. А это означает, что мы вправе осуществить опрокинутый в прошлое ретроспективный статистический прогноз. Иными словами, правомерно утверждение о схожести норм налогообложения пахотной земли, виноградника и упряжек в общинах, данные о которых стали объектом анализа с помощью уравнения регрессии, с нормами обложения тех же податных объектов в других общинах, сведения о которых утрачены или не обнаружены. Впрочем, предположение о статистической устойчивости норм обложения налогом названных видов имущества во времени и пространстве не

¹⁴³Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 108.

только вытекает из результатов количественного анализа, но и является следствием учета информации других источников, не использованных при моделировании. Принимаются во внимание и общие выводы об аграрных порядках в Византии, отражающие весь коллективный опыт исследований в данной области знания, т.е. «готовое» знание. Это обстоятельство, т.е. учет дополнительной информации, иллюстрирует сочетание в рамках исследовательской ситуации разных факторов исследования.

Общие знания, необходимые для оценки результатов моделирования, включают также свидетельства из источников от предшествующего периода развития Византии. Эти данные обуславливают общие представления о преемственности в Византии многих принципов налогообложения и роли качества почвы.

Итак, несмотря на отсутствие большого количества сведений, обращение к дополнительной информации, не учтенной при моделировании структуры налогообложения с помощью уравнения множественной линейной регрессии, позволяет высказать аргументированное суждение о статистической устойчивости вычисленных с помощью моделирования норм поземельного обложения крестьянских участков, т.е. типичность этих норм для значительного пространства и временного периода. Дополнительная информация, содержащаяся в источниках «нестатистического характера», будучи привлеченной к оценке результатов количественного анализа, который осуществлялся на материале сравнительно немногих совокупностей, повышает степень достоверности вывода.

Данный пример наглядно иллюстрирует иное познавательное содержание, которое имеет ретроспективный статистический прогноз в истории отдаленного прошлого по сравнению с содержанием статистических прогнозов в общественных науках о современности, в социологии и экономической науке, где прогнозы осуществляются, главным образом, в целях прогнозирования тенденций будущего. Основной целью истории является реконструкция и анализ прошлого в его фактической данности. Ретроспективный статистический прогноз позволяет не только реконструировать тенденцию, но и показать её интенсивность, темп в количественных, т.е. легко сопоставимых характеристиках. По существу это усложненный вариант историко-сравнительного метода.¹⁴⁴

Возвращаясь к вопросу о статистической устойчивости исторических социально-экономических тенденций, отметим, что такой устойчивостью во времени и пространстве обладали, прежде всего, ведущие экономические закономерности. И именно это свойство отличало их от множества локально-временных тенденций, нередко отличавшихся богатством локально-временных вариаций.

Например, значительным распространением и статистической устойчивостью во времени характеризовалась такая общая для периода классического феодализма тенденция, как преобладание в процессе

¹⁴⁴Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 109 – 110.

имущественного расслоения зависимых крестьян-держателей среднего уровня зажиточности, т.е. владельцев так называемого нормального надела (равнялся земельной площади, которую собственными силами могла обработать крестьянская семья). Наличие такого надела обеспечивало длительное нормальное функционирование системы аграрных отношений при феодализме, определяло её историческую перспективность. Изменение этой тенденции явилось серьезным симптомом нарушения равновесия аграрного порядка, явным признаком надвигающихся кризисных явлений.

Опыт изучения ряда статистически устойчивых социально-экономических закономерностей показывает, что они могут быть охарактеризованы как случайные или стохастические процессы. Конкретное состояние процесса в момент времени t рассматривается как функция времени $x(t)$ со значениями из R , где R – фазовое пространство или пространство состояний. Это последнее иногда называют полем возможностей или пространством событий. Эти наименования характеризуют всю совокупность возможных состояний, которые может принимать данный процесс в его качественной определенности и которые отличают этот процесс от всякого другого. Пространство состояний отражает саму природу процесса, его качественную определенность, свидетельствуя о том, что все возможные состояния данного процесса испытывают воздействие одной и той же причины или нескольких одних и тех же причин.

Медиевистам хорошо известна такая особенность средневекового аграрного развития, как относительная стабильность во времени рентных платежей, которые вносили крестьяне с одного и того же надела. На протяжении времени ренты колебались вокруг некоторого устойчивого среднего значения. Это обстоятельство позволяет предполагать, что средневековые рентные отношения развивались как стационарные стохастические процессы.

В то же время нередко недостаточное количество необходимой информации, полученной из источников, вынуждает обращаться при изучении социально-экономических тенденций статистического характера в пространстве и стохастических процессов во времени к иным исследовательским приемам. Речь идёт о структурной математической модели, фиксирующей в стохастическом процессе одно его состояние, рассматриваемое как норма, типичное при абстрагировании от случайных, но неизбежных в реальной жизни отклонений от этого состояния под влиянием множества случайных факторов. Иными словами, строится модель тенденции, так сказать, в чистом виде, т.е. тех ее проявлений, которые выражают качественную определенность процесса, его отличие от другого. Модель, выражающая некоторую норму отношений, является научной идеализацией. Эта модель при посредстве определенной методики сравнивается с реальными отношениями, отличными в той или иной степени от нормы, типа развития, т.е. отношениями, зафиксированными в источниках. Мера отклонения реальных отношений от их нормы рассматривается как мера случайного в стохастическом процессе и интерпретируется как основная характеристика этого процесса.

Использование моделей, отражающих одно из состояний стохастического

процесса, присуще всякому историческому исследованию, выполненному без использования количественных методов. Однако в этих исследованиях, как сама модель, так и сопоставление с ней реальных, отраженных в источниках отношений, присутствуют неявно.

Допустим, утверждается, что в Византии XI-II-XIV вв. феодализм был видоизмененным и специфичным. Неявно в этом дедуктивном выводе, отражающем характерную для исторического познания цельность восприятия явления, в качестве посылки присутствует представление о существенных признаках типичного феодализма, отражающего необходимые типичные черты процесса развития феодализма в разных регионах. Неявно подразумевается и сопоставление византийских общественных порядков с некоторой моделью, абстракцией, отражающей представление о развитии феодализме. Математическое моделирование, в котором модель выражает тенденцию развития в чистом виде, и разработка способов сопоставления с этой тенденцией реальных отношений, реконструируемых на основе изучения источников, означают, что неявная идеализация, образец, становится явной. Явным становится и сопоставление с моделью, образцом, что выражается в количественной оценке меры соответствия реальных отношений тому образцу этих отношений, с которым они сопоставляются. Плодотворность изучения в социально-экономической истории тенденции в чистом виде, нормы тенденции, равно как и распространенности отношений в пространстве в виде ее научной идеализации свидетельствуют об использовании в истории понятия «статистика» в ином, наиболее распространенном в современной научной литературе понимании. Согласно этому пониманию статистика не сводится только к методу изучения массовых явлений, характеризующихся большими числами, и не сводится к изучению репрезентативной выборки для познания целого. **Статистический закон признается «всеобщей необходимой ... связью между элементами ... системы и поведением системы (системный закон). Каждый элемент системы рассматривается при таком подходе не изолированно, а в его взаимосвязях с другими элементами системы. Такое понимание статистики характерно, например, для квантовой теории в физике.**

Закономерности, действие которых может быть сведено к строго необходимым взаимосвязям (например, строго пропорциональные зависимости в экономике), рассматриваются при таком понимании статистики как «частный или крайний случай».¹⁴⁵ Иными словами, это некоторая структура, поведение системы, с которой, так или иначе, связаны все состояния и которая учитывается при структурном моделировании.¹⁴⁶

Проиллюстрируем структурное моделирование на примере стохастического процесса, суть которого в преобладании в эпоху развитого средневековья при имущественном расслоении крестьян представителей среднего уровня зажиточности, держателей нормального надела. Знание о необходимом аспекте этого процесса базируется на источниках нестатистического законодательного

¹⁴⁵ Герц Г, Закон, развитие, случайность // Вопросы философии. 1978. № 8. С. 55.

¹⁴⁶ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 112.

характера. Именно они отражают норму отношений. Мы вновь сталкиваемся с соотношением понятий, отражающих, с одной стороны, идеализацию, т.е. сугубо гносеологическую категорию, а с другой – факты реальности. Эти последние характеризуются источниками законодательного характера. Законы всегда выражают некоторую норму реальных отношений. Применительно к Византии с этой точки зрения интересна, например, 162-я новелла Юстиниана, в которой говорится, что свободный колон (в отличие от зависимого) может изменить свой статус, если приобретёт в индивидуальную собственную землю, но такого размера, дабы он мог обработать её собственными силами. Иными словами, он должен приобрести нормальный надел.

Проблемы структурного моделирования, объектом которого является необходимый аспект стохастических процессов, подводят к рассмотрению возможностей использования дифференциальных уравнений. Поскольку дифференциальные уравнения отражают функциональные зависимости, то естественно их использовать для моделирования нормы, необходимости в чистом виде при абстрагировании от случайных проявлений стохастических процессов или статистических отношений в пространстве. В этом случае дифференциальные уравнения выразят ту «норму» тенденции, вокруг которой происходят вариации, норму, которая в чистом виде, возможно, и не встречается в реальной жизни, но с которой как с научной идеализацией целесообразно и правомерно сравнить реальные отношения. Созданию структурной модели должен быть предпослан содержательный анализ соответствующих отношений или процессов. Этот анализ должен обеспечить соответствие предпосылочного знания знанию алгоритмическому, воплощенному в модели, и фактическому, зафиксированному в источниках. Итак, переходим к содержательной предметной характеристике процесса. Подобная характеристика, по сути, в нашем примере является изложением концепции расслоения средневекового крестьянства, той концепции, которая вводится в исследовательскую ситуацию и затем, как мы покажем, подлежит частичной формализации.

Итак, имущественное расслоение поземельно зависимых крестьян некоторого поселения или общины означает существование в составе крестьянства определенных слоев, которые отличаются друг от друга размерами имущества (прежде всего земли) и спецификой социального поведения. Данное определение понятия расслоения средневековых крестьян является определением тенденции в чистом виде, нормы соответствующих процессов. Выше говорилось о полисемантизме исторических понятий, о возможности их доопределения. Однако эти выводы относятся в меньшей мере к определениям, характеризующим норму тенденций и отношений, основу их качественной определенности. Абстрагируясь от многих конкретных форм проявления нормы, типичных черт расслоения средневековых поземельно-зависимых крестьян в разных регионах и в разные временные периоды, можно считать, что для периода классического феодализма в отличие от последующего периода оптимальным вариантом, обеспечивающим длительные возможности поступательного развития аграрных отношений, было наличие у

всех держателей нормального надела.

На протяжении времени средний по зажиточности слой крестьян, т.е. держатели нормального надела, или беднел, или богател. Под обеднением подразумеваем, результат сокращения нормального надела, что было связано с дроблением наделов, образованием в силу нехватки рабочего скота новых мелких держаний, переходом вымороченных наделов крупным собственникам и передачей их вновь крестьянам в держание, но уже в виде урезанных наделов, продажей наделов и т.д. Однако в условиях более развитых производительных сил (а иногда и при отсутствии этого условия) эти урезанные наделы в дальнейшем рассматривались как нормальные.

Соответственно обогащение означало увеличение нормального надела. Наиболее характерным для эпохи классического феодализма были процессы, которые условно можно назвать сравнительным обогащением или псевдообогащением. В условиях, когда у значительной части крестьян сокращались размеры нормального надела, крестьяне, которые сохранили прежний нормальный надел, становились уже не представителями среднего слоя, а относительно зажиточными держателями. Наряду со слоем крестьян средней зажиточности в эпоху развитого феодализма четко определяются и другие слои: держатели половинного и четвертного наделов, а также малочисленные слои совсем бедных и относительно богатых держателей. Появляются и полностью безземельные крестьяне.

Однако большая часть крестьян все же оставалась обеспеченной пахотной землей, необходимой для функционирования экономической системы и системы эксплуатации в рассматриваемую эпоху. В целом для этой эпохи не были характерны интенсивные процессы концентрации земли в недрах самой крестьянской среды. Всякое усиление процессов земельной концентрации в среде феодально-зависимых крестьян есть симптом разложения феодальных аграрных отношений.

В связи с тем, что имущественное расслоение феодально-зависимых крестьян – это результат тех процессов, которые условно названы обеднением и обогащением различных представителей слоя средней зажиточности, можно считать, что если бы все крестьяне конкретной вотчины или целого региона принадлежали бы к среднему по зажиточности слою, т.е. были держателями нормального надела, то в соответствующей совокупности в фиксированный момент времени расслоение отсутствовало бы. Повторяем, данное предположение отражает обобщение действительности, служит той структурной моделью, которая фиксирует чистую норму отношений, вокруг которой реальная действительность создавала «разброс» ситуаций. Разброс происходил в пределах поля возможностей, которое в данном случае включает все те варианты различий в размерах земли, в пределах которых владелец остается крестьянином. В каждом конкретном случае эти границы устанавливаются на основе источников. Как видно, содержательный смысл статистического понятия поля возможностей состоит в том, что это понятие охватывает всю качественную определенность изучаемого процесса. Только в пределах поля возможностей можно говорить о данном процессе, его ведущей

тенденции и отклонениях от нее как флюктуациях, не выходящих за определенные границы. Выход за пределы поля возможностей означает появление нового процесса со своими новыми тенденциями и вариациями, т.е. появление новой качественной определенности. Допустим, в нашем примере новая качественная определенность означает, что речь идет о расслоении мелких вотчинников или привилегированных условных собственников, владение которых по размерам и структуре мало отличалось от крестьянских, однако существенно отличался характер их социального поведения. Соответственно, поземельные отношения, связанные с владельческими отношениями этой категории собственников и владельцев, – иные, отличающиеся иным полем возможностей и соответственно иной качественной определенностью.

Далее, полагаем, что у крестьян средней зажиточности в каждый конкретный момент времени степень бедности равняется степени богатства и соответственно разность между этими состояниями равна нулю. Для других имущественных категорий крестьян эта разность составляет некоторую величину, характеризующую степень расслоения, вызванного или обеднением, или обогащением данного крестьянина по сравнению со средним уровнем зажиточности. Отсюда вытекает целесообразность рассмотрения разности между степенью бедности и степенью богатства каждого крестьянина в качестве показателя расслоения имущественного статуса этого крестьянина.

Задача формализации концепции расслоения средневекового феодально-зависимого крестьянства состоит, очевидно, в нахождении значений степени бедности и богатства. Для этого необходимо продолжить начатое рассуждение об обеднении и обогащении крестьян средней зажиточности, найти в этом рассуждении утверждения – «аксиомы», характеризующие первичные и элементарные отношения между факторами, которые отражают процессы обеднения и обогащения, и записать их (эти утверждения) в виде дифференциальных уравнений. Частные решения этих уравнений дадут формулы, которые можно интерпретировать как степень бедности или богатства в фиксированный хронологический период. Далее следует вычислить разность между этими степенями.

Целесообразно считать, что степень бедности определенных категорий зажиточных крестьян близка к нулю, а бедность безземельных крестьян является наивысшей и равна единице. В то же время процесс обогащения не имеет границ в рамках заранее определяемого поля возможностей. Очевидно, обеднение прямо пропорционально уменьшению размеров надела и прямо пропорционально степени бедности в данный момент времени. Последнее означает, что потеря части надела бедным крестьянином сильнее увеличивает степень его бедности, чем потеря такой же части надела богатым держателем. Обогащение – процесс, обратный обеднению. Поэтому справедливо утверждение: некоторое увеличение степени богатства (т.е. обогащение) прямо пропорционально увеличению надела и обратно пропорционально степени богатства в изучаемый период времени. Последнее означает, что при изменении надела на данную фиксированную величину изменение степени богатства будет

большим для менее богатых владельцев.

Оценивая опыт структурного моделирования имущественного расслоения средневековых крестьян в методологическом плане, отметим, что разработка специальных математических моделей, отражающих проведённый под определенным углом зрения предметный анализ и учёт общих знаний, – наиболее перспективный путь математического моделирования в средневековой социально-экономической истории (как, вероятно, и во всякой иной области знания). Именно специально разработанные модели, а не созданные в другой предметной сфере позволяют достигнуть требуемой адекватности содержательных представлений и математического аналога. Построение таких моделей, равно как и составление пакета соответствующих программ для анализа массива с помощью компьютера, – настоящая задача применения математических методов в медиевистике и в истории вообще. Данный пример явно обнаруживает наличие в рамках исследовательской ситуации концепции, фактологического базиса. В исследованиях, выполненных на традиционно качественном уровне, эти компоненты – нерасчленимы.

Разработка специальной математической модели, соответствующей предметной модели явления, отражающей предметную концепцию, способствует достижению четкости в предметных представлениях и терминологии. Действительно, измерению с помощью рассмотренного показателя имущественного расслоения средневековых поземельно зависимых крестьян предшествовала чёткая формулировка сущности расслоения, констатация закономерного характера рассматриваемых признаков, обусловленных общей структурой аграрных отношений. При изучении проблемы только на содержательном качественном уровне в центре внимания исследователя находятся конкретные проявления изучаемых отношений в данном месте и в данное время. Фиксация общих закономерностей в том виде, как она дана выше при рассмотрении особенностей имущественного расслоения средневековых крестьян, представляется при качественном анализе элементарной и даже тривиальной и потому излишней. Однако такая фиксация приобретает познавательное значение при количественном подходе к проблеме. Характеристика наиболее общих проявлений закономерностей на предметном уровне, т.е. их содержательная модель, а затем выражение её с помощью математического аналога, отражающего необходимый аспект процесса, позволяют измерить интенсивность изучаемых отношений в отдельных выборках и сравнить полученные характеристики. Сравнение характеристик, относящихся к разным локально-временным выборкам, даёт возможность выяснить изменение во времени и пространстве.

Кроме того, всякое междисциплинарное исследование преследует цель включить решаемую в плане соответствующего предметного анализа задачу в рамки общенаучной методологии, предполагающей использование общенаучных понятий. В данном случае это достигается благодаря распространению на средневековую социально-экономическую историю общенаучного понятия стохастического процесса, статистической тенденции. Включение в систему познавательных категорий медиевиста этого понятия в

его общенаучном значении обуславливает не только совершенствование понятийного аппарата исследований по средневековой социально-экономической истории, но и исследований по средневековой общественной мысли. Возникает вопрос, каким образом стохастический характер средневековых общественных процессов воспринимался самими современниками этих процессов, т.е. мыслителями и общественно-политическими деятелями средневековой эпохи?

Стохастический характер различных общественных тенденций в пределах известного пространственно-временного диапазона определённым образом, но по-разному воспринимался современниками. Восприятие проявлялось, в частности, в разных формах ориентации человека в развивающихся на протяжении времени общественных событиях и явлениях и в попытках осмыслить и обобщить эту ориентацию.

Результатом такого обобщения становились различные практические рекомендации в области политики и дипломатии, которыми, например, изобилует византийская историография, носящая ярко выраженный дидактический характер.¹⁴⁷

Характерные черты ориентации в общественной жизни, структурах повседневности, составляя содержание социального поведения и отражая прагматический уровень менталитета, обуславливались двумя факторами: с одной стороны, тем, какие общественные явления рассматривались как устойчивые и длительные тенденции, а с другой – какие факторы расценивались в качестве временных и преходящих. Именно то или иное различие в общественной жизни устойчивого и изменчивого определяло представление о ценности социально-политического и индивидуального исторического опыта и позволяло строить предположения о возможности учета этого опыта в общественной и политической жизни, равно как и вероятностные прогнозы дальнейшего хода событий. Попытки разработать методы подобной ориентации, рекомендации политического поведения означали выработку того или иного свойственного эпохе понимания статистического характера ряда социальных тенденций. Это понимание определялось общим культурологическим фоном эпохи и реальными наблюдениями над окружающей действительностью, позволяющими постигать опыт предшествующих поколений. Большую роль играли формы распространения информации в соответствующие эпохи. Характерна, например, такая форма распространения информации в древности и в средние века, как переписка.¹⁴⁸ Византийский интеллектуал XIV в. Дмитрий Кидонис в письмах к своим современникам, в частности, сетовал на множество сведений: разнообразных и противоречивых, содержащихся в адресованных ему письмах. Эти противоречия, разнообразие, запоздалый характер информации о текущих событиях затрудняли ориентацию в них. В этих условиях достаточно трудным

¹⁴⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 118.

¹⁴⁸ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 119.

было формулировать политические прогнозы, предвидеть тенденцию развития событий.

В условиях византийской действительности стремление к ориентации в политической обстановке привело к выработке византийскими историками, бывшими одновременно и политическими деятелями, модели политического поведения, в которой в рамках общих провиденциалистических идей эпохи о влиянии божественных сил в истории человечества значительная роль отводилась анализу нравственно-психологических качеств личности. Они, эти качества, именуемые добродетелями, проявлялись в политических интересах и поступках людей и отличались, по мнению византийцев, определенным постоянством, создавая тем самым основу для обобщений, в противоположность самим политическим событиям, которые характеризовали разнообразие. Это порождало иллюзию, что намерения, стремления, а также гнев, зависть, честолюбие, т.е. все то, что в рамках общей доктрины о божественном провидении составляло сферу проявлений свободного выбора человека, и было тем фактором в истории, причем единственным, который поддается относительному, мы бы сказали, вероятностному, предвидению и знанию о котором помогает ориентироваться в общественной жизни.

Можно констатировать, что в рамках характерного для соответствующей эпохи понятийного аппарата и на уровне здравого смысла им было свойственно понимание статистического и стохастического характера ряда процессов в обществе. Действительно, они усматривали в общественных отношениях необходимость, отождествляемую с божественным провидением. Далее, признавали реализацию необходимости в случайных событиях, являющихся результатом стечения многих факторов – причин (в аристотелевском смысле) и свободного волеизъявления человека. Однако эти события могли быть не какими угодно, их свойства лимитировались природой человека, обладающего дарованным свыше набором добродетелей. Иными словами, византийским историкам было присуще, естественно на уровне понятийного аппарата той эпохи (на уровне рассуждений о божественном вознаграждении за благие поступки и возмездии за поступки недобродетельные), понимание поля возможностей, пространства состояний общественных процессов. Не чуждым было им и аристотелевское понимание вероятностного характера общественных явлений. Характерно, что выбор линии поведения в некоторых ситуациях сравнивали с результатом бросания игральной кости. Как известно, это типичный пример равномерного распределения в теории вероятностей.¹⁴⁹

Элементы научного метода познания, т.е. наблюдения, описания и обобщения, в Византии проявляются, в частности, именно в социальной психологии, знание которой рассматривалось как основа ориентации в обществе. Кроме того, в Византии наблюдения в области социальной психологии, включенные, разумеется, в общую систему традиционных теологических представлений, становились в значительной мере основой гуманистических идеалов этики, составляющей элемент поведенческой модели.

¹⁴⁹Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 120.

Наряду с нравственно-психологической сферой, создающей впечатление существования на фоне текущих и меняющихся событий некоторых факторов, которые можно предвидеть, постоянное и надежное усматривались и в сфере права, традиционных идей, в теологии, официальной идеологии, восходящей к античному влиянию, риторике, традиционной фразеологии, в различных традиционных формах искусства. Все эти явления, соединяясь в сознании византийцев с постоянством, нормой отношений, естественным порядком, божественным законом, резко контрастировали и противопоставлялись переменчивым текущим событиям и текущей информации о них. Это понимание устойчивого и изменчивого, понимание характера общественных процессов, обусловленное не только богословской традицией и античным влиянием, но и состоянием общественной информации, подводит к задаче использования информационных методов для анализа общественно-экономической и политической мысли.

Соответствующая методика используется в рамках контент-анализа¹⁵⁰, который в данном случае применяется в целях определения степени концептуальности некоторых сочинений византийских историков XIV в., для анализа стиля политического мышления. В тексте сочинений выделяются фрагменты, повествующие о политическом поведении и показывающие, в какой мере общие, свойственные византийцам идеи о роли нравственно-психологических факторов в обществе присутствуют при интерпретации конкретных событий. Характерно, что в исторических произведениях византийцев при оценке ими роли политических страстей, интересов, а также влияния на события таких чувств, как зависть, честолюбие и др., меньше разнообразия, чем при трактовке такого привычного для средневекового менталитета понятия, как божественное провидение и его роль в истории. Нравственно-психологические качества личности, проявляясь в совершении добродетельных или недобродетельных поступков, которые (поступки) влекли за собой божественную награду или возмездие, давали возможность, по мнению византийцев, частично предвидеть (несмотря на возможность непредвиденного вмешательства судьбы) результаты политической деятельности.¹⁵¹

Вероятностный аспект теории информации существен также тогда, когда перед современным исследователем встает задача определения роли изучаемого исторического явления в системе других. Историк, изучая какую-либо проблему, особенно относящуюся к отдаленному прошлому, в частности к средневековой эпохе, вычлняет информацию из многих источников разного характера и образует, как говорят иногда те, кто занимается применением количественных методов в исторических исследованиях, новый, так сказать

¹⁵⁰ Контент-анализ – это метод, используемый при изучении массовых источников сложного, в том числе нарративного, характера, содержащих однородную информацию по изучаемой проблеме. Под однородностью информации в данном случае подразумевается повторяемость свидетельств, обозначений, т.е. повторяемость предметных характеристик, которые, вообще говоря, могут отличаться полисемантической. Суть и задача контент-анализа состоят в том, что он предполагает изучение текстов с массовой однородной информацией в соответствии с процедурой, которая определяется гипотезой о типичном и общем в изучаемом явлении.

¹⁵¹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 121.

уже искусственный, источник. Не исключена, а напротив, весьма типична исследовательская ситуация следующего характера. В естественно сохранившихся источниках отдельные сведения об изучаемом явлении могут быть редкими и даже носить исключительный характер, однако выявленные и объединенные, эти сведения могут оказаться значительными. Но информация о явлении, содержащаяся в искусственно созданном источнике, впитавшем данные многих естественных источников, пока ещё, т.е. без дополнительного анализа и пояснений, сама по себе не несет информации о социальной роли явления, сведения о котором, возможно, по крупицам собраны из многих источников. Интуиция ученого, в основе которой лежат его общие знания предмета, и, разумеется, источниковедческий анализ обычно подсказывают исследователю оценку той роли, которую играло явление в общественной жизни.¹⁵²

Использование энтропии как меры неопределённости и разнообразия помогает более точно оценить эту роль и сделать оценку наглядной и сравнимой. Примеров искусственных источников, требующих оценки роли явления, можно привести множество. Так, византийские источники XIV-XV вв. содержат лишь разрозненные и единичные сведения об общественном институте, игравшем в предшествующий период весьма значительную роль, а именно, о праве предпочтительной покупки отчуждаемой земли соседом или родственником продавца. Собранные воедино, эти данные свидетельствуют, что права предпочтения, имевшие давние традиции, существовали и в поздневизантийский период. Однако совокупность подобных сведений ничего не говорит о социальной роли этого института. Будучи разбросанными, по различным источникам, соответствующие данные вроде бы незаметны, они, что называется, не лежат на поверхности, и требуется исследовательское мастерство для их вычленения. Но, образуя искусственный источник, они оказываются относительно многочисленными, что может вызвать переоценку социальной роли изучаемого явления в общей системе византийских прав и привилегий. Кроме того, определение этой роли с помощью интуиции, основанной на общем знании общественных отношений, оставляет значительный диапазон для варьирования оценок и, по существу, исключает сравнительный анализ явления во времени и пространстве. Междисциплинарный комплексный подход предполагает создание так называемой непротиворечивой модели явления, определения частоты встречаемости в однотипных источниках упоминаний о явлении и энтропийную меру, которая позволяет не только количественно оценить роль явления, но и выполнить сравнительный анализ в рамках выбранных критериев, оговоренных на стадии анализа предпосылочного знания.

Мы уже отмечали, что сознательно приводим примеры из области истории отдаленного прошлого. В то же время количественный анализ широко используется при изучении менее отдаленных периодов.¹⁵³ Что же касается текстологии, то в этой области знания большую роль играет не

¹⁵² С. 122.

¹⁵³ См.: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С. 108 – 126; 281 – 435.

количественный, а формальный анализ.

В качестве примера укажем на те возможности, которые раскрываются при формальном анализе сочинений византийского мистика XIV в. Григория Паламы.

Представляется целесообразным выбрать аспект и методику, неиспользуемые до сих пор в византиноведении, а именно, рассмотреть произведения Паламы как тексты. Иными словами, делается акцент не на интерпретации как единственном способе постижения смысла, точнее, не столько на интерпретации, сколько на анализе формальной структуры рассуждения, особенностей аргументации. Действительно семантический анализ богословских понятий, используемых в произведении Григория Паламы, неоднократно становился объектом внимания таких ученых, как И. Мейендорф, Х.-Г. Бек, Г. Подскальски, русских дореволюционных исследователей – Б. Кривошеина и др.¹⁵⁴

Внимание к формальной структуре рассуждения привлекается в целях углубления смысловой интерпретации текста, являющейся основой всякого гуманитарного исследования и конечной целью текстологии.

На наш взгляд, такая интерпретация должна быть дополнена формальным анализом аргументации, который может приблизить к пониманию ряда специфических черт восточнохристианской апологетики, риторики в их взаимосвязях с античностью и христианством. Выше говорилось, что подобный взгляд на текстологический анализ вполне соответствует позиции современной философской герменевтики, согласно которой интерпретация рассматривается как основной метод гуманитарного знания, и подразумевает комплексный подход к тексту, включая использование структурных и формальных методов, а также компьютера.

Теоретическим обоснованием формального подхода к аргументации Григория Паламы является современная философия речи, развиваемая, например, А. Кожевым.¹⁵⁵ О философии как выговаривании писал Хайдеггер.¹⁵⁶ При таком подходе философское рассуждение выражено в дискурсивных терминах, некоторые из которых восходят к патристике. Например, философское понятие вечности, означающее сущность, лишенную временных характеристик, рассматривается как объект апофатики: умолчания, отрицания. Я полагаю, что рассмотрение концепции Паламы как текста удобно по следующим причинам: у Паламы строгая структура рассуждения и аргументации. Например, характерен трактат: «Главы по Физике, Теологии, Морали, Практике», само название которого уже отражает идею оправдания совокупного жизненного опыта человека как единого целого, имеет четкую схему изложения материала. Трактат содержит тезис – утверждение некой идеи: богословской, космогонической, нравственной и т.д. После тезиса

¹⁵⁴ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 123.

¹⁵⁵ См.: Визгин В.П. Философия как речь: историко-философская концепция Александра Кожева // Вопросы философии. 1989. № 12.

¹⁵⁶ См.: Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Там же. 1989. № 9. С. 119.

следует его обоснование. Оно содержит ссылку на Писание и индукцию через перечисление. Мир имеет начало – это тезис. Природа учит, история говорит, искусства и государственные установления показывают – таково обоснование тезиса, содержащее эмпирическую индукцию через перечисление восприятий, возникающих на уровне рассудка. Затем следует антитезис: утверждение древних о вечности мира и демонстрация его абсурдности с помощью апелляции к здравому смыслу, рассудку, а именно, привычным временным представлениям человека. И, наконец, в тексте Паламы содержится вывод – синтез, т.е. повтор тезиса, избыточная информация, называемая в терминах философии речи псевдоречью. Особенно важно, что в самом сочинении Паламы содержится сравнение иерархической идеи творения со структурой речи или текста. Для него мир - это текст, указанный в Логосе. Палама пишет: «Человек – цель творения и заключение космической системы. Он допущен к существованию после других точно так, как мы завершаем текст эпилогом».

Интерпретация аргументации Паламы в дискурсивных терминах речи подводит к необходимости специального рассмотрения синтеза, т.е. псевдоречи, содержащей повторы. Роль повторов в трактате Паламы огромна. В частности, постоянно повторяются доводы от рассудка при обосновании тезиса. В тезисе о конечности мира повторяется перечень: природа, история, искусства, государственные институты. Мы говорили, что повторы, если их характеризовать в терминах информатики, должны быть определены как избыточная информация. Её избыточность в повторах, содержащихся в аргументации Паламы, превосходит ту, которая могла бы быть при полном изложении посылок и вывода в аподидактическом и риторическом силлогизмах, которыми пользуется Палама. Специальный анализ повторов показывает, что избыточная информация содержит основные идеи философско-богословских рассуждений Паламы. Соответственно, при их изучении каждая из содержащихся в них идей может оцениваться как сущностная, определяющая всю цепь рассуждений при условии ее присутствия в псевдоречи, избыточной информации. Именно присутствие какой-либо идеи в избыточной информации – свидетельство её значимости в системе аргументации. Таким образом, посредством анализа избыточной информации в тексте Паламы углубляется анализ и содержательная интерпретация аргументации византийского мистика. С известным приближением можно считать, что формальный анализ текста позволяет выявить воззрения, неосознанные самим автором текста и отражающие общую ментальность эпохи.¹⁵⁷

Глава VI

ГНОСЕОЛОГИЯ И ЛОГИКА ИСТОРИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ СРЕЗЕ (с античности до наших дней)

¹⁵⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С.124.

Известный немецкий историограф и исследователь методологии истории конца XIX – начала XX в. Е. Бернгейм, оставивший знаменитое «Введение в историческую науку», вычленяет следующие три вида или направления исторических сочинений: повествовательная история, поучающая (прагматическая) и эволюционная (генетическая).¹⁵⁸ Первое направление, по характеристике Е. Бернгейма, состоит в описании или перечислении фактов, содержащихся в исторических источниках. К повествовательному жанру Бернгейм относит древние сказания, в которых вымысел причудливо переплетается с достоверными сведениями. Историограф упоминает древние саги, песни, повествования о странствиях, рассказывающие о деяниях лангобардов, песню о Нибелунгах, песню о Сиде и т.д. По-иному выглядят эпические истории. К этому жанру Бернгейм относит распространенные в древности изображения на камне, металле, дереве победных сцен, надписей, которые донесли до нас тексты договоров и законов. Например, особое место в рамках данного жанра занимают списки архонтов в Афинах, календари духовных коллегий, таблицы консулов в Риме, многочисленные анналы. К жанру повествовательной истории Бернгейм причисляет сочинение Геродота, «отца истории».

С точки зрения современной гносеологии истории наименование повествовательная история отнюдь не предельно точное, поскольку повествование (нарратив) есть способ репрезентации любого исторического материала. Исторический нарратив неоднократно подвергался логико-гносеологическому анализу. Он содержит суждение факта, гипотетические суждения, аргументацию, вывод, а также изложение концепции, обоснование выбора темы, аспекта, постановку проблемы. Наряду с этим в рамках нарратива может найти свое место более или менее полное изложение «готового» знания. Тот факт, что историческое знание излагается естественным языком, тогда как технический язык (использование формальных и количественных методов, специальной терминологии, таблиц, коэффициентов и т.д.) носит подсобный характер. Даже при условии частичной формализации концепций, позволяет всякую историю считать повествовательной. Точнее было бы знание, называемое повествовательной историей, именовать событийной историей. Это наименование утвердилось в современной гносеологии истории.¹⁵⁹

Что же касается поучающей (дидактической или прагматической) истории, то её начало Бернгейм возводит к эпохе античности, к Фукидиду. В «Пелопонесской войне» Фукидида заявлено, что цель данного произведения – это сообщение о прошедших событиях и описание того, что может случиться в жизни людей сходного с тем, что уже произошло. Топос (общее место) античной историографии, содержанием которого является возможность на основе прошедшего угадывать будущее, перешел затем в византийскую историографию, был переосмыслен с христианских позиций. Наличие этого топоса в античной и византийской историографии (к его рассмотрению мы еще

¹⁵⁸ См.: Бернгейм Е. Введение в историческую науку. М., 1908. С. 4.

¹⁵⁹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 125.

вернемся в другой связи) отражает понимание в древности и Византии как исторического времени, проблемы континуитета, **передачи социальной информации**, так и гносеологической процедуры поисков сходств и различий. Именно в рамках дидактической истории зародился историко-сравнительный метод, который является отражением типичной для исторического познания процедуры поисков сходств и различий, проведения аналогий.

Выражение **прагматическая история** (от греческого прагма – дело) заимствовано у Полибия и означает **описание государственных дел, их восприятие на уровне политической рефлексии, не связанной с характерной для эпохи картиной мира**. Например, в средние века в соответствии с христианским мирозерцанием восхвалялось миролюбие, осуждалась мирская суетность, но на практике велись войны, политическая борьба. Соответственно в позднейшей философии истории понятие прагматической истории ассоциируется с методикой и анализом, связанным с обнаружением и обработкой непосредственных данных источников, относящихся к явлениям повседневности, оценкой их пользы или вреда с точки зрения земной жизни человека. Иными словами, прагматическая история в древности и средневековье, связанная с поучением, предполагала подробнейшую характеристику событий, нахождение их непосредственных причинно-следственных взаимосвязей, оценку их в соответствии со шкалой ценностей текущей идеологии, учитывающей непосредственные результаты событий и поступков. Изобилие прагматических оценок событий резко контрастирует заверениями авторов соответствующих произведений в беспристрастности повествования.

Начиная с XVIII в., складывается историческое повествование, которое Е. Бернгейм именовал **эволюционным**. Для этого вида историографии характерно внимание к постоянному изменению развития видов человеческой общественной деятельности, институтов, изучение смены картин мира. Этот взгляд на историю формируется вместе с эпохой Просвещения и европейским рационализмом, высвобождением исторической картины мира от метафизических принципов, свойственных христианству, **стремлением понять историю саму по себе, выявить её «естественные движущие силы»**.¹⁶⁰

В то же время именно в средние века в отличие от эпохи античности формируется идея прогресса, нравственного совершенствования и идея всемирной истории. Античная история была лишена идеи прогресса, для неё характерно представление о континуитете, повторах, круговращении, идеи циклического исторического времени.

Несмотря на принципиальную несхожесть античной и средневековой западно- и восточнохристианских картин мира в подходах к истории, было, как это ни парадоксально, много общего.

Действительно, с одной стороны, языческий пантеизм древности, с другой – единый Бог-творец христианской эпохи. Неогегельянец Р. Коллингвуд называл

¹⁶⁰ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 126.

античную философию истории антиисторической.¹⁶¹ Впрочем, с дальнейшими выводами Р. Коллингвуда вряд ли можно согласиться. Он пишет: «В отличие от китайской или средневековой цивилизации Европы, где концепция человеческого общества покоилась на надежде сохранить в неизменности его основные черты; первой задачей греков было принять факт невозможности постоянства и примириться с ним».¹⁶² Но ведь неизменность и в средние века в Европе ассоциируется с трансцендентным, метафизическим божественным космосом и богом, тогда как мир людей и их деяний – античная икумена – подвержена постоянным изменениям. Постоянным в этом мире были только добродетели, дарованные человеку в виде божественной благодати.

Но сходство античной и средневековой идей икумены (земного мира) состояло не только в понимании изменчивости земного, но и в признании правомерности прагматического уровня восприятия прошлого. Это тот уровень сознания, на котором формировалась как практическая идеология, так и поведение политика, купца, дипломата, юриста, священнослужителя, необходимые для их ориентации в повседневной жизни. Сходство можно обнаружить и в гносеологических приоритетах. И в античности, и в средние века историки и философы были убеждены в возможности писать объективную историю, беспристрастно излагать события, видеть их со стороны и описать таким образом, чтобы последующие поколения имели назидательные примеры. Как видно, сходство античной и средневековой рефлексии по поводу историографии, т.е. написания истории, касалось именно гносеологических проблем. Отмеченное сходство сочеталось с множеством конкретных различий. Мифологическая картина мира в античности сочеталась с фактологическим или прагматическим подходом.¹⁶³ Мифологизм с точки зрения гносеологии истории – это не только акцентирование субъекта в формуле «субъект – знание – объект» («с-з-о»), но и устранение граней между «с» и «о». В рамках мифологической картины мира реальность и её образ совпадают. Такое восприятие истории существовало параллельно с аристотелевским пониманием истины как гносеологической характеристики, так отображения реальной данности. Однако в античности историография была слабо связана с идеями крупных философов.¹⁶⁴

Идею объективных критериев в понимании прошлого в её теоретическом выражении следует искать в античной философии, а не в историографии. Согласно античной философии, в частности Платону и Аристотелю¹⁶⁵, государство есть высшее единство человеческой жизни и высшая цель человека. Уже некоторые софисты высказывали идею естественного права. Руководствуясь этой идеей, они сопоставляли предписания природы и человеческие законы. При этом первые являлись для софистов тем объективным критерием, который позволял оценить всякий закон, изданный

¹⁶¹ См.: Коллингвуд Р. Идея истории // Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. , 1980. С. 22.

¹⁶² См.: Коллингвуд Р. Идея истории // Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. , 1980. С. 24.

¹⁶³ См.: Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977. С. 183.

¹⁶⁴ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995.С. 127 – 128.

¹⁶⁵ 5 Платон. Протагор. Гл. X, XXXVIII; Аристотель. Этика Никомаха. Кн. VIII, гл. 3, § 13.

государственной властью. Сократ утверждал, что добродетель есть знание естественных велений, имевших божественное происхождение, желание добра лежит в природе человека. Законы и государство, отождествляемые со справедливостью, сделались для Сократа высшими, а следовательно, объективными ценностями. Идеи блага и добра, по Платону, суть высшие категории, постигаемые разумом и составляющие, таким образом, ориентир для оценки реальной исторической и социальной ситуации. Исходя из этих идей, Платон и конструировал свое понимание идеального государства. Веления природы человека обуславливают его правильное поведение и основную добродетель – справедливость.¹⁶⁶ Для государства зло заключается во всем том, что разъединяет интересы граждан и раздробляет единство, напротив, благом является то, что связывает все части в одно целое».¹⁶⁷ По мнению Аристотеля, все науки, все искусства имеют своей целью благо; высшее из этих благ должно быть предметом высшего знания. Таким знанием является политика. Благо в политике – это справедливость, другими словами, общее благо. Природа человека, его цели и ощущения определяют его поведение и становятся критерием различения зла и добра.¹⁶⁸

Все эти идеи античных философов для нас интересны в плане гносеологии истории, равно как гносеологии права и той сферы знания, которую мы теперь называем политологией, а также социологией. В античности все эти дисциплины не имели чётких граней. Сами философы видели свою цель в изучении деяний людей и добродетелей. Характерно, что философы древности усматривали некоторые объективные критерии, согласно которым, по их мнению, можно было оценить те или иные государственные законы или ту или иную политику. В сочетании «с-з-о» для них индивидуальные особенности воспринимающего субъекта не должны были играть существенной роли. Знание философии обуславливало объективную оценку общественной жизни людей и исторических событий.¹⁶⁹

В античной греческой историографии для обозначения понятия историческое время использовался термин кайрос – временной момент, благоприятный или, наоборот, неблагоприятный для наступления какого-либо события, тогда как выражение хронос обозначало физическое время. Для понимания того значения, которое в европейской научной традиции приобрел термин кайрос, существенно его упоминание в греческом тексте Ветхого Завета, где он содержится в повествовании о предсказаниях пророков. В восточнохристианской средневековой традиции кайрос – это становление, это время, имеющее конкретный исторический смысл. С помощью понятия «кайрос» прослеживается связь физического времени (хронос) с его трансцендентальной сущностью – целеполаганием и размерностью, присущей мирской деятельности людей, выраженной в кайросе. В античной традиции

¹⁶⁶ Платон. Государство. Кн. IV. 433. А; 441 Д.

¹⁶⁷ Платон. Государство. Кн. V. 462 А.

¹⁶⁸ Аристотель. Политика. Кн. VI, гл. 1, § 2.

¹⁶⁹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 128 – 129.

время соединено с представлением о движении, в христианской – с целеполаганием.

То обстоятельство, что средние века привнесли в историю европейской исторической мысли идеи процесса, связано с рядом новых гносеологических представлений средневековой философии истории. Меняется понимание исторического времени. А именно, вместо представления об истории как о круговращении событий по образцу естественного природного круговращения, обуславливавшего познавательное и поучительное значение прошлого и гносеологический приоритет прагматической историографии, формируется идея единого библейского линейного эсхатологического и телеологического времени. Кроме того, вырабатываются новые критерии объективного подхода к прошлому.

Противопоставление мира земного и божественного, их дихотомия и антиномия – характерная черта средневекового мирозерцания. Они связаны с идеями невозможности познания мира небесного, а также конечных причин земного существования, восходящих к богу. Познание возможно только по отношению к тварному миру природы. Что же касается людей, то они до конца непознаваемы, как непознаваем каждый человек, созданный по образцу и подобию Бога. В то же время, по мнению средневековых авторов, в реальной жизни общества много случайного, изменчивого. Все эти явления могут быть описаны и оценены с позиций христианского понимания сущности и случая или разнообразия. Иными словами, отсутствует постановка гносеологических проблем истории на уровне научной теории. Рассуждение о сути познания приводило к выводу об его относительно ограниченных возможностях. Вместо гносеологии с её двумя уровнями – имманентным и оценочно-теоретическим – в средние века преобладала аксиология.¹⁷⁰

В основе оценок в соответствии со средневековой христианской шкалой ценностей лежало представление о добродетельных и недобродетельных поступках человека, совершаемых в соответствии с присущей ему свободой воли и дарованной благодатью. Эти поступки связаны с божественным даром или возмездием. С основами средневековой аксиологии истории, поглощающей гносеологию истории, находилось и понимание истины. В средние века понимание истины отнюдь не сводится к предложенной Аристотелем трактовке истины как категории гносеологической. Истина – это одновременно и онтологическая и феноменологическая, и аксиологическая категория. Истинным является тот порядок, который приближается, подражает естественному божественному порядку вещей. Как видно, о гносеологической проблематике средневековой философии истории можно говорить лишь условно. Совершенно специфический вид познания в рамках средневековой философии истории составляет эстетика, основанная на чувственных, а не на разумных или рассудочных, как аксиология, представлениях. Божество и созданный им естественный порядок вещей отражает божественную Красоту, Благо, Добро. Понятие зла связано с отсутствием красоты, с отпадением от

¹⁷⁰ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 129.

Бога, от блага. Созданный творцом мир – благолепен, и его чувственный образ отражает это благолепие. В то же время считалось, что неизменные божественные по происхождению добродетели, наличие или отсутствие которых определяет деятельность человека, обуславливают объективный характер оценки этой деятельности. Специфическим и основным видом исторического познания признавались интерпретация библейских текстов, а также трактовка чудес, явлений человеку божественной мудрости.

Важно при этом подчеркнуть определённые различия в понимании гносеологических проблем человеческого бытия в рамках западного и восточного христианства в эпоху средневековья.¹⁷¹ Западнохристианской картине мира присуща не только дихотомия добра и зла, восходящее к Августину противопоставление мира земного и небесного, но и иерархичность представлений, отражающая и одновременно формирующая сословную, иерархическую структуру общества. Соответственно, западное средневековое самосознание различало божественный монашеский идеал и церковную власть, с одной стороны, а с другой – мирскую прагматическую идеологию, отражавшую суетность и разнообразие мира, воплощенные и в идее феодальной светской власти, и в рыцарском идеале, а также в народных, восходящих к язычеству представлениях, в купеческой этике, ментальности крестьян. Все эти сословия имели свои (сословные) идеалы, выражения мирских представлений о добре и зле, занимавшие свое место в картине мира средневекового человека. Эта иерархичность имела свое теоретическое обоснование в идее западного христианства об естественном порядке вещей как необходимой ступени строго детерминированного мироздания, в идее иерархии небесных явлений – прообразе земной иерархии. Соответственно различались два типа изложения события: описание и поучающие рассуждения о божественном промысле, возмездии, вознаграждении.¹⁷²

Восточнохристианский, в первую очередь византийский, общественный строй был лишен той иерархичности, которая отличала средневековый Запад. Сословия отсутствовали, существовала так называемая симфония церкви и государства, т.е. светские и церковные порядки были взаимопроникающими, византийский император был главой церкви. Божественный порядок противопоставлялся земному как высшая и подчиненная истины, однако иерархическая картина мира была менее выраженной. Подчеркивалась строгая дихотомия. Тварный мир и мир божественный трактовались как взаимосвязанные посредством божественных энергий, которые проникают в мир вещей и человеческих поступков и пронизывают деятельность человека, обладающего свободой воли, с энергией, способностью воспринимать божественную благодать.

Если на Западе было распространено противопоставление мирского и божественного идеалов, отражающееся в идеологиях сословий, в Византии доминирует идея всеединства, повлиявшая на русскую религиозную

¹⁷¹ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 78.

¹⁷² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 130.

философию в целом и философию истории, в частности конца XIX – начала XX в. Идея всеединства¹⁷³ означала представление о едином сознании, подчиненном мистическому воссоединению с Богом в акте веры. Данная идея, в конечном счете, восходит к теории идей Платона, с его концепцией проникновения божественной мудрости в мир вещей. В Византии система ценностей как категория гносеологии истории не связана с размирщением сословных идеалов, их превращением в гражданские. Эта система подчинена единому трансцендентному мистическому идеалу. Этому соответствовала и оценка описываемых исторических событий. В отличие от иерархической прагматической ценностной шкалы средневекового Запада в Византии прагматические ценности отражали текущую государственно-этническую идеологию, сложившуюся в рамках общей богословской и политико-правовой доктрины, неизменной на протяжении всей истории империи.

Однако намеченные различия в западно- и восточнохристианских картинах мира, связанные с гносеологией истории, носили, естественно, лишь относительный характер. В средневековых обществах западно- и восточнохристианского ареала существовали и те, и другие виды воззрений, но мы здесь подчеркиваем доминирующие тенденции, преобладание которых и позволяет говорить о восточнохристианском и западнохристианском типах мирозерцания.

Для византийской гносеологии истории характерен античный топос, состоящий в признании возможности, несмотря на общую идею христианского провиденциализма предугадывать будущее на основе знания о прошлом и настоящем. Этот топос отражает присущие византийской историографии в большей мере, чем западноевропейской, идею континуитета и дидактический характер. Византийцы рассматривали свой образ жизни как наследие древнеримских порядков и эллинского духа.¹⁷⁴

В отличие от своих западных современников византийцы полагали, что историческое время в ходе своего линейного течения было одновременно и циклическим, благодаря чему повторялся способ существования, который должен был повторяться вечно вплоть до второго пришествия Христа и установления царства божьего на земле. Соответственно при описании и оценке деятельности исторических личностей и истории общества большая роль придавалась обнаружению сходства и различий в общественных отношениях и поступках.

Идея дидактической роли истории характерна для эпохи схоластики на Западе, для византийской философии истории, а также для эпохи гуманизма на Западе и в Византии. Наряду с этим, позднее средневековье и эпоха гуманизма отличаются уже рядом новых характерных черт, свойственных как философии истории в целом, так и гносеологии истории. В эпоху поздней схоластики на Западе зарождаются первые предпосылки рационализма. Рационализм проникает и в западное богословие, равно как и богословские представления

¹⁷³ См.: Лосский И.О. История русской философии. М., 1991. С. 384.

¹⁷⁴ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 131.

византийских гуманистов. «Рационалистическое» богословие (название условное, не общепринятое) отличалось от мистического своим пониманием соотношения разума и веры, или отношения разума к откровению. Представление, согласно которому разум человека в состоянии возвыситься хотя бы до общего целостного интуитивного понимания высших божественных первопричин, характеризует рационалистическое богословие и было, как утверждал М. Хайдеггер, характерно для философии Фомы Аквинского.¹⁷⁵

Зарождение рационализма свидетельствовало о начавшемся размежевании принципов рационалистического познания и мистической картины мира, того размежевания, которое в XVIII в. привело к отделению науки с ее логицизмами, автономной научной и практической истиной, подлежащей верификации, от веры. В восточнохристианском богословии в рамках византийского гуманизма также развивались рационалистические тенденции, но в целом для византийской мысли характерно доминирование идеи всеединства.

Западный рационализм, достигший впоследствии своего расцвета в философии Р. Декарта и И. Канта, в философии позитивизма, нередко характеризовался как западная идея.

В эпоху гуманизма, в частности в творчестве Н. Макиавелли, гуманизм трактовался как *гех humane* – интерес к практическим делам. Если в средние века гносеология истории заменяется по существу аксиологией, то в эпоху Возрождения возникают первые гносеологические идеи. При этом приобретают большое значение исследовательские процедуры, используемые при изучении исторических процессов, говорится о необходимости постижения смысла и духа исторических событий. В эпоху гуманизма интерес к античности был чрезвычайно распространён и огромен. Подчеркивается континуитет событий настоящего и античной эпохи, появляется эволюционная история, по классификации Е. Бернгейма. Этот континуитет, по мнению гуманистов, обуславливал возможность предвидения будущего на основе изучения настоящего и прошлого, дидактическую функцию исторического познания. Соответственно, это познание осуществлялось посредством нахождения сходства и различий. То огромное внимание, которое гуманизм придавал процедуре обнаружения сходства и различия, равно как критическому анализу исторических источников, обоснованию их достоверности, – бесспорная заслуга его представителей в развитии гносеологии истории.

Внимание к прагматической истории, т.е. мирской, гражданской, означало, первые в западноевропейской исторической мысли попытки отойти от традиций библейского провиденциализма и сосредоточить внимание на естественных факторах истории. По мнению Макиавелли, побудительными силами истории являлись голод и бедность, формирующие трудолюбие. По природе люди склонны к дурным поступкам и для удержания их в рамках благонравия необходимы хорошие общественные учреждения и законы. Соответственно, Макиавелли отрицал прогресс в сфере нравственного совершенствования, идея которого лежит в основе понимания исторического

¹⁷⁵ См.: Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. – 1989. №9. – С. 150.

процесса в христианской историографии, базирующейся на концепции искупления как движущей силе прогресса. Важной гносеологической процедурой при изучении прошлого является идея антропоморфизма, уподобление функционирования общества деятельности отдельных личностей.¹⁷⁶ При этом антропоморфизм Макиавелли отличается от антропоморфизма средневековой христианской эпохи большим механицизмом (общество – сумма деятельности индивидуумов), тогда как христианский антропоморфизм эпохи средневековья отличался метафоричностью и цельностью понимания общества и его институтов.

Несмотря на отход Макиавелли от идеи объективных принципов оценки исторической действительности, которые были присущи средневековой истории и содержались в христианской теологии истории, Макиавелли также придерживается представлений, согласно которым познание прошлого объективно. Можно утверждать, что применение к воззрениям данного мыслителя формулы «с-з-о» позволяет отметить малую роль субъективных воззрений. Познание определяется компонентами «з» и «о». Историческим событиям, по Макиавелли, чужда случайность, в их основе лежат естественные поступки человека, обусловившие возможность их объективного изучения. Макиавелли свойствен не только прагматизм, но и утилитаризм в понимании истории. Сходство народов, действующих в истории, определяется постоянством человеческой природы. Симпатии Макиавелли на стороне раннего христианства, тесно связанного с античными представлениями, а также на стороне античности с ее идеями циклического исторического времени, в рамках которого повторяются свойства человеческой природы и формируются стереотипы поступков.¹⁷⁷

Идеи провиденциализма никогда вплоть до наших дней не прекращали своего существования, несмотря на появление новых идей, и гносеологических принципов. В частности, последователем концепции Августина о божественном промысле как единственной силе, управляющей людьми, был во Франции XVII в. епископ Боссюэ. С точки зрения гносеологии истории, его сочинение интересно признанием того факта, что поступки исторических деятелей прошлого предстают перед потомками совершенно в ином свете, чем перед современниками. Это обстоятельство, по мнению автора, обнаруживает неустанное движение человечества по пути божественного откровения и искупления. Сущность мира – неизменна, изменению подлежат случайные и разнообразные её проявления, связанные с деятельностью человека. Это представление полностью уместается в рамки средневекового учения о сущности, необходимости и случайности (акциденциях). По мнению Боссюэ, в изучении прошлого большую роль играет индукция, позволяющая подняться, например, от Иннокентия XI до св. Петра, поставленного Иисусом Христом во главе апостолов, а от него до Аарона и Моисея, патриархов и сотворения мира.

¹⁷⁶ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 133.

¹⁷⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 133.

Как и во всякой теологии истории, познание заменено аксиологией и дидактикой. Прошлое и будущее предопределены и содержат проявления божественного Промысла. В описании этих проявлений и состоит назначение историографии. Непрерывный континуитет истории человечества, с одной стороны, и свобода воли человека – с другой, благодаря которой история являет собой разнообразие событий, приводит автора к признанию правомерности каузального анализа на прагматическом уровне исследования.

Однако уже в XVI в. в лице Жана Бодэна мы встречаемся с основными идеями, которые впоследствии оказались характерными для XVII и XVIII в., эпохи Просвещения.¹⁷⁸ Речь идет об идеях права и справедливости как проявлениях естественного состояния, рассматриваемого в своей, так сказать, самости при абстрагировании от божественного происхождения.

Для становления европейского рационализма характерно начало размежевания, демаркация сфер научного и религиозного сознания. В научной картине мира постепенно изживается метафизика как атрибут религиозного чувства и сознания. Основу научного исследования составляют естественные, природные факторы. Они, хотя и восходят в своем конечном происхождении к Богу, в своей феноменологической данности рассматриваются как объект научного позитивного изучения. При этом основой общественного развития признаются природные качества человека, нравственные принципы, идеи свободы, права и государства, справедливости. Все эти факторы обладают, по мнению представителей рационализма, известным постоянством и обуславливают объективную оценку изменяющихся форм повседневности, которые сравниваются с инвариантными образцами. Эти идеи определили механистически-социологический подход к теории общества и к истории в трудах философов XVII—XVIII вв., а также представление о возможности и правомерности использования математики для изучения исторических закономерностей. Для Бодэна политика имеет четкие закономерности и может быть объективно познана с помощью формальной методики. Соответственно, изучение политической деятельности является точной наукой. Справедливость и нравственные блага – те основания, на которых зиждется общественное устройство, восходящее к божественным и естественным законам. Бодэн усматривал разные виды каузальных зависимостей в области общественных отношений. С одной стороны – это человеческие взаимосвязи, объясняемые свободой воли человека, импульсивные и не поддающиеся точному расчету. С другой стороны, существуют естественные каузальные зависимости, которые функционируют вне сферы человеческих дел. Они отражают влияние на деятельности человека таких факторов, как раса и климат и восходят, в конечном счете, к непостижимым божественным причинам, но в своем феноменологическом выражении являются объектом научного анализа.

Главная польза изучения истории, по мнению Ж. Бодэна, в её служении политике. В римском праве он ищет черты всеобщности, вечности, справедливости, что подтверждается, по его мнению, историческим процессом,

¹⁷⁸ См.: Виппер Р.Ю. Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. Ч. 306, авг.

на отдельных этапах которого использовались идеи и нормы римского права. Таким образом, по Бодэну, исторический процесс сам по себе имеет лишь подчинённый интерес, задача его изучения сводится к воссозданию вечных идей, лежащих в основе политических отношений, отражающих естественную сущность человека.

Деятельность человека, обладающего свободой воли, характеризуется той же непреложностью, закономерностью, которой обладают законы математики, и поэтому она может быть изучена с их помощью. Соответственно, внимание Бодэна привлекает философия чисел пифагорейцев.

Для уяснения гносеологии истории Бодэна существенно подчеркнуть отрицание им цикличности исторического времени, круговерти истории.

Несколько по-иному рационалистические принципы понимания прошлого нашли свое воплощение в английском эмпиризме, в частности, у Ф. Бэкона.¹⁷⁹

Значение истории он обнаруживал не в прошлом, а в будущем. Не идеалы как таковые отражают содержание исторического прогресса, а история человеческих изобретений. Знания и науки свидетельствуют о вечном неудержимом процессе и прогрессе. В отличие от многих своих предшественников, безоговорочно признающих объективность знания о прошлом, Бэкон акцентирует субъективность выводов при изучении разнообразных проявлений прошлого. Тем не менее, его позиция очень далека от идеи субъект-объектной корреляции современной гносеологии истории. Субъективность исследовательского подхода объяснялась восходящей к средневековому миросозерцанию концепцией, признающей случайный, т.е. несущностный характер мирской суетности, разнообразия и закономерность начал, лежащих в основе нравственности, добра, а также политики, права. Эти начала восходят к естественным принципам добра. Соответственно, изучение этих вечных и закономерных факторов рассматривалось как объективная процедура.¹⁸⁰

Говоря об идеях гносеологии истории Бэкона, следует упомянуть его учение об идолах, заблуждениях. Они суть результат неправильного направления ума и ограниченности чувственных данных. Поэтому большую роль играет воспитание и привычки, а также формирование взглядов, основанных на систематическом познании, использующем эмпирическую индукцию и выводы по аналогии. Среди заблуждений и идолов особенно опасны идолы толпы, площади, ошибки, возникающие под влиянием языковых образов, стереотипов. Таким образом, Бэкон ставит важную проблему креативной функции естественного языка, воздействия языка на формирование обиходных и мировоззренческих представлений. Однако вряд ли он по достоинству оценил роль этой функции, называемой им бесплодной, софистической. Таковыми, на его взгляд, являются дискуссии о содержании ряда мистических понятий. Например, о том, что такое фортуна. Он отмечает также полисемантизм

¹⁷⁹ См.: Бэкон Ф. Опыты, или Наставления нравственные и политические. М., 1962; Михаленко О.П. Френсис Бэкон и его учение. М., 1975.

¹⁸⁰ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 135 – 136.

понятий социальных и исторических наук.

Идея рационализма как исходного условия всякого философского рассуждения и сведения науки и познания к математике нашла свое законченное выражение у Декарта. В рамках рационализма Декарта, а также Лейбница, по существу исчезала история как изучение единичного и случайного, как процесс. Отрицание не только христианской метафизики, но и античных и гуманистических традиций, привело к подчинению и растворению исторического познания в познании социологическом.

В эту эпоху господствует механистическая рационалистическая априористская социология истории, возникает понятие нравственных наук (Б. Спиноза, Г.В. Лейбниц). Однако они не противопоставляются, а объединяются с науками естественными в рамках единой целостной картины мира. Для «Этики» Спинозы характерно отождествление природы с Богом, но изучение тварного мира возможно сугубо научными методами. В системе рационалистического знания Спинозы для истории, понимаемой как развитие событий во времени, связанной с сознательной деятельностью людей в рамках исторических ситуаций, не остается места. Отдельные события – случайны и отражают субъективную истину. Объективную истину возможно постичь в результате изучения постоянных природных свойств, в том числе стандартов социального поведения человека. Это поведение рассматривается как результат действия природных инстинктов и потому как проявление механических законов, например закона инерции. В качестве логического средства познания провозглашается дедуктивно-индуктивный вывод, подчеркивается важность целостного охвата объекта изучения. Это не только методология единого подхода к природе и человеку, но и представление об единых методах познания деятельности людей, результатов их поступков, мотивов поведения, а также их среды обитания, т.е. природы. Математика и формальная логика – основы всякого познания.¹⁸¹

Еще ранее Т. Гоббс полагал, что возможно изучение основ человеческих действий и социальной системы, основанной на естественном инстинкте самосохранения, с той же точностью, с которой познаются объекты математики. Человек в своих поступках руководствуется естественным законом. Социальные факторы могут быть познаны и выражены в тех же категориях, что и природа. В основе стремлений оценивать общественные отношения с помощью точных методов лежало представление о четких законах разума и субъективности чувственных восприятий. Если схоласты в соответствии со своими представлениями о нескольких составных частях души рассматривали чувства как источник истинного знания о тварном мире, то Р. Декарт, Т. Гоббс, Б. Спиноза полагали, что чувственный мир сугубо субъективен, тогда как математика дает истинное рациональное знание. Соответственно, признавалось целесообразным рассматривать изучаемые явления не в их индивидуальных и единичных формах, а отыскивать некоторые общие признаки, которые могут стать образцом для познания единичного и

¹⁸¹ См.: Соколов В.В. Спиноза. М., 1973.

индивидуального. Реальное разнообразие мира сравнивается с подобными образцами. С точки зрения логики дедукции отдается предпочтение перед индукцией, изучение законов – в центре внимания философов.

Это означает, что в качественном многообразии социальных отношений видели некоторое общее, природное или нравственное начало, которое рассматривалось как объективный критерий оценки этого разнообразия. Отдельные качественные индивидуальные проявления общественной жизни уподоблялись элементам физического мира. Создавалось моральное пространство наподобие физическому. Все эти представления мало способствовали изучению прошлого как сложного взаимодействия субъективных представлений, идей, картин мира, деятельности отдельных личностей, руководствующихся разными мотивами. Эта деятельность подпадала под общее правило: этические или естественно-правовые, или естественные нормы, связанные со свойственным всем людям чувством самосохранения, которым руководствуется человек. Создавалась, таким образом, прочная основа для формирования теоретического оценочного уровня исследования, но отсутствовали всякие гносеологические предпосылки для развития имманентного уровня познания, на котором происходит реконструкция деятельности отдельных личностей, их мотивов, индивидуальных целей, фактов, событий, явлений. Отсутствовала теоретическая база для изучения процесса, поскольку в любом временном состоянии общества предполагалось наличие неизменных нравственных естественных начал деятельности людей.

Названные гносеологические идеи особенно явно вытекают из теории Т. Гоббса, по мнению которого, несмотря на психические и физические различия отдельных индивидуумов, соображения пользы для всех одинаковы и могут служить основой оценки результатов деятельности индивидуумов. Более того, несмотря на все индивидуальные различия, все люди должны выполнять требования одного и того же естественного закона, от рассмотрения метафизических основ которого наука воздерживается.¹⁸²

Итак, мы видим создание в гносеологическом плане этико-нормативных образцов, моделей, учёт которых рассматривался как необходимый критерий при изучении индивидуальных поступков, культурологических особенностей. Сами эти особенности интересны только как иллюстрация приближения к соответствующим образцам.

Конкретная социальная жизнь исторического прошлого и настоящего понималась как борьба за самосохранение по знаменитому принципу Т. Гоббса «*homo homini lupus est*» (человек человеку волк). При этой философии прекрасно понимал, что его конструкция необходима как гносеологическая категория, мы бы сказали, модель, позволяющая оценить реальное историческое разнообразие. Это не означает, что полностью игнорировались индивидуальные различия в деятельности и мотивах людей. Естественное право позволяет каждому поступать в соответствии со своими желаниями. Однако оценка

¹⁸² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 138.

индивидуальных поступков как бы запрограммирована в соответствии с общезначимыми критериями естественного закона. Всё сказанное позволяет понять в какой мере оценочное знание трактовалось как приоритетное по сравнению с имманентным подходом к изучению исторической реальности.

Взгляды сторонников естественного права, тех, кто сводил модели общества к понятиям права, общественно-естественной пользы, природы человека, чувству самосохранения, в плане гносеологии сближаются с идеями тех, кто видел оценочный критерий социального поведения индивидуумов в нравственных началах. К таким философам, прежде всего, принадлежал Лейбниц, противопоставлявший мир природы и нравственный порядок.

Отрицательное отношение к имманентному принципу познания прошлого приводило по существу к выводу, согласно которому конкретное историческое исследование не является наукой, поскольку последняя отождествлялась с математикой, механикой и с изучением политико-нравственных общественных институтов исключительно методом сопоставления с теоретической моделью с помощью математики, в частности статистики. Никто из этих философов не пытался понять прошлое, интерпретировать идеи прошлого, его только сравнивали с теоретической моделью и отмечали его несовершенство. Подобный подход отождествлялся с поисками истины, т.е. считался объективным.¹⁸³

С точки зрения формулы «с-з-о» объект неинтересен, равно как и субъект. Модель определяет все. Разнообразие мнений рассматривается как отсутствие истинного знания. **Объяснение, а не понимание доминирует в познании прошлого. Это означает, что гуманитарное знание не только подчинено социологии, но его принципы вообще не разработаны.**¹⁸⁴

Философы, которые вслед за Лейбницем полагали, что моральные законы отличны от природных, также признавали возможность и необходимость сопоставления реальных правопорядков, существовавших в каждом государстве. Именно такое мнение высказывает Монтескье в «Духе законов». При этом нравственные законы – неизменны и являются, таким образом, моделью, с которой сравниваются реально существующие законы. Однако в концепции Монтескье заметен интерес к историческому разнообразию, проявившийся, в частности, в рассуждениях о формах правления. Это означает, что в центре внимания не только неизменное, понимаемое в рамках рационализма как истинное знание, но и конкретная история.

Как видно, характер модели общества, с которой сравнивалось реальное многообразие поведения, идей индивидуумов и общественных отношений, менялся. Она рассматривалась или как естественный природный закон, природа человека, идеальная государственная система, или как нравственные принципы. Никто не отрицал конечное божественное происхождение этих принципов, однако метафизический подход к их пониманию в эпоху рационализма не считался научным. Метафизика осталась достоянием религии.

Реакция на антиисторизм механистической социологии наступила уже в

¹⁸³ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 138.

¹⁸⁴ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 69.

начале XVIII в. и связана с именем Дж. Вико, подошедшим близко к идеям критического эмпиризма Д. Локка. Он утверждает, что истинное и содеянное совпадают, подводя тем самым философскую базу под изучение исторических фактов и исторического процесса. Вико реабилитирует принцип историзма и изучение истории отдельных народов. Р. Коллингвуд считает, что именно Вико создал современный исторический метод поисков аналогий. Он выдвинул также плодотворную, с точки зрения дальнейшего развития гносеологии истории, идею различения имманентного и оценочного знания. Каждый период исторического прошлого представляет интерес отнюдь не благодаря достижениям культуры, имеющим непреходящее значение и ценность, но как свершившийся факт, имевшая место стадия в общественном развитии. Тем не менее, в эту эпоху еще не произошло различия, с одной стороны, наук нравственных и наук о духе, а с другой – наук о природе. Человек рассматривается как часть природы, элемент естественного, восходящего к Провидению, порядка вещей.¹⁸⁵

Таковы же подходы к изучению истории И.Г.Гердера, полагавшего, что дух и нравственность – естественные процессы, проявление божественного всемирного духа. Исследовательский приём Гердера — аналогия. Этот метод, по его мнению, характерен для научного исследования вообще. Предмет внешнего мира, отраженный в нашем сознании, интерпретируется как результат божественного указания нашему духу. В этой концепции можно обнаружить элемент более поздней семантики, проблемы знака и значения, отдалённые принципы гештальтпсихологии.

Дальнейшее развитие философии, гносеологии и логики истории связано с развитием кантианства, гегельянства, позитивизма. И. Кант отрицал возможность каких-либо аналогий между естественными и нравственными науками, он различал мир природы и мир свободы, в котором действуют разум и подражание. В силу свободы воли человека, порождаемой разумом, отдельные личности и народы руководствуются в своих действиях личными мотивами, однако эти мотивы бессознательно воспроизводят естественные потребности.¹⁸⁶ Кант большое значение придавал идее исторического развития, прогресса, в ходе которого происходит нравственное совершенствование, основой которого являет природное врожденное чувство долга, присущее человеку и заставляющее его действовать определенным образом по отношению к людям.

Человеческий разум в центре философии истории Канта. Основной сферой действия разума является совершенствование государства, правовых отношений. История как наука занимается описанием человеческих действий, которые суть проявление свободы воли. В бессмысленном потоке политических событий Кант усматривал цель, предопределённую самой природой. Разум полностью раскрывается не в индивидууме, а в роде, т.е. в поступках людей, в деятельности многих совокупностей людей, воплотившейся в политической

¹⁸⁵ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 139.

¹⁸⁶ См., например: Вахтомин Н.К. Теория научного знания Иммануила Канта. М., 1986.

системе. Величайшая цель человечества, отражающая его разумную природу, – это совершенное государственное устройство. Подтверждение своих воззрений Кант усматривает в опыте всемирно-исторического развития. Этот опыт Кант обнаруживает в истории современных ему государств, вынужденных во многом развиваться по единому образцу: религиозные и гражданские свободы, определённая организация права и государственных институтов. Опыт показывает, по мнению философа, факт, что дурно устроенные государства приводили к потере могущества, а хорошая организация способствовала прославлению и возвышению. По существу Кант – создатель совокупности нравственных наук, включающей этику, право, а также знание о государстве, которое мы называем политологией.

Основные гносеологические процедуры, по Канту, заключаются в анализе причинности, проявления которой связаны со свободой воли человека, а также выявлении характера подражания нравственным образцам.¹⁸⁷

Понятие причинности у Канта связано с понятием времени. Личность не может быть свободна в мире естественного времени. По существу Кант признавал идеи социального вынуждения личности. Идея свободы – центральная в его рассуждениях – олицетворяется в правовых институтах, совершенном государстве.

Итак, в нравственной истории Канта так же, как и у его предшественников, вычленяется объективный критерий познания общества. У Канта он не имеет ничего общего с метафизическими принципами и понимается исключительно как результат деятельности разума, направленной на самопознание, на анализ умопостигаемой свободы, реализуемой в возможности осуществления идеального общественного порядка, в сопоставлении с которым и состоит изучение истории.

Ф.В. Шеллинг, развивающий идеи идеализма, отличного от критического направления Канта, впервые в новое время обратил внимание на событие, рассматриваемое как результат свободной воли, как объект изучения истории. Кроме того, анализ общества противопоставляется изучению природы.¹⁸⁸ История не предуказана, человек сам творит свою историю, в которой действуют случай и разнообразие. Исследовательское внимание к случаю – характерная черта воззрений философа. Вместе с тем идеализм у Шеллинга проявился в идее синтеза, который восходит к абсолютному разуму и способен охватить природу и историю.

Право по Шеллингу – результат столкновения естественных влечений и требований разума. Свобода – это осознание необходимости бессознательного. В представлении Шеллинга методика исторического анализа включала как эмпирические, так и теоретические процедуры: группировку материала в соответствии с субъективной целью и дидактическим назначением, установление истины. История в гносеологическом плане приравнивается к искусству, однако, её цель – реконструкция истины. Выявление фактов и

¹⁸⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 140.

¹⁸⁸ См.: Лазарев В.В. Шеллинг. М, 1976.

нахождение их связи рассматриваются в полной мере как объективное познание.

По Гегелю, в основе исторического процесса также лежит идея синтеза материи, природы и духа, субъективного и объективного начал. Однако, его единство представляет собой объединение противоположных начал.¹⁸⁹ Метафизическая идея божественного Провидения принимает форму умопостигаемого абсолютного духа, изучение эволюции которого – задача истории. Сущность духа – свобода. **Всемирная история – это процесс самосознания, понимания, осознания человеком своей свободы.** Средство постижения этого процесса, называемого Гегелем диалектическим, заключается **в выявлении логики явлений.** Познание у Гегеля повторяет, реконструирует процесс естественной эволюции: тезис, антитезис и синтез. В историческом развитии духовное становится результатом своей собственной деятельности. Достижения духом своих целей проявляются в потребностях, наклонностях, страстях людей. Государство понимается как нравственный союз, а не как договор, порождаемый естественными потребностями человека.¹⁹⁰

Гегель продолжает направление, связанное с пониманием истории как нравственной науки. Высшей формой проявления в истории творческого духа является государство, в рамках которого осуществляется примирение противоположностей: личного и общественного, свободы и необходимости. В государстве реализуется дух народа, проявляющийся в религии, искусстве, философии. Всемирная история – это самореализация мирового духа. Вначале дух олицетворяется в истории, и соответствующий народ достигает зрелости в своем развитии, затем народ постигает свою идею, это период самопознания, за которым может последовать увядание, смерть его духа, приостановка дальнейшего развития потенций. В результате движения и самопознания абсолютного духа один народ сменяется другим и одни события – другими. Умерший дух рождается вновь, появляясь в новом обличье. Такова идея прогресса и изменений. Древний Восток, античность и развитие Европы – таковы ступени развития абсолютного духа, по Гегелю, содержащие идею европоцентризма. В гносеологическом плане эта теория реализуется в идее смены логических понятий, отражающих этапы развития мирового духа (зрелость, увядание, смерть). **Понимание истории человечества как духовной заложило многие принципы культурологии.** Понятие истории имеет, как отмечал Гегель, два значения: фактическое развитие и его описание. Оба процесса развиваются параллельно как развитие духа и его осознание. Поэтому изучение прошлого неотделимо от субъекта его познания. Таким образом, была сформулирована идея субъективности исторического познания, сочетающегося с объективными факторами познания, процессом раскрытия духа. Однако субъективизм не исключает консенсус представлений многих индивидуумов. Гегелевский идеализм объективный, постулирующий духовное развитие как самопознание народов.

¹⁸⁹ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия истории. М., 1993.

¹⁹⁰ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 141.

Итак, в учении Гегеля была достигнута вершина философского идеализма. Смысл его философской системы в создании определенного направления в рамках европейского рационализма. В основе этого направления акцентируется идея духа, разума. Разграничение сферы религиозного и мирского сознания осуществляется как решение метафизической задачи. Мирское сознание, которое в условиях доминирования средневековой теологии развивалось как подчиненное, как более низкое, затем, по мнению Гегеля, начиная с Карла Великого и до времени Карла V, находится в антагонизме с теологией. Гегель очень верно схватывает особенности развития средневекового менталитета, его иерархичность, подчиненность теологии. Важной вехой в развитии мирского сознания, по Гегелю, является эпоха, начиная с Карла V. В этот период мирской дух достигает зрелости и самосознания, а именно, он осознает свое право на доминирование в сфере деятельности человека и нравственности. Свобода воли в учении Гегеля представлена как осознанный разум. Все последующие, в том числе современные концепции духовного начала в исторических явлениях, концепции субъект-объектной корреляции, так или иначе, восходят к Гегелю и неогегельянам, к таким последователям Гегеля в области философии истории, как Б. Кроче, Р. Коллингвуд и др.¹⁹¹

Наряду с этим и другие тенденции, обозначившиеся в области философии истории в XVII—XVIII вв., получили впоследствии свое развитие. Речь идет о кантианстве с его пониманием явления и признанием невозможности понять сущность, со своеобразным подходом к метафизике, с учением о ценностях, нравственности, свободе как проявлениях разума и о позитивизме с его феноменологией и отказом от постановки в философии и науке метафизических проблем.

Общее для всех этих воззрений состоит в том, что при изучении прошлого преимущественное внимание уделено государственно-правовым институтам и государственным деятелям, отражающим высший нравственный или естественный идеал как величайшее достижение развития человеческого духа. Событийной истории придавалось подчиненное значение. Она не трактовалась как выражение прогресса. Все это свидетельствует о том, что история, культурология еще не рассматривались как самостоятельные научные дисциплины, изучающие индивидуальное и неповторимое в рамках социологического контекста и имеющие свои методики. Объектом науки признавалось только общее в явлениях. Моделью научного знания являлось естествознание, по образцу которого строились и нравственные науки.

Позитивизм, сыгравший огромную роль, с одной стороны, в развитии рационалистических тенденций философии, а с другой – научной методологии, восходит к Сен-Симону и, особенно, к О. Конту и Дж. С. Миллю. Как известно, О. Конт считал, что из области науки должна быть изъята всякая метафизика, т.е. любые представления о высших, конечных причинах мироздания и высших духовных принципах деятельности человека. Наука оперирует только с

¹⁹¹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 142.

данностью, с феноменом. В дальнейшем, в рамках позитивизма философия сводилась к науке, к логике.

Социальные явления были рассмотрены О. Контом в работе «Система позитивной политики», ряд высказываний по этому сюжету содержится также в «Системе позитивной философии». Высшие, конечные причины бытия человека остаются за пределами изучения этого бытия методами «социальной физики», т.е. социологии. Теория и методология истории О. Конта направлены на выявление той роли, которую играют общественные отношения, исторический прогресс и воззрения, мы бы сказали, картины мира, в индивидуальной деятельности отдельных личностей.¹⁹²

В изучении прошлого и социальных явлений в целом, по мнению Конта, должно иметь место наблюдение и полнейшее размежевание с церковными догматами.¹⁹³ Историю социальной науки он представлял как три последующие стадии: теологическая, т.е. фиктивная, не имеющая действительного отношения к науке, метафизическая, т.е. абстрактная, и, наконец, научная, отражающая позитивное изучение политики.

О. Конт, а затем Дж. С. Милль различали законы сосуществования, соответствующие статике и законы последовательности или динамики¹⁹⁴, эволюции. Таким образом, Конту не свойственно сведение истории к социологии, он признает самостоятельную значимость социальной эволюции, которая происходит по особым естественным законам человеческого сообщества и может быть изучена.¹⁹⁵

При изучении социальной статики О. Конт предлагает метод анализа взаимосвязей отдельных частей социального организма. В целом О. Конт, применяя более позднюю терминологию, отстаивает в своей гносеологии общественных отношений, понимаемых в их статике и развитии, идею функциональных, а не только причинных взаимосвязей.

Соответственно, для понимания О. Контом исторического развития характерна идея преемственности и признание значимости метода поисков генетических связей. Наряду с этим для позитивного метода О. Конта характерно внимание к аналогии, сравнению с абстрактными рациональными конструкциями с помощью научной дедукции и индукции. Как видно, можно усмотреть в воззрениях О. Конта приверженность к моделированию, характерному для современной комплексной и количественной истории.

При изучении общества, государства, политики, связанным, как полагал О. Конт, с естественным порядком вещей, отрицался субъективизм, отсутствовал какой-либо намек на диалогичность социального знания.

Для О. Конта характерно большое внимание к изучению цивилизации¹⁹⁶. Цивилизация состоит, по О. Конту, с одной стороны, в развитии человеческого разума, а с другой – в воздействии на природу, которое является следствием

¹⁹² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 143.

¹⁹³ См.: Конт О. Система позитивной политики // Родоначальники позитивизма. СПб., 1910. Вып. II. С. 102.

¹⁹⁴ См.: Кареев Н. Введение в изучение социологии. СПб., 1913. С. 8.

¹⁹⁵ См.: Герье В. О. Конт и его значение в исторической науке // Вопросы философии психологии. 1898.

¹⁹⁶ Конт О. Система позитивной политики // Родоначальники позитивизма. СПб., 1910. Вып. II. С. 111.

развития разума.¹⁹⁷ Иными словами, элементы цивилизации суть наука, изящные искусства и промышленность. Ход цивилизации подчинен неизменному закону, основанному на природе вещей, и может быть изучен. Влияние механистической социологии XVII—XVIII вв. проявилось в идеях, согласно которым «коллективная деятельность социального тела, будучи только суммой индивидуальных деятельностей, направленных к общей цели всех его членов, не может иметь иную природу, чем его элементы. Уже последователь О. Конта Э. Дюркгейм полагал, что социальные отношения не представляют собой сумму результатов индивидуальной деятельности, но имеют свою структуру.¹⁹⁸ Такой же вывод характерен для марксизма и структурализма, представители, которых придают огромное значение объективно развивающимся общественным отношениям, не сводимым к индивидуальным целям и индивидуальной деятельности, но представляющим некую их равнодействующую.

Для О. Конта цель играет огромную роль в развитии социального тела, т.е. понимаемых в духе антропоморфизма социальных отношений. Общество существует, по О. Конту, только там, где существует комбинированная деятельность.¹⁹⁹

Таким образом, очевидно, что идеи объективизма привели О. Конта к вполне объективистской позитивной социологии политики и истории. Непреходящее значение его социологических воззрений, развитых затем, в частности, Э. Дюркгеймом, состоит в том, что он выдвинул тезис о влиянии внешних не природных, а сугубо социальных факторов на деятельность человека. Сами эти отношения развиваются независимо от воли человека как социальное тело. Характерны такие высказывания О. Конта. «Падение феодально-теологической системы ... продолжалось непрерывно в продолжение предшествовавших веков вследствие ряда видоизменений, независимых от всякой человеческой воли...».²⁰⁰ И далее: «Умы, которые намереваются вести отчаянную борьбу против хода цивилизации, невольно поддаются его непреодолимому влиянию и сами способствуют его успехам». Ему же принадлежат яркие высказывания о роли социально-политического контекста в развитии культуры и менталитета: «...люди, которые стремятся сообщить теологическим идеям их прежнее влияние, невольно сами констатируют упадок этих идей в их собственном уме...».²⁰¹

Соответственно, методика О. Конта, как и Дж. С. Милля, а позднее Э. Дюркгейма, направлена на анализ социального развития во времени и социальной статике в пространстве, а не на изучение деятельности отдельных личностей.

Общее значение гносеологии О. Конта заключается в приоритете, признаваемом за дедукцией. Исследование, по мнению О. Конта, следует

¹⁹⁷ Конт О. Система позитивной политики // Родоначальники позитивизма. СПб., 1910. Вып. II. С. 111-112.

¹⁹⁸ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 144.

¹⁹⁹ Конт О. Система позитивной политики // Родоначальники позитивизма. СПб., 1910. Вып. II. С. 93.

²⁰⁰ Конт О. Система позитивной политики // Родоначальники позитивизма. СПб., 1910. Вып. II. С. 83.

²⁰¹ Конт О. Система позитивной политики // Родоначальники позитивизма. СПб., 1910. Вып. II. С. 84.

начинать с общего, с концепции. Ведь в обществе отсутствует какое-либо действие, которому не предшествовало бы размышление и умозрение.²⁰² В этом суждении можно усмотреть уже основы позитивизма XX в. с их логицизмами и идеализацией объекта изучения.

Известный представитель критической философии XX в. К. Поппер рассматривает концепции О. Конта и Дж. С. Милля как разновидности критикуемого им «историцизма». Дж. С. Милля К. Поппер упрекает в холизме, т.е. целостном подходе, выражением которого, по мнению К. Поппера, служит следующее утверждение: «...состояния общества подобны... возрастам организма; это состояние не одного или нескольких органов или функций, но всего организма».²⁰³ В отличие от К. Поппера мы бы сказали, что эта идея Дж. С. Милля свидетельствует об известном отходе от механицизма предшествующей эпохи, о признании необходимости собственно исторического, а не социологического подхода к изучению общества. Иными словами, признается важность диахронии в изучении общества. Заметна тенденция обнаружения «законов» общественной динамики, выражаемых в понятиях стадильности, сравниваемой с возрастными стадиями организма. Однако Поппер справедливо утверждал, что идея целостного понимания прошлого не отражает структуру познания. Познавать можно только «поэлементно».²⁰⁴ Тем не менее, поэлементность познания, соответствующая разным объектам и аспектам познавательной деятельности не исключает, а предполагает общий целостный взгляд на изучаемую реальность, ее общее понимание, исходя из которого и формируется исследовательская ситуация, в рамках которой осуществляется «поэлементное» познание. Вероятно, справедлив также тот упрек, который К. Поппер адресует О. Конту по поводу попыток последнего уподобить статику и динамику в обществе соответствующим понятиям в физике. «Ибо, – указывает К. Поппер, – общество, которое социолог называет статическим, аналогично физическим системам, которые физик назвал бы динамическими (хотя и стационарными)».²⁰⁵ Острые критики Поппера в адрес концепций О. Конта и Дж. С. Милля относятся к пониманию позитивистами прогноза в социальных науках как совпадающего с выводами точных наук⁴¹. Явления, которые О. Конт и Дж. С. Милль расценивали как законы динамики, следует трактовать, как справедливо полагает К. Поппер, как тенденции.²⁰⁶

Однако заслуги Дж. С. Милля в развитии логики нравственных наук очень велики. Именно так назвал Милль заключительную часть своей логики. Дж. С. Милль внес огромный вклад в изучение индуктивного метода. Именно индукция, по его мнению, позволяет обнаружить законы изучаемых явлений посредством умозаключения от частного к общему. Наряду с этим существует методика «суммирования фактов», описания сложного факта, к которому простейшие относятся как часть к целому». В отличие от индукции этот приём

²⁰² Конт О. Система позитивной политики // Родоначальники позитивизма. СПб., 1910. Вып. II. С. 95.

²⁰³ Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 85.

²⁰⁴ Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 85.

²⁰⁵ Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 129.

²⁰⁶ Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 136.

не подразумевает статистическое прогнозирование и объяснение фактов указанием на некоторые условия, при которых они с необходимостью или вероятностью появляются. Тем не менее, очевидно, что указанное Дж. С. Миллем «суммирование фактов» широко используется при изучении исторических явлений в пределах некоторого пространственно-временного диапазона и является составной частью исторического нарратива. Мы бы сказали, что подобное суммирование фактов означает реконструкцию ситуаций, явлений на имманентном уровне познания и составляет второй этап исследования, характеризующийся применением логики открытия.²⁰⁷

Милль специально подчеркивает то обстоятельство, что подобное суммирование не является индукцией и не становится ею и при условии тщательной проверки на отсутствие противоречивых примеров. Изучение изменений в явлениях в зависимости от времени и места побуждает Дж. С. Милля существенно ограничить роль индукции в общественных науках.

Определённую роль в нравственных науках, по мнению Дж. С. Милля, играет дедукция. Её назначение состоит в нахождении закона какого-либо действия. Однако такие законы могут быть рассмотрены лишь априори, как абстрактные конструкции. Если пользоваться терминами современной гносеологии истории, то следовало бы сказать, что законы формулируются в рамках исследовательской ситуации на уровне теоретического внеисточникового знания. Учитывая это обстоятельство, Милль ставит проблему доверия соответствующим теоретическим умозаключениям, достигаемого путем сопоставления с реальными фактами и проверкой суждений на непротиворечивость.

В этой связи хотелось бы отметить то обстоятельство, что Милль недооценивает факт цельности исторической аргументации в рамках исследовательской ситуации. Выше мы приводили пример исторической аргументации (глава I), показали её связь с исследовательской ситуацией. Говорилось о том, что каждое суждение в отдельности не обязательно является аргументом, но совокупность суждений, включенных в общую систему, в рамках исследовательской ситуации выполняет эту функцию. Поэтому не каждое суждение, включенное в систему аргументации, взятое в отдельности, может выдержать проверку фактами, отобранными для анализа и находящимися в данной исследовательской ситуации. Только исследовательская ситуация в целом может удовлетворять названным выше требованиям и в её пределах имеет смысл сопоставить свидетельства источников о фактах с общим пониманием явления в соответствии с изучаемыми проблемами и выдвинутыми гипотезами, отвечающими принятым и выбранным концепциям, существующим на уровне предпосылочного знания. Поппер выразил такую позицию, заявив о необходимости присутствия у исследователя точки зрения, позволяющей отобрать материал, необходимый для анализа поставленных проблем с определенных авторских позиций. Хотелось бы добавить, что такая точка зрения должна быть заявлена, а не

²⁰⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 146.

содержаться в исследовании имплицитно. Только в этом случае возможна всесторонняя оценка исторического сочинения.²⁰⁸

Дж. С. Милль, как и все представители позитивизма, разделяет представление о полной объективности исторического познания. Ему чужда идея роли субъекта-исследователя в формировании исторического знания, мысль о том, что подобная роль неизбежна и составляет специфику истории.

Оценивая роль законов развития, Дж. С. Милль специальное внимание уделяет проблеме метода, называемого им обратным-дедуктивным или историческим.²⁰⁹ Милль расширительно трактует проблему каузальных связей в истории. Действительно, он пишет: «...ближайшая причина каждого состояния общества есть непосредственно ему предшествующее состояние общества».²¹⁰ Расширительно, по-видимому, понимается и само понятие общественного закона, поскольку под ним подразумевается всякая пространственно-временная достаточно устойчивая и обладающая континуитетом, т.е. повторяющаяся на протяжении времени, функциональная связь факторов. Остается, однако, открытым вопрос о том, в какой мере необходима данная взаимосвязь при повторении сходных условий. Милль заявляет о своей приверженности концепции Д. Вико с его идеями закономерной связи исторических событий и закона прогресса, который с помощью аналитических методов необходимо научиться предсказывать. В целом общественный закон, по Миллю, означает, что «действия людей представляют совокупный результат общих законов и условий человеческой природы и собственного индивидуального характера данного человека»²¹¹. Этот постулат рассматривается как аксиома. Так же, как и О. Конт, Дж. С. Милль полагает, что общество есть сумма действий отдельных личностей, находящихся под давлением общих условий. Случай трактуется по существу в духе христианских традиций как разнообразие, как акциденция, несущественная сама по себе, но отражающая некоторую регулярность.²¹² Дж. С. Милль придавал большое значение статистическому методу в истории²¹³, позволяющему, по его мнению, изучить статические и динамические законы общества.

Последователь О. Конта Т.Г. Бокль полагал, что к его времени ещё не была выполнена та задача изучения истории, которую он рассматривает как главную. «Никто не пробовал, – пишет Бокль, – слить их (отдельные части истории человечества.- К.Х.) в одно целое и объяснить их взаимную связь».²¹⁴ «Во всех других великих сферах видения необходимость обобщения признана всеми и сделаны благородные попытки возвыситься над отдельными фактами и открыть законы, управляющие этими фактами. Но историки... далеки от подобного взгляда...».²¹⁵ Бокль убежден, что цель исторического познания как познания

²⁰⁸ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 147.

²⁰⁹ Милль Дж. С. Система логики. М., 1914. С. 829.

²¹⁰ Милль Дж. С. Система логики. М., 1914. С. 830.

²¹¹ Милль Дж. С. Система логики. М., 1914. С. 848 – 849.

²¹² Милль Дж. С. Система логики. М., 1914. С. 850.

²¹³ Милль Дж. С. Система логики. М., 1914. С. 853.

²¹⁴ Бокль Т.Г. Истории цивилизации в Англии / Пер. с англ. СПб., 1863. Т. ч. 1. С. 2.

²¹⁵ Бокль Т.Г. Истории цивилизации в Англии / Пер. с англ. СПб., 1863. Т. ч. 1. С. 3.

научного – в обобщении и поисках универсальных законов, а для этого необходимо изучение естественных наук и статистика.²¹⁶ Отстаивая позитивное знание, Т.Г. Бокль отрицательно относится к метафизическим, в том числе теологическим объяснениям истории. **Задача истории открыть законы человеческого духа, которые определяются влиянием на человека и его деятельность физических, природных факторов. Вся история человечества – это или история зависимости человека от природы, что имеет место вне Европы, или подчинение природы человеку, существующее в Европе. Нравственность человека неизменна, изменяются «умственные истины», их изучение означает открытие законов человеческого духа.**²¹⁷

Идея гуманитарного знания как признание ценности индивидуального ещё отсутствует, но провозглашена идея всемирной и национальных историй. Однако они трактуются как повторение универсальных законов. Превалируют концепции единого аксиоматического знания.

В гносеологическом плане исследование Бокля посвящено попытке обнаружить в историческом разнообразии сходные ситуации и оценить их с точки зрения неизменных, по мнению ученого, ценностей. Исследовательский подход к истории, таким образом, полностью лишен историзма. Например, оценивая английские средневековые источники, содержащие разнообразные географические свидетельства и жизнеописания отдельных личностей, Бокль констатирует, что в этих текстах масса исторических неточностей и ошибок. В частности, из этих источников следует, что «столица Франции названа по имени Париса, сына Приамова» или «Нюрнберг назван по имени императора Нерона». В гносеологическом арсенале Бокля совершенно отсутствует методика интерпретации, попытка автопоззиса, включения исследователя в историко-культурный контекст изучаемой эпохи. В целом имманентный уровень исследования для Бокля несуществен. Одновременно его оценки отличаются пристрастностью и несут на себе печать его общего мировоззрения, связанного не только с приверженностью позитивизму, но и антиклерикализму. Ограниченность позитивистской, сугубо оценочной историографии справедливо отметил позднее Р. Коллингвуд.

Попытки подчинения исторического познания социологическому и провозглашение примата изучения общего исчезает как преобладающая тенденция в начале XX в. в русле европейских неклассических подходов к науке. Возникает стремление акцентировать внимание на историко-культурологических гуманитарных проблемах.²¹⁸ Однако этот процесс оказался постепенным и спонтанным отражением общей картины мира эпохи. В социологии ещё сильны позиции позитивизма, представители которого внесли неопределимый вклад в развитие методологии изучения конкретных отношений и процессов прошлого и настоящего.

²¹⁶ Бокль Т.Г. Истории цивилизации в Англии / Пер. с англ. СПб., 1863. Т. ч. 1. С. 3.

²¹⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 148.

²¹⁸ См.: Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырке В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазного сознания // Философия и наука. М., 1972.

Интерес к сугубо индивидуальному и неповторимому обнаруживается в столкновении сторонников так называемых номотетического и идиографического методов в истории. В рамках последнего формируются некоторые принципы, характерные и для современного понимания гуманитарного знания. Утверждается важность изучения поступков отдельных личностей, событийной истории. Эти направления развиваются в русле кантианских и гегельянских традиций.

В отличие от представителей позитивизма последователи Гегеля отстаивали объективный идеализм и историзм (Б. Кроче, Р. Коллингвуд), понимаемый как различные стадии развития духа, прежде всего идеи свободы. В гносеологии отводилась значительная роль методу поиска сходств, синтезу. Кантианская традиция в области понимания истории проявилась в интересе к единичному, индивидуальному (позднее эта идея сформулирована В. Виндельбандом и Г. Риккертом); в идее ценностных характеристик (Л. Ранке) поступков исторических деятелей, отражающей присущую человеку в соответствии с его природой нравственную сущность.

В то же время для всех трёх ведущих направлений теории и гносеологии истории XIX и первой половины XX в. традиционно характерно признание возможности объективного анализа исторического процесса, его индивидуальных и общесоциологических составляющих, представление о существовании общезначимых, т.е. объективных, критериев познания прошлого, которые усматриваются или в общезначимой общественной пользе, или в нравственности, или в государственных институтах и законах, или в законах присущей человеку свободе воли. Стремление представить историческое познание как объективное научное познание и, соответственно, объективное знание доминирует вплоть до середины XX в. и обнаруживает имплицитную связь соответствующих воззрений как с ведущими механистическими историко-социологическими доктринами ХУП-ХУШ столетий, так и с христианской теологией истории. Действительно, роль божественного промысла в воззрениях ХУП-ХУШ вв. заменена ролью естественных факторов, в их числе и свободы воли, понимаемой как естественной, при абстрагировании от метафизических начал.²¹⁹

Соответственно, в рамках рассмотренных направлений теории и гносеологии истории вплоть до середины XX в. проблема исторического объяснения и понимания еще не трактуется как имеющая самостоятельный гносеологический смысл, не акцентируется идея сочетаний объективных и субъективных факторов познания. Эта проблема интенсивно дебатировалась, как мы покажем ниже, во второй половине XX в. и её постановка оказывается тесно связанной с преодолением ранее ведущих направлений исторической мысли и гносеологии истории, с появлением так называемого **постпозитивизма**, с признанием научной значимости и своеобразия гуманитарного знания.

Что же касается конца XIX и первой половины XX в., то для этой эпохи характерно научное противостояние по проблеме квалификации истории как

²¹⁹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 150.

номотетической или идиографической науки. Именно в этом плане рассматривает в начале XX в. в России гносеологию истории неокантианец А.С. Лаппо-Данилевский в своем курсе «Методология истории».

В плеяде этих ученых существенна роль Габриэля Тарда, разработавшего критерии своеобразного историзма, такого подхода к изучению эволюции общества во времени, при котором специальное внимание уделяется изучению традиций, континуитета. Свою методикку Г. Тард именовал законы подражания, законы общения.²²⁰ Идеи имитации распространены и в наши дни, но в конце прошлого века их изучением, в частности в России этим занимался Н. Михайловский²²¹, во многом способствовало распространению восходящих к античности идей исторического круговорота и философско-психологическим исследованиям последующих лет. С точки зрения гносеологии истории существенно отметить, что в произведениях сторонников выявления в обществе законов развития оказалась полностью трансформированной идея механистической социологии. Понимание развития сочетается с представлениями о повторяющихся во времени стереотипах сознания. Психологизм, который развивали такие историки, как И. Тэн, Н.Д. Фюстель де Куланж, А. Токвиль, К. Лампрехт, по существу имеет очень древние корни, берущие свое начало в христианской идее души.²²²

В целом основные гносеологические критерии, используемые представителями номотетического направления, базировались на идеях повторяемости и поисков причинно-следственных зависимостей в историческом прошлом. Однако А.С. Лаппо-Данилевский – сторонник идеографического метода – справедливо отмечает отличие причинных отношений и повторяемости в истории от соответствующих феноменов в других науках. Очевидно, и методика исторического исследования существенно отличается от методик других наук.

Противостояние представлений об идеографическом и номотетическом подходах к истории в XIX в. в значительной мере связано с отсутствием внимания к изучению целостных картин мира прошлого, стереотипов сознания и отношений как исторического контекста деятельности людей, отсутствием понятия ситуации как совокупности внешних факторов и поведения. Впоследствии идеи М. Вебера, К. Поппера, функционалистов, структуралистов, марксистов восполнили эти пробелы, предложив понятия исследовательской ситуации, модели, с которой возможно сопоставление многообразия конкретного развития, контекста. В гносеологии истории конца XIX – начала XX в. более четко по сравнению с предшествующим периодом отрабатываются принципы изучения традиций и тенденций, повторов и континуитета как идеи развития. Но значительно позднее, а именно, когда, с одной стороны, начинают изучать повторы, традиции и тенденции, а также причинно-следственные связи с помощью формальных и количественных методов, а с другой – признают

²²⁰ Tarde G. Les lois de l'imitation. P., 1890.

²²¹ См.: Михайловский Н. Герои и толпа. М., 1882; ср.: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Вып. 1. С. 103.

²²² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 151.

необходимость индивидуалистической интерпретации результатов этого анализа, формируется комплексное направление в исторических исследованиях.

Возвращаясь к теории и гносеологии истории конца XIX – начала XX в., следует отметить, что, как и ранее в формуле «с-з-о» компонент «с» присутствует лишь как познающий субъект. Идея субъективности и субъект-объектной корреляции исторического познания, если и проскальзывает у отдельных авторов, то, как правило, не определяет рассуждение. Историческое исследование рассматривается как результат объективного познания, вопрос только в том, чтобы правильно выбрать тот объективный критерий, с которым затем сопоставляется конкретная реальность. Достижением номотетического направления, восходящего к классическому позитивизму, является понимание общества как функциональной взаимосвязи его частей.²²³

Крупнейшим позитивистом, продолжателем Конта стал социолог Эмиль Дюркгейм, работавший на рубеже XIX и XX в. Основная идея его трудов – несводимость социальной реальности к психофизическим факторам. Дюркгейм считал, что социальная реальность – отнюдь не сумма социальных эффектов, возникающих в результате действий индивидуумов, а некая равнодействующая этих действий, обладающая собственным функционированием и оказывающая большое влияние на деятельность отдельных лиц.²²⁴

Дюркгейм выдвинул идею понимания социальных факторов как вещей.²²⁵ Это означало признание возможности абстрагирования от индивидуальной деятельности, её целей и мотивов, позитивного изучения социальной реальности. Вслед за Кантом Э. Дюркгейм признавал огромную роль в обществе ценностно-нормативных стандартов. Именно, учитывая, с одной стороны, социальные факторы, внешние по отношению к индивидуальной мотивированной деятельности и влияющие на неё, а с другой стороны, ценностно-нормативные факторы, Дюркгейм предложил свою известную теорию самоубийств, которая сохранила в этом плане свою значимость до настоящего времени, и представляет собой классический образец частично формализованной концепции в социологии и истории.

Если со времен античности традиционно подразделялись сфера духа и материи, то можно сказать, что позитивисты и особенно Дюркгейм «ввели» в научную практику как бы третью сферу приложения научных (формальных, количественных) методик, третью реальность, объективно противостоящую человеку и отнюдь не сводимую к сумме эффектов действий индивидуумов. Эта третья социологическая реальность, рассматриваемая в феноменологическом плане как определенная самость, подлежит, по Э. Дюркгейму, формально-математическому анализу. В формуле «с-з-о» акцентируются компоненты «з» и «о», тогда как функции компонента «с»

²²³ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 151 – 152.

²²⁴ См.: Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 399.

²²⁵ См.: Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 394.

оказываются сведенными к роли внешнего стороннего наблюдателя и исследователя. Психологические факторы в функционировании социальной реальности отнюдь не рассматриваются как несущественные. Однако они, согласно его воззрениям, не подлежат позитивному формально-количественному анализу. Отношение к объекту изучения как к внешнему – основа, как полагает Дюркгейм, научного познания. Подобная позиция означала не только отказ от использования в качестве предпосылочного знания метафизических утверждений, но и абстрагирование в известном смысле от субъективной индивидуальной интерпретации и интуиции как познавательных процедур.

Позднейшее развитие количественной и комплексной истории восходит во многом к непревзойденным по научной четкости трудам Э. Дюркгейма. Эти работы не устарели и в методическом, и в теоретическом плане. В них заложены основы, прежде всего, социально-политических и социально-экономических концепций, объясняющих процессы и отношения прошлого и современности; и чрезвычайно ярко выражена идея концепционного знания в социологии и истории (особенно социально-экономической и социально-политической) как основы перехода к формализованному знанию. При этом, Э. Дюркгейм рассматривал не только социальную статику, но и эволюцию общества, причем как без трансцендентной метафизической идеи постепенного совершенствования человека и его приближения к высшему нравственному идеалу христианства, так и без идеи абсолютного духа Гегеля, равно как и без представлений о нравственном сознании Канта, не говоря уже об идеях природных естественных и нравственных идеалах механицистов XVIII в. Эволюция рассматривалась в сугубо феноменологическом плане с точки зрения так называемой позитивной науки. Эволюция общества – это усложнение его структуры, сложность каузально-функциональных связей. Вряд ли можно безоговорочно согласиться в этой связи с распространенным мнением, будто объект изучения социологии и истории Э. Дюркгейм уподоблял объекту естествознания. Хотя ученый и использовал точные методы, но он утверждал: «Уже почти нет социологов, которые отказали бы социологии в какой бы то ни было специфике».²²⁶ Поводом к таким упрекам в адрес Э. Дюркгейма и других позитивистов, упреков, которые сам Дюркгейм отводил как несостоятельные, искажающие его взгляды, послужило использование им стандартных математических методов, регрессионных уравнений, факторного анализа. В действительности он лишь абстрагировался на определенной стадии анализа от рассмотрения психологических факторов истории. В частности, он абстрагируется от индивидуальной интерпретации так называемых прочих факторов, суммарно учитываемых им в используемых уравнениях регрессии. Расшифровка этих прочих факторов с помощью методов исторической интерпретации и дала бы представление о роли индивидуальных и случайных факторов в исторической ситуации. В гносеологическом плане Э. Дюркгейм акцентирует примат концепционного знания, формально-логических методов.

²²⁶ Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 398.

В духе позитивизма выдержана концепция индивидуальных типов М. Вебера. В отличие от Дюркгейма Вебер признавал событийно-индивидуальную случайностную историю, отрицал в духе Л. Ранке какие-либо исторические законы. Тем не менее, проблемы гносеологии М. Вебер решал с позиций поисков в изучаемой реальности множества общих черт, т.е. с позиций создания помологических конструкций. Общие черты действительности могут быть сопоставимы с некоторым конструируемым на уровне теории «идеальным типом», моделью, идея которой оказалась весьма плодотворной для развития комплексного подхода к истории.

Идеальный тип М. Вебера, оставаясь рациональной конструкцией, моделью, идеализацией, предполагает известный консенсус в представлениях исследователей относительно характерных черт изучаемой реальности. Поэтому его конструирование и использование при изучении действительных проявлений процесса в известной мере обеспечивает требуемую в науке общезначимость рассуждений, понимаемую как объективность по отношению к гуманитарно-социологическому познанию. Иначе говоря, и М. Вебер и Э. Дюркгейм акцентировали объективный и позитивный характер социально-исторического познания.

К позитивистской и рационалистической концепции гносеологии истории примыкает целый ряд историков конца прошлого и начала нынешнего века. Среди них Г. Зибель, К. Лампрехт, И.Г. Дройзен, Н.Д. Фюстель де Куланж, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, В.О. Ключевский и др. В центре их внимания находились общественные отношения и институты, внешняя среда, природные факторы. Неявно на качественном, т.е. предметном, уровне в исследованиях названных историков в рамках нарратива формулировалась некоторая идеальная вербальная модель, предполагающая возможность сопоставления с ней действительности. Постулировалась объективность выводов как некоторое их соответствие общепринятому или достаточно аргументированному критерию. Наряду с подобными концепциями одновременно развивается исторический субъективизм, идеография, событийная история. Они выражают идею отличия исторического познания от естественнонаучного. Однако и в рамках идеографических концепций познание общественного развития рассматривалось как по-своему объективное, соответствующее критериям, общепризнанным в научном сообществе.

Если номотетическое направление было во многом связано с позитивизмом, побуждающим к изучению общего, то направления, отстаивающие идеографическую методiku с философско-теоретической точки зрения в значительной мере восходят к кантианству, неокантианству и гегельянству. Уже в конце XVIII в., эпоху популярных механистических социологических концепций были распространены индивидуалистические воззрения, восходящие к античному различению духа и природы. Ф. Шлегель полагал, что история не должна заниматься изучением постоянных явлений общественной жизни, её предмет – неповторимые общественные изменения. В конце XVIII – начале XIX в. Ф. Шлейермахер – представитель религиозного романтизма – призывал к изучению единичного в целом. Идеи И. Канта о

целесообразности в истории, о свободе воли индивидуума, его ценностной ориентации были теми теоретическими предпосылками, которые определили в дальнейшем определенное направление в развитии идеографии. На её развитие оказал влияние Фихте, в частности, восходящее к его философии акцентирование идеи возможности проявления целенаправленной свободной воли не иначе как через посредство индивидуального мышления. Фихте поставил проблему исторической истины. Человеческая жизнь не может быть полностью подведена под общие категории. Единичное, имеющее с точки зрения исследователя ценность, может быть названо истинным и историческим. Мы видим, таким образом, основы позднейшего релятивизма и историзма.

В теоретическом плане идеографический метод нашел свое обоснование в философии В. Виндельбанда и Г. Риккерта. В. Виндельбанд - глава Баденской школы неокантианства – решительно противопоставил естествознание и историю. Если естественные науки трактуются им как номотетическое знание, то история как идеографическое. Историческая действительность – это мир единичных неповторимых событий. Именно, акцентирование событий истории и слабое внимание к общественным институтам, структурам повседневности отличает идеографический подход от номотетического. В последующей философии истории прочно укоренилось мнение о В. Виндельбанде как стороннике идеографии применительно к гносеологии истории. Но существенно подчеркнуть другое. Отрицая собственно исторические законы, В. Виндельбанд в то же время признавал влияние на историческую действительность неизменных, трансцендентных ценностных установок, а также психологических законов. Относительно психологии он писал следующее: «На основании её предмета её можно охарактеризовать только как науку о духе и, в известном смысле, как основу всех остальных. Но все её приемы, её методологические тенденции всецело принадлежат к естествознанию».²²⁷ И далее, методологическое сходство психологии и естествознания состоит, по мнению В. Виндельбанда, в том, что и та и другая науки «устанавливают, собирают и обрабатывают факты только с той целью, чтобы понять из них общую закономерность, которой подчинены эти факты».²²⁸ Однако законы психологии оказываются неуловимыми при изучении исторических событий, которые выступают перед исследователем как проявление разнообразия и случая.

Тем не менее, цель исторического процесса, по В. Виндельбанду, едина. Она в самоопределении народов в соответствии с этическим идеалом, отвечающим неизменным ценностям. Поэтому В. Виндельбанд, признавая в качестве задачи исторического исследования изучение разнообразия, т.е. настаивая на идеографическом характере исторического познания, одновременно рассматривал это познание как объективное. В процессе исторического исследования реальное развитие сопоставляется со шкалой ценностей,

²²⁷ Виндельбанд В. История и естествознание: Речь, произнесенная при вступлении в должность ректора страсбургского университета 1 мая 1894 г. М, 1901. С. 9.

²²⁸ Виндельбанд В. История и естествознание: Речь, произнесенная при вступлении в должность ректора страсбургского университета 1 мая 1894 г. М, 1901. С. 9.

имеющей необходимую и закономерную природу. Сама же система ценностей – объект изучения других наук: психологии, социологии и др. По существу, В. Виндельбанд – сторонник ценностного объяснения индивидуальных проявлений исторического процесса, «подведения под закон», которым является ценностная установка.²²⁹

Близкая точка зрения высказана Г. Риккертом – одним из основателей Баденской школы неокантианства. Он подчеркнул значимость для исторической науки анализа отдельных фактов.²³⁰ Для Г. Риккерта история – наука, но она есть разновидность наук о духе, т.е. идеографическое знание, и отличается от наук о природе, являющихся номотетическим знанием. Идеографичность, единичность в понимании Г. Риккерта – это одновременно и единственность. «Всегда и всюду историк стремится, – пишет Г. Риккерт, – понять исторический предмет, – будь это какая-нибудь личность, народ, эпоха, экономическое или политическое, религиозное или художественное движение, – понять его как единое целое в его единственности и никогда не повторяющейся индивидуальности».²³¹ Так же, как и В. Виндельбанду, Г. Риккерт чужда односторонняя оценка методики истории. Он отнюдь не сбрасывает со счетов обобщающие характеристики, сравнения, аналогии. «... история нуждается в общих понятиях, – подчеркивает Г. Риккерт, – и стало быть, прибегает к услугам генерализирующего метода, точно так же, как и... генерализирующие науки не могут обойтись без изображения индивидуального, служащего исходным пунктом при построении общих понятий».²³² Тем не менее, особенность истории в том, что результаты исторического исследования выражаются в групповых понятиях с индивидуальным содержанием. «Целью, определяющей построение исторических групповых понятий, является не обобщение, подобное практикующемуся в генерализирующих науках, но изображение индивидуальности группы».²³³ Повторим, что более точно говорить о двух видах исторических понятий – об общих: типа цивилизация, эпоха, государство и т.д. и частных: античный полис, феодализм, античность и т.д. Кроме того, целесообразно говорить о полисемантизме понятий и зависимости их содержания от исследовательской концепции ученого. Выше отмечались также логические особенности исторических понятий.²³⁴

Заслуга Г. Риккерта, однако, в том, что историческая наука рассматривалась им как особое знание, не подчиненное не только религии, метафизике, философии, но и социологии с её синхронными исследовательскими установками. Кроме того, Г. Риккерт подчеркнул значение донаучных представлений для развития любой науки, в том числе и истории.²³⁵ Далее, там,

²²⁹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 155 – 156.

²³⁰ См.: Риккерт Г. Философия истории / Пер. С. Гессена. СПб., 1908. С. 23.

²³¹ См.: Риккерт Г. Философия истории / Пер. С. Гессена. СПб., 1908. С. 27 – 28.

²³² См.: Риккерт Г. Философия истории / Пер. С. Гессена. СПб., 1908. С. 29.

²³³ См.: Риккерт Г. Философия истории / Пер. С. Гессена. СПб., 1908. С. 32.

²³⁴ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 156.

²³⁵ См.: Риккерт Г. Философия истории / Пер. С. Гессена. СПб., 1908. С. 41.

где он говорит о понятиях с индивидуальным содержанием, видимо, точнее отметить индивидуальную интерпретацию и иллюстрацию конкретным материалом общего или частного понятия. Г. Риккерт справедливо останавливается на проблеме специфики поисков каузальных связей в истории. Действительно, следствие не вытекает в историческом исследовании с прямой необходимостью из причины. Г. Риккерт пишет об индивидуальной исторической причине, а также об общей причинной зависимости класса явлений. Однако ему чуждо характерное для позитивистов, в частности для Э. Дюркгейма, представление о статических взаимосвязях социальных факторов, которые могут быть интерпретированы в терминах каузальных зависимостей. Справедливо отмечая взаимосвязь общих и индивидуальных проявлений исторической каузальности, Г. Риккерт, однако, в своем конкретном рассуждении далек от акцентирования сложного взаимопроникновения общих факторов и индивидуальной деятельности, которое отличает общественную и, в частности, историческую реальность и обуславливает специфику исторического познания. Отсутствует детальный анализ взаимосвязи понимания и объяснения, интуиции, интерпретации и подведения «под закон», что в наши дни осуществляется на современной информационной базе с применением статистики, моделирования и т.д.

По мнению Г. Риккерта, оценка результатов исследования в историческом сочинении происходит в соответствии с некоторыми донаучными критериями и системой общих и вечных ценностей²³⁶, на которой основано понимание существенного и несущественного.²³⁷ При этом само понятие ценности трактуется достаточно широко. Оно затрагивает не только нравственную и правовую сферу, но лежит в основе жизненного и научного опыта человека. «... историк расчленяет действительность на существенные и несущественные элементы, относя ее к всеобщим ценностям, которые воплощены... в ценности государства, искусства, религий и т.д.»²³⁸ «... мнимые исторические законы суть не что иное, как формулы ценности»²³⁹. «В отношении к этим ценностям становится также возможным истолковать и единый смысл всего исторического развития».²⁴⁰ Тем не менее, различаются «точки зрения ценности»²⁴¹ (мы бы сказали, акценты), которые лежат в основе различных философий истории. Иными словами, исследование может быть выполнено с разных позиций. Как В. Виндельбанд и В. Дильтей, признающие роль психологических факторов в создании картин мира, Г. Риккерт утверждает идею субъективного подхода к изучению истории, значительно развитую в последующих исследованиях по гносеологии и методологии истории.

Г. Риккерт критикует объективизм Л. Ранке, в исторических концепциях которого также уделяется большое внимание проблеме ценностей. По мнению Ранке, историк должен стремиться к познанию того, что в действительности

²³⁶ См.: Риккерт Г. Философия истории / Пер. С. Гессена. СПб., 1908. С. 48.

²³⁷ См.: Риккерт Г. Философия истории / Пер. С. Гессена. СПб., 1908. С. 51.

²³⁸ См.: Риккерт Г. Философия истории / Пер. С. Гессена. СПб., 1908. С. 57.

²³⁹ См.: Риккерт Г. Философия истории / Пер. С. Гессена. СПб., 1908. С. 99.

²⁴⁰ См.: Риккерт Г. Философия истории / Пер. С. Гессена. СПб., 1908. С. 100.

²⁴¹ См.: Риккерт Г. Философия истории / Пер. С. Гессена. СПб., 1908. С. 101.

происходило. Он признавал также вечные моральные законы. Это требование и послужило основой характеристики взглядов Л. Ранке как объективистских. Его взгляды восходят к воззрениям XVII – XVIII вв., в рамках которых государство рассматривалось как основа общественной жизни и основной объект исторического познания. В действительности Ранке достаточно субъективен в том смысле, что допускает оценки и суждения, непосредственно связанные с идеологией и политическими взглядами. Об этом свидетельствует его понимание исторического прогресса, присущего будто бы только романо-германским народам. **Объективность исследования выражается, но Ранке, в форме нарратива, т.е. повествования о событиях истории, реконструированных на основе детального анализа источников.** Одновременно с этим он отрицает наличие, каких бы то ни было исторических законов, кроме божественной идеи. Воззрения Л. Ранке сформировались под несомненным влиянием протестантизма, немецкой философии, политических воззрений, связанных с идеализацией старопрусской политической системы.²⁴² Идея объективизма сочеталась у Ранке с представлениями о познаваемости исторического процесса, являющегося отображением высшей ценности. В то же время он разделяет общую для религиозных историографий точку зрения о непознаваемости высшего смысла истории. Идиографичность подхода, проявляющаяся, в частности, в предпочтении, отдаваемом биографическому методу, соединяется у Ранке с критикой дидактической истории. Назначение исторического знания не в поучении и предвидении будущего, а в совершенствовании духа. Научность и объективность исторического описания обуславливаются высоким профессионализмом при изучении исторических источников.

Сторонники идиографического метода обращали большое внимание на проблему исторического факта. Они различали факт науки и факт действительности. А.С. Лаппо-Данилевский по существу подчеркнул зависимость факта науки от исходных условий исследования и исследовательской ситуации.²⁴³ Учёный глубоко понимал синтезирующий характер исторического знания, роль субъекта в его организации и в процессе познания. **Историк в состоянии познать деятельность какого-либо субъекта истории при условии самосознания своего собственного Я и его противопоставления чужому Я. Отношение к «чужой одушевленности» в традициях Канта трактуется как содержание нравственного постулата, которым руководствуется индивидуум в своей деятельности.**

Мы бы сказали, что такая оценка происходит с учётом ретроспективы событий, воззрений и ценностных установок, которые произошли и сформировались за период, разделяющий изучаемую историком эпоху и ту эпоху, в которую историк живет и пишет. «Чужая одушевлённость» на

²⁴² См.: Смоленский Н.И. О некоторых теоретико-методологических принципах исторической концепции Леопольда фон Ранке // Методологические и историографические вопросы исторической науки: Тр. Томского гос. ун-та. Томск, 1963. Т. 166. С. 150.

²⁴³ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 158.

имманентном уровне исследования реконструируется, по Лаппо-Данилевскому, путем усвоения «чужих» ценностных установок, путем соотнесения их со своими нравственными постулатами, а также благодаря общему целостному охвату изучаемой эпохи. Такой охват предполагает не только усвоение ценностей, но и понимание структур повседневности, условий жизни в изучаемую эпоху, а также всей совокупности каузальных и функциональных связей, обусловивших появление тех или иных событий.

В конце XIX – начале XX в. идеографические идеи В. Виндельбанда, Г. Риккерта переосмысливаются в плане отказа историческому знанию в научности, в попытках свести его к искусству. В известной мере релятивизм исторических концепций начала века был либеральной реакцией на позитивизм и рационализм с их жесткостью, слабо выраженным гуманитарным чувством, недооценкой роли в истории индивидуальных решений и мотивации. Философия Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, В. Дильтея с их идеями воли как основы жизни, а затем различные формы экзистенциализма определяют многие философско-исторические построения, провозглашающие ценность индивидуализирующего гуманитарного подхода.

Многотомное «Исследование истории» А. Тойнби, которое начинает выходить в свет с 1939 г., стоит несколько особняком в ряду релятивистско-субъективных концепций первой половины XX в.²⁴⁴ По Тойнби, историей правит божественная идея, к пониманию которой можно лишь приблизиться посредством интуиции и озарения. В рамках божественного плана носителем прогресса является творчество отдельных личностей. Тем не менее, Тойнби не отвергает полностью возможности объективного познания, подразделяя историю человечества на ряд цивилизаций. При этом все цивилизации имеют одинаковую схему развития, т.е. функциональный закон. Появление, развитие и упадок цивилизаций характеризуются такими факторами, как внешний божественный «толчок» и «энергия», «вызов» и «ответ» и, наконец, «уход» и «возвращение». Признается, таким образом, некоторое закономерное круговращение. Историческое время на манер античной историографии понимается, в известной мере, как циклическое. Выявление названных цивилизационных факторов позволяет отстаивать идею объективного исследования прошлого на оценочном уровне его изучения. Эта объективность создается, по мнению ученого, оценкой, связанной с сопоставлением конкретного материала с моделями, определяющими фазы развития цивилизаций.²⁴⁵

Для Тойнби большое значение приобретают **сравнения и аналогии**, позволяющие устанавливать циклы, оценивать развитие во времени. А. Тойнби упрекали в метафизике, теологии. Действительно, он ввел в свою концепцию метафизические постулаты, несовместимые с позитивным знанием в его традиционном понимании. Подобная критика и явилась во многом основой последующих релятивистских концепций XX в. Они интересны тем, что в их

²⁴⁴ См.: Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. СПб., 1995.

²⁴⁵ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 159 – 160.

рамках поставлены проблемы исторического понимания и объяснения. Впрочем, эти два вида гносеологических процедур еще слабо различаются и определяются единым общим наименованием «объяснение». Отвергая научность, равно как и претензии на объективность позитивистского видения истории, ученые (Р. Коллингвуд, П. Гейл, Ф.Дж. Теггарт) вовсе не отрицают научность исторического нарратива и не сводят историю к субъективизму. Казалось бы, что в русле этого направления произошел решительный разрыв не только с идеей правомерности использования в исторической науке точных методов, но и с признанием возможности исторического прогнозирования, значимости исторических событий и выводов, т.е. со всей совокупностью проблем дидактического подхода к истории. Однако те, кто отрицал позитивистскую концепцию истории, признавали профессиональные, основанные на критике источников занятия историей, а следовательно, на практике принимали всю или почти всю позитивистскую методологию истории.

В рамках соответствующих концепций развивались идеи роли в исторической науке интуиции, интерпретации, понимания. Соединение (разумеется, не механическое, а творческое) этих представлений с идеями, содержащимися в традиционной позитивной истории, восходящей к философскому эмпиризму и позитивизму, и подготовило последующее понимание исторического познания как познания комплексного.

Но это случилось позднее. Только в 70-80-х годах XX в. при построении новых, иногда называемых постпозитивистскими концепций вновь начинается сближение исторического и естественнонаучного знания, однако уже на другой основе. Выше говорилось, что постпозитивизм утверждает зависимость научной концепции от культурологического, социологического и миросозерцательного контекста, факт науки и факт действительности рассматриваются как находящиеся в сложной гносеологической связи.

Что же касается первых интуитивистско-субъективных реакций на позитивистскую историю, то их главная заслуга состоит в развитии принципа историзма. Последователи Гегеля Б. Кроче и Р. Коллингвуд развивали идею исторического процесса, противопоставляя её идеям неизменных ценностей, или природных факторов истории. История для Р. Коллингвуда – это история развития духа. Именно поэтому она в отличие от природы не может стать объектом адекватного отображения в сознании индивидуума.²⁴⁶

Еще Б. Кроче рассматривал историческое познание как серию познавательных процедур, направленных на конструирование прошлого в результате постижения его целостности и понимания смысла. Кроче противопоставляет хронику и историю. В хронике отсутствует акт понимания, но присутствует акт воли, благодаря которому происходит выбор фиксируемых событий.²⁴⁷ Коллингвуд отмечает специфический, необязательный характер

²⁴⁶ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 160.

²⁴⁷ См.: Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Шк. «Яз. русс. культуры», 1998. – 191 с. (Пер. с итальянского).

выводов об исторической причинности²⁴⁸, Основной метод исторического познания, по Коллингвуду, – это метод переигрывания (reenactment) изучаемой исторической ситуации. Исторический факт расценивается как перевоплощение мысли действующего лица в сознаний современного историка. Происходит, таким образом, признание субъект-объектной корреляции исторического знания. Тем не менее, исторический факт не всегда есть сама мысль или результат размышления исторического деятеля в прошлом, факт – это и результат его поступка. А этот результат может не только не соответствовать замыслу того, кто его осуществил, но и противоречить ему. Поэтому трудно безоговорочно согласиться с Коллингвудом в том, что история это история мысли и действий индивидуума, которые отражают эти мысли. Позднее представители школы Анналов заявили о невозможности постижения мыслей исторических деятелей прошлого и акцентировали изучение «мест памяти», материальных останков деятельности прошлого.²⁴⁹ Более удачно решение этой проблемы К. Поппером, который предложил изучение исторических ситуаций как совокупности внешних явлений и поведения человека.

В отличие от Г. Риккерта, к взглядам которого в известной степени восходят идеи Р. Коллингвуда, последний отказывался от признания ценностных установок любого порядка в качестве объективного критерия оценки действительности.

Р. Коллингвуд большое внимание уделил характеристике исторических доказательств и рассуждений. Коллингвуд отмечает специфику организации исторического знания, в котором отсутствует наблюдение, близкое к тому, которое имеет место в естественных науках. При этом он подчеркивает внимание к индивидуальному, характерное для исторических рассуждений. «При организации исторического знания историком подлинная ценность того, что нам известно о Столетней войне, обуславливается не его отношением к тому, что известно о других войнах, но его отношением к тому, что нам известно о других действиях людей в средние века». В этом высказывании содержится также идея имманентного подхода к изучению истории, идея постижения духа эпохи, менталитета и его связи с поступками людей. Полностью игнорируются не только возможности оценочного уровня исследования, но и сравнительная история. В настоящее время идея сравнительной истории пользуется большой популярностью.²⁵⁰ В частности, в программе 19 Международного исторического конгресса в 1995 г. в Монреале предполагается сравнительное изучение исторических обстоятельств крушения таких империй, как Римская, Византийская, Османская, Австро-Венгерская. Сравнительный метод широко используется при изучении всемирных цивилизаций.

Тем не менее, многие высказывания Р. Коллингвуда относительно

²⁴⁸ См.: Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

²⁴⁹ См.: Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993; Гуревич А.Я. История ментальностей и социальная история. //Вестник Рос. гуманитар. научнофонда.-М.,1999.-№3.-С.94-101; Гуревич А.Я. К пониманию истории как науки о человеке // Историческая наука на рубеже веков. – М., 2001. – С. 166 – 174.

²⁵⁰ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995.С. 161.

исторического рассуждения и организации знания не вызывают сомнения. Отправной точкой организации знания в точных науках является допущение, в истории – факты, отмечает Р. Коллингвуд.²⁵¹ Для разных видов наук характерны разные виды логического вывода. С точки зрения современного состояния наук представляется ошибочным учение Аристотеля о том, что истинность выводов можно определить исключительно с помощью их формального анализа. «Основой математического вывода является известная математическая обязательность, в силу которой человек, сделавший известное научное допущение, вынужден, сделав его, делать и другие». «В том, что называется индуктивным мышлением, нет такой обязательности. Сущность мыслительного процесса здесь состоит в том, что, сопоставив определенные наблюдения и найдя, что они составляют закономерную картину, мы экстраполируем последнюю на определенное множество других случаев...».²⁵² Однако описанная процедура не является логически принудительной. Экстраполяция в естественных науках имеет иную по сравнению с математикой гносеологическую природу. Исследователь считает себя обязанным экстраполировать, исходя из убеждений, в частности, имеющих религиозную основу и касающихся природы и её творца – Бога.²⁵³ В данном случае В. Коллингвуд, видимо, имеет в виду необходимость для исследователя в области естествознания иметь убежденность в наличии законов природы. В то же время каждый ученый в научной деятельности независимо от своих религиозных взглядов исходит непосредственно из законов и положений соответствующей науки, абстрагируясь от ее конечных метафизических оснований.

Далее, Р. Коллингвуд формулирует принципы профессиональной истории. «Историк имеет право и обязан, пользуясь методами, присущими его науке, составить собственное суждение о том, каково правильное решение любой программы, встающей перед ним в процессе его работы».²⁵⁴ Иными словами, историк всегда заново исследует уже исследованные ранее факты. Его выводы в отличие от общезначимых выводов физика это всегда его личное переживание и суждение. В отличие от Е. Бернгейма, предложившего содержательную классификацию истории, Р. Коллингвуд развивает теорию гносеологических различий, определенных видов историографии. Он выделяет ненаучную историю «ножниц и клея»²⁵⁵ и научную, задающуюся вопросом: «А что это суждение означает?».²⁵⁶ Первая сводится к отбору и комбинированию существующих свидетельств источников и различных авторитетов и утверждений. История «ножниц и клея» характерна для эпохи поздней античности и средних веков. С XVII в. получает распространение критическая история, разновидность истории «ножниц и клея», в основе которой лежит стремление определить достоверность сведений источников. Для научной истории, начиная с XIX в., характерно иное отношение к историческим

²⁵¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 239.

²⁵² Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 242.

²⁵³ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 243.

²⁵⁴ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 244.

²⁵⁵ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 245.

²⁵⁶ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 261.

свидетельствам. Естественно, степень их достоверности по-прежнему представляет несомненный интерес. Однако «общепринято мнение, что, если в источнике вы обнаруживаете утверждение, которое по каким-то причинам нельзя принять за безусловно истинное, вы не должны на этом основании отбрасывать его как бесполезное. Оно может быть определенным образом, и даже общепринятым способом, которым по обычаям того времени, когда оно было написано, выражали что-то, и вы, не зная тех обычаев, не понимаете его значения».²⁵⁷ Коллингвуд полагает, что подобная мысль впервые была высказана Дж. Вико. Мы видим, насколько подобная точка зрения отличается от изложенных выше взглядов последователей механистической социологии, например, Т.Г. Бокля, который абсолютизировал оценочное знание, полностью, исключая важность изучения менталитета исследуемой эпохи.

Научная история отличается, по Р. Коллингвуду, от истории «ножниц и клея», тем, что в рамках научной истории историк анализирует источник, поставив перед собой проблему, беря на себя инициативу в решении вопроса о том, что он хочет найти в них. Далее, историк «ножниц и клея» читает источники, исходя из допущения, что в них нет ничего, о чем бы они прямо не говорили читателю; научный же историк подвергает их пыткам, выжимая из них сведения, которые на первый взгляд говорят о чем-то совершенно ином, а на самом деле дают ответы на вопрос, который он решил поставить.²⁵⁸ Коллингвуд, как видно, разрабатывает не только основы имманентного уровня исследования, но и принципы исторической интерпретации, основанной на автопоэзисе, стремлении историка войти в контекст, знаковую систему изучаемой эпохи.

Начиная с Р. Коллингвуда, а также М. Мандельбаума²⁵⁹, формируются воззрения представителей англоязычной критической, или аналитической философии истории, в центре внимания которой находятся проблемы исторического познания.

В своих теоретических рассуждениях аналитики восходят к Г. Риккерт и, главное, В. Дильтею. Аналитическая философия истории, рассматривающая историю в основном как гуманитарное знание, преобладает вплоть до конца или середины 80-х годов нашего века²⁶⁰, когда начинает завоевывать позиции холистическое понимание истории, согласуемое с постпозитивистскими философскими воззрениями, реабилитирующими метафизику. В рамках холизма, как отмечалось, развивалась комплексная гносеология истории.

60-е годы характерны также распространением субъективизма, релятивизма как представлений об историческом познании.²⁶¹ Эти идеи восходят к экзистенциализму, распространение которого означало разочарование в мировой истории, скептическое отношение к возможности её научного

²⁵⁷ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 247.

²⁵⁸ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 256.

²⁵⁹ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 163.

²⁶⁰ Лооне Э.Н. Современная философия истории. Таллинн, 1980. С. 31.

²⁶¹ См.: Губман Б.Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций./ АН СССР. - М.: Наука, 1991.- 189с.

изучения. Отрицается смысл таких понятий, как развитие, тенденция, социальные преобразования. На первый план выступает, по мнению К. Ясперса, идея судьбы. Многие экзистенциалистские идеи смыкаются с мистицизмом, концепциями неотомистов.

Американский релятивизм и субъективизм как разновидности аналитической истории тесно связаны также с именами **Ч. Бирда и К. Беккера**, основная деятельность которых приходится ещё на 20-е годы XX в. Эти историки резко критиковали позитивистское видение исторической науки, утверждали субъект-объектную корреляцию исторической истины, личное воздействие историка на результаты его исследования.²⁶² Если Л. Ранке считал, что следует изучать то, что действительно происходило, то Ч. Бирд заявил, что подобные претензии абсолютно беспочвенны, так как в силу самой природы исторического процесса историки не могут нейтрально относиться к тому, что они изучают.²⁶³ В дальнейшем позиция релятивизма была выражена У. Уолшем, который в соответствии с античным подразделением знания на мнение и науку склоняется к тому, что история – это мнение. Объективность понимается лишь в рамках определенной концепции как логическое соответствие выводов и гипотез. В центре анализа исторического познания в такой интерпретации находится ситуационная логика, а также логика доверия, с помощью которой утверждается доверие к определенному мнению.

Однако абсолютный релятивизм, столь противоречащий убеждениям историков-практиков, неизменно ставящих цель реконструировать и понять прошлое, никогда не имел значительного успеха.²⁶⁴ Всегда имела место дискуссия между теми, кто, с одной стороны, придерживался релятивистско-субъективистских взглядов и, с другой – теми, кто признавал объективность исторического познания, настаивая на необходимости изучения особенностей исследовательской ситуации в истории как гносеологической проблемы, а также ссылаясь на общезначимость фактологической основы исторической науки. Именно, с этих позиций выступил М. Мандельбаум, противопоставивший суждение факта ценностному суждению в истории.²⁶⁵ Мандельбаум признает причинную зависимость между фактами, формирующую события, и признает возможность ее реконструкции. Взгляды Мандельбаума восходят к Канту и более ранней социологии истории, он утверждает значимость общих философских критериев для получения объективного знания. В то же время **в духе Канта, Дильтея, Риккерта Мандельбаум противопоставляет историю и естественные науки. История для Мандельбаума – особый вид эмпирического знания.**

Одновременно и параллельно с антипозитивистскими концепциями развивается неопозитивизм, в рамках которого разрабатываются гносеологические и логические принципы любого научного знания. Для неопозитивистской

²⁶² Уйбо А. Теория и историческое познание. Таллинн, 1988. С. 192.

²⁶³ Уйбо А. Теория и историческое познание. Таллинн, 1988. С. 192.

²⁶⁴ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 164.

²⁶⁵ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 165.

философии истории характерно признание роли в истории общих социологических и психологических факторов. Соответственно, в историческом познании, по мнению неопозитивистов, значительную роль играет объяснение, т.е. сопоставление изучаемых явлений со стандартами поведения, мышления, типами, структурами отношений повседневности.

По мнению К. Гемпеля, в исторической науке практикуется не совсем корректное, точнее, имплицитное «подведение под закон», т.е. применяются объяснительные процедуры. При этом Гемпель считает, что философы не должны предписывать науке определенные правила, они должны изучать те правила, которые порождает сама аналитическая деятельность историка.²⁶⁶ Именно этот принцип, разделяемый и другими представителями аналитической истории, такими, как Э. Нагель, П. Гардинер, У. Дрей, обусловил само название этого направления, примыкающего к неопозитивистской традиции, а частично восходящего к лингвистической школе Л. Витгенштейна. П. Гардинер считал утверждения, используемые в исторической науке, донаучным. Исторические обобщения близки к обобщению в обыденной жизни. Основой для такого заключения послужил факт отсутствия в исторической науке технического языка. Однако в историческом исследовании используются общие и частные исторические понятия, связанные с общими и частными концепциями и картинами мира. Их содержание, способ сочетания процедур понимания и объяснения являются, как было показано выше, сугубо специфическими, свойственными истории как общественно-гуманитарному знанию. Даже популярная историография, написанная так, что может заинтересовать каждого человека, в том числе и не являющегося специалистом в области истории, учитывает большой объём «готового» знания не только по содержанию, но и способу сочетания познавательных процедур, не может быть идентифицировано с рассуждениями на уровне обыденного сознания.

Но внешне это сходство действительно присутствует. Оно состоит в том, что в истории также, как в обыденном рассуждении на уровне здравого смысла, многие исследовательские процедуры, в том числе подведение под закон, а также общая концепция присутствуют неявно. Но комплексный подход в гносеологии истории, в рамках которого осуществляется количественная обработка информации, использование банков данных на машинных носителях требуют, как мы старались показать, предварительной эксплицитной формулировки исторической концепции и ее частичной формализации. Выше приведен пример частичной формализации концепции имущественного расслоения средневековых зависимых крестьян, характеризующий особенности объяснительных процедур в истории. Этот пример показывает, что, несмотря на отсутствие в истории, равно как и в социологии, политологии и других видах обществоведческого знания, технического языка концепции формулируются на основе учёта специального знания.²⁶⁷ При этом нужно заметить, что

²⁶⁶ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995.С. 165.

²⁶⁷ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995.С. 166.

профессиональная история, хотя и лишена технического языка как такового, но использует множество специальных терминов и понятий.

Многие из аналитиков показали, что **объяснительные процедуры присутствуют в историческом исследовании неявно** и используются при изучении общих проявлений какой-либо серии событий, т.е. ситуаций в пространстве и тенденций во времени, и анализе причин отдельных событий или их реконструкции на основе данных источников.

Внимание историков к проблемам исторического объяснения постепенно привело к постановке проблем исторического нарратива. Действительно, **именно историческое повествование, или нарратив, является репрезентацией исторического знания, именно анализ нарратива обнаруживает своеобразное сочетание процедур понимания и объяснения.** Однако многие исследователи нарратива в духе критической или аналитической философии истории не подчеркивают специально **различия между объяснением как «подведением под закон» и пониманием как целостным охватом предмета.**²⁶⁸

Тем не менее, исследователи нарратива сделали много полезного для уяснения причинного анализа при изучении единичных исторических событий. Одновременно с этим они рассматривают его как форму сознания, присущую человеку и предназначенную для проникновения в содержание отдельных событий». Нарратив противопоставляется естественным и точным наукам, в частности, в рамках нарратива отсутствуют процедуры, обуславливающие предвидение.²⁶⁹ Интересны замечания сторонников нарратива об отличии исторического нарратива от хроники. Оно состоит, например, в том, что суждения, включенные в нарратив, не обязательно отражают строгую хронологическую последовательность событий, они учитывают ретроспективу. Например, утверждается: «В 1618 г. началась Тридцатилетняя война», но она, как это понятно, стала называться Тридцатилетней только после своего завершения.²⁷⁰

Однако воззрения нарративистов сразу же вызвали ряд возражений. **Критика касалась проблем неполноты и недостаточности исторического нарратива для исчерпывающей характеристики особенностей исторического познания.** В частности, отмечался тот несомненный факт, что нарратив фиксирует уже «готовое» знание, тогда как вне повествования остаются все те исследовательские процедуры, которые приводят к формированию знания. Например, в каждой исторической работе сознательно отбирается материал: источники, литература, факты, которые включаются в работу.²⁷¹ Мотивы и цели исследователя, а не только его научная концепция присутствуют в нарративе неявно.

Проблема понимания отчетливо поставлена в 70-х годах в неотомистской философии истории.²⁷² Ж. Маритен настаивал на синтетическом охвате

²⁶⁸ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 166.

²⁶⁹ Лооне Э.Н. Современная философия истории. Таллинн, 1980. С. 51.

²⁷⁰ Лооне Э.Н. Современная философия истории. Таллинн, 1980. С. 52.

²⁷¹ Лооне Э.Н. Современная философия истории. Таллинн, 1980. С. 54.

²⁷² Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие

явлений, тотальной картине. Ж. Ладриер различал событийную, описательную историю и историю понимающую, подразумевающую каузальный анализ. Смысл истории раскрывается во временности. Присущая познанию тотальность восходит к способности души к тотальному постижению бытия. Задача гносеологии истории состоит в понимании смысла исторического существования. Мир истории – это проявление человеческой уникальности. В процессе познания постигается временной момент (кайрос): т.е. соотношение человеческого деяния и обстоятельств.²⁷³ Таким образом, в духе Августина мирская история трактуется как умопостигаемая, наделенная смыслом.

В рамках различных философий истории примерно с 60-х годов XX в. формируется комплексное понимание истории, тесно связанное с развитием количественного и формального подходов к исторической науке. В этой связи возрос интерес к концепции К. Поппера, осуществившего известную модификацию неопозитивизма.

К. Поппер придавал большое значение анализу исследовательских процедур в исторической науке. По его мнению, эти процедуры во многом могут быть отождествлены с теми, которые используются в физике. Поппер резко критикует «историцизм», т.е. историцизм за попытку обнаружить «законы эволюции», дающие возможность осуществлять предсказание. Подробно разбирается аргументация противников возможности применения количественных методов в исторических исследованиях. Историцисты, как пишет К. Поппер, считают, что в социальных науках нет ничего, что можно было бы «сравнить с математически сформулированными причинными законами физики».²⁷⁴

Поппер справедливо акцентирует черты, как сходства, так и различия естественнонаучного и историко-социального познания.

Действительно, полностью неизменное в обществе отсутствует, но имеются относительно устойчивые явления, сохраняющие на протяжении времени качественную однородность. Таковы и общественные ценности, и институты, составляющие содержание цивилизаций, а также, допустим, такие повторяющиеся отношения, как распределение материальных благ, расстановка классовых и вообще социальных сил, социально-политическое поведение в пределах фиксированного пространственно-временного диапазона и т.д. Поппер, несмотря на отрицательное отношение к историцизму пишет: «...некоторые здоровые элементы в историцизме, несомненно, есть: прежде всего, историцизм – это реакция на наивную интерпретацию политической истории, как истории великих тиранов и великих генералов».²⁷⁵ Философ ссылается на «Войну и мир» Л.Н. Толстого. «Толстой доказывает и, на мой взгляд, успешно, какое малое влияние имели действия и решения Наполеона, Александра I, Кутузова и других великих лидеров 1812 года в сравнении с тем,

для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 167.

²⁷³ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 166.

²⁷⁴ Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 21.

²⁷⁵ Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 171.

что можно назвать логикой событий».²⁷⁶

Признание К. Поппером логики событий – одно из главных достижений в его анализе исторического познания. Не отрицая наличия общих исторических законов, К. Поппер в то же время отмечает то, что они «по большей части тривиальные и не осознанные историком, совершенно не способны выполнять... функцию», которую выполняют законы в теоретических науках, в которых они «диктуют интерес, исходя из которого производятся наблюдения или же представляют собой точки зрения, с которых эти наблюдения ведутся». Это высказывание слишком прямолинейно, точки зрения, направляющие исследование, есть и в истории, однако в ней отсутствует аксиоматическое знание. Можно было бы добавить, что понимание и формулировка исторических законов, точнее, исторических тенденций, не носящих тривиального характера, также играет немалую познавательную роль, хотя такие законы не могут рассматриваться как общие, т.е. универсальные, они соответствуют определенному пространственно-временному диапазону. Поппер в итоге не отрицает все идеи историцистов, но возражает против их неоправданного абсолютизирования. Он справедливо полагает, что, «если мы сознательно принимаем точку зрения, формулируем ее и всегда помним, что это лишь одна из множества точек зрения и, сколько ни поднимай ее до уровня теории, проверке она не поддается».²⁷⁷ Иными словами, Поппер признал роль исследовательской ситуации в формировании исторического познания и роль ситуационной логики; и в этом его другая важная заслуга.²⁷⁸

Целесообразно специально остановиться на проблемах русской гносеологии истории конца XIX – начала XX в. В целом в России имелись последователи всех наиболее популярных европейских школ, характеризующих новейшую философию и гносеологию истории, а именно, кантианство, гегельянство и позитивизм. Большинство русских теоретиков признавало научный и одновременно специфический характер исторического познания и знания. В. Герье писал: «...история есть наука, и имеет целью изыскание истины».²⁷⁹ Эту истину усматривали в критическом анализе источников и беспристрастном изложении материала. Неокантианец А.С. Лаппо-Данилевский писал, что теория познания устанавливает то значение, которое наше сознание придает знанию, его априорным и эмпирическим элементам, те «конечные основания, в силу которых мы признаем его достоверным и общезначимым».²⁸⁰ Однако тот же Герье далее добавляет: «Правда, субъективный элемент будет всегда играть в ней (истории. – К.Х.) важную роль, и притом не только тот, который вносится личностью историка, но и тот, который обуславливается уровнем образования, нравственным состоянием, складом ума целой эпохи».²⁸¹ И все же психогенетические факторы научного познания имеют вспомогательное

²⁷⁶ Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 170.

²⁷⁷ Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 174.

²⁷⁸ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 168.

²⁷⁹ Герье В. Философия истории. М., 1912. с. 3.

²⁸⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Вып. 1. С. 3.

²⁸¹ Герье В. Философия истории. М., 1912. с. 3.

значение.²⁸² В частности, Герье противопоставляет интуитивное творческое воображение научному методу.²⁸³

Наряду с этим своеобразная гносеология истории развивалась в рамках русской религиозной философии с её идеей всеединства, восходящей к греческой патристике и восточнохристианскому богословию. Идеи П.А. Флоренского, В.Н. Лосского, В.С. Соловьева, А.В. Флоровского, Н.А. Бердяева и др., интересны тем, что **сочетают интуитивизм и логику, опыт и абстракцию, создавая тем самым отдаленные философские предпосылки комплексного подхода к изучению истории.**

В.С. Соловьев возлагал надежды на преобразование всего будущего человечества посредством теософии.²⁸⁴ В основе его философии лежит идея всеединства, согласно которой существует **некое единство всего познавательного опыта, объединенное разумом познающего субъекта.** В отличие от Канта Соловьев признавал реальность чувственных восприятий, которым разум придает форму необходимости и всеобщности. Выше говорилось об идеях византийского мистика XIV в. Григория Паламы, его представлениях о цельности, единстве разума и мистического созерцания. Идея всеединства подразумевает внимание к субъекту-исследователю, а также целостность понимания изучаемого объекта. В этом смысле эта идея интересна с точки зрения комплексного изучения истории. Внимание В.Л. Соловьева и к единичному, и к общему – характерная черта российской философии истории, в целом отличающая её как от кантовской и гегельянской, так и от позитивистской западноевропейской традиций. Абсолютное, по В.Л. Соловьеву, это и единичное и общее. Позиция эта содержит своеобразное теоретическое обоснование **комплексного подхода к истории, основанного на включении в рассуждение метафизических принципов.**

Известна резкая антипозитивистская направленность концепции Соловьёва, рассматривавшего позитивизм как философию, в которой нет места человеку. История, по мнению В.С. Соловьева, – собственная форма свободы. Вера есть измерение свободы, поскольку вера – это интуитивное, совершающееся свободно постижение истины. Исторический процесс рассматривается как развитие органического целого. Соответственно, **познание этого целого также обладает цельностью.** В.С. Соловьев предлагает **систему органической логики,** которая названа им эмбриологией. Это – стремление создать логику, способную оценить развитие общественного организма как целостной системы.²⁸⁵

Последователь Гегеля Б.Н. Чичерин известен своей пятитомной историей общественных учений. Чичерин в духе российской философии также признавал **единство опыта и знания.**²⁸⁶ Сам Чичерин называл свое учение универсализмом.

Основанием идеи всеединства является представление о полноте бытия как основной идеи творения. В воззрениях Б.Н. Чичерина большую роль играет

²⁸² Герье В. Философия истории. М., 1912. с. 4.

²⁸³ Герье В. Философия истории. М., 1912. с. 7.

²⁸⁴ См.: Лосский И.О. История русской философии. М., 1991. С. 127.

²⁸⁵ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра как нравственная система. М, 1894.

²⁸⁶ См.: Чичерин Б.Н. Основания логики и метафизики. СПб., 1899. С. 178.

идея причинности.²⁸⁷ Человеческое общество должно стать «организованной нравственностью».²⁸⁸ Нравственные принципы создают ту систему ценностей, которая лежит, по Чичерину, в основе оценки общественных воззрений и институтов прошлого. Однако в отличие от нравственных принципов, понимаемых в неокантианстве и позитивизме как объективные, Б.Н. Чичерин допускал в духе Гегеля метафизический интуитивизм в познании общественных явлений, личный субъективизм, возводимый в соответствии с идеей восточного христианства до объективной значимости.

Конкретное единство сущего, распространяемого на природу и временную деятельность человека, является выражением зависимости истины от абсолютного, по мнению князя Е.Н. Трубецкого. Даже единичное суждение типа «Брут убил Цезаря», выражающее конкретный исторический факт посредством абстракции как важнейшего гносеологического приема, включается в единую вневременную связь.²⁸⁹ Целостность восприятия прошлого, равно как и настоящих общественных событий, – основной принцип гносеологии истории.

Нельзя обойти вниманием работу Л.П. Карсавина «Философия истории». Понятие истории в духе идеи всеединства бытия и целостности познания трактуется у Карсавина расширительно, превращаясь по существу в идею общей гносеологии всякого бытия. Действительно, он пишет: «...высочайшая цель исторического мышления состоит в том, чтобы осмыслить весь космос, все сотворенное всеединство как единый развивающийся субъект».²⁹⁰ «История в узком смысле этого термина изучает развитие человечества как единого всепространственного и всевременного субъекта».²⁹¹ Специфическим моментом в воззрениях Карсавина является то, что он отвергает идею причинности в историческом бытии и соответственно метод причинного анализа в истории. Мы бы сказали, используя современную терминологию, что Карсавин признает функциональную целостную взаимосвязь различных компонентов исторического и, шире, общественного бытия в его мистическом единстве с высшими трансцендентными и метафизическими началами.

Большое значение в концепции Л.П. Карсавина придается пониманию развития, которое трактуется как иерархическая система реализации идеи космического всеединства. Для Карсавина отсутствует проблема индивидуального единичного, равно как и общего. Всякую индивидуальность он воспринимает как абсолютное выражение определенной целостности. Соответственно, он отвергает противопоставление индивидуализирующего и генерализирующего подходов к изучению истории человечества, поскольку «само универсальное есть некий конкретный индивидуум».²⁹² Как видно, для Л.П. Карсавина целостность в соответствии с философской идеей всеединства – основа не только онтологии и гносеологии, но и методологии истории.

²⁸⁷ См.: Чичерин Б.Н. Основания логики и метафизики. СПб., 1899. С. 271.

²⁸⁸ См.: Чичерин Б.Н. Принципы этики // Вопросы философии и психологии. 1897. С. 640.

²⁸⁹ См.: Трубецкой Е.Н. Метафизические предположения познания. М., 1917.

²⁹⁰ Карсавин Л.П. Философия истории. М., 1993. С. 77.

²⁹¹ Карсавин Л.П. Философия истории. М., 1993. С. 79.

²⁹² Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 127.

Мало внимания мы уделяли работам по проблеме гносеологии и логики истории, созданным в рамках марксизма в СССР. Однако это сделано не потому, что эти исследования не представляют интереса. Перенос акцента на рассмотрение европейских и русских дореволюционных традиций в изучении соответствующих проблем объясняется стремлением проанализировать менее известные идеи.

В то же время несомненно, что отечественные исследователи, изучавшие гносеологию и методологию истории, сумели обойти идеологические барьеры и разработать многие проблемы. Выше по ходу изложения упоминались работы И.Д. Ковальченко, М.А. Барга, А. А. Гульги, А.И. Ракитова, Н.И. Смоленского и др. Специально привлекались исследования ученых эстонской школы философии истории: А. Порка, Э. Лооне, А. Уйбо. Особенно велики достижения отечественных ученых в области разработки принципов количественной истории. Выше упоминалось фундаментальное и синтезирующее исследование И.Д. Ковальченко, создавшего в 60-е годы на историческом факультете в МГУ первую в России лабораторию по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях.

Мы попытались показать лишь стержневые проблемы, которые так или иначе относятся к комплексному подходу в гносеологии истории, подходу, который, как мы неоднократно подчеркивали, является наиболее современным, новаторским и перспективным.²⁹³

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы старались показать специфические особенности гносеологии и логики исторического исследования как комплексного познания, включающего обществоведческий и гуманитарный аспекты, интерес к общему и индивидуальному в истории – событиям и поведению, явлениям, отношениям и ситуациям, диахронии и синхронии в обществе, историческим личностям.

Обобщая и резюмируя все сказанное выше, целесообразно выделить следующие аспекты. В гносеологическом плане историческое исследование представляет собой специфическое сочетание процедур понимания и объяснения. Мы полагаем, что этот вид сочетания может быть обнаружен при комплексном подходе к изучению исторического знания, позволяющем анализировать само познание с помощью формальных методов. Благодаря их использованию появляется возможность воспроизвести названные, неявно присутствующие в конкретных исследованиях процедуры.

Одна из основных проблем логики исторического познания – это создание логических языков, характеризующих познание на каждой из четырех исследовательских стадий. Посредством таких языков возможно описание процесса как упорядоченного во времени множества ситуаций, существующего в некоторой меняющейся и индивидуализированной среде.

Важной проблемой является дифференциация рассуждений: построение

²⁹³ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 171.

теории логики открытия, т.е. средств извлечения зависимостей из фактов (сюда относятся правдоподобные рассуждения, на основе которых формулируются методы порождения гипотез), построение логики доверия, которая является средством оправдания (принятия) или опровержения (непринятия) утверждений, являющихся либо извлечениями из источников, либо априорными предположениями (гипотезы, порожденные из множеств фактов, т.е. гипотезы «за» и «против», могут служить средством логики доверия). Фрагментом логики доверия является логика аргументации, служащая средством принятия или непринятия множеств утверждений на основе предъявленного списка аргументов «за» или «против» (логики этого типа являются многозначными).

Наконец, важной проблемой является создание основ теории исторических гуманитарных понятий. Понятие есть результат некоторого упорядочения знаний, релевантных некоторому терму. Это упорядочение состоит в перечислении содержания понятия (множества высказываний, релевантных терму), в выделении и обзоре экземплификаций понятия, т.е. тех ситуаций, к которым относится данное понятие (понятие «цивилизация» охватывает античную, средневековую, христианскую, исламскую культуру).

Построение логики гуманитарного и общественного знания имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. Последнее определяется современными задачами представления знания в системах искусственного интеллекта (ИИ). Подобные системы могут быть, в свою очередь, использованы для изучения менталитета и ментальности прошлых эпох. С их помощью можно сопоставлять стереотипы сознания с индивидуальным творчеством отдельных личностей. Проблема представления знаний в системах ИИ тесно связана с использованием не только декларативного, но и понятийного знания (началом такого понимания являются фреймовые конструкции).

Интеллектуальные системы, использующие строение гуманитарных понятий, средства логики открытия и логики доверия применимы в ряду полезных задач социальных (поведенческих) наук. Развитие же ситуационной логики даст возможность применять интеллектуальные системы для анализа, имитации и прогнозирования социальных процессов.

Следующей чрезвычайно важной проблемой, характеризующей специфические черты гносеологии истории, является соотношение объективности и субъективности исторического познания. Корни постановки этой проблемы уходят в античность и средневековье. При том, что историк-практик сознательно и бессознательно стремится к объективному знанию, на уровне рефлексии об историческом знании и познании всегда в той или иной мере признавалась субъект-объектная корреляция, субъективность исторического и вообще гуманитарного познания. Поэтому взгляды историка-практика и теоретическая гносеология истории составляли как бы внешнюю антиномию, которая неодинаково снималась представителями разных школ и направлений. Интуитивное понимание субъективности исторического познания было присуще многим аналитикам прошлого, однако на теоретическом уровне эта черта исторического познания как разновидности гуманитарного познания в

целом была сформулирована лишь постпозитивистами под влиянием экзистенциализма, психологизма, современной религиозной философии, структурализма. Тем самым была признана правомерность и значимость не только исторического и гуманитарного познания, но, шире, – гуманитарного сознания. Однако и теперь на практическом уровне изучения истории любая субъективность, проявляющаяся в разных выводах из одного и того же материала источников, рассматривается как недостаток, объявляется безусловная справедливость лишь одной позиции, забывается многоаспектность объекта исторического изучения. Сказанное не означает, естественно, наличие действительно ошибочных положений, связанных с недостаточной компетентностью историков или неверными сведениями в источниках. Речь идет о расхождении на уровне интерпретации данных, расстановки акцентов и выбора различных аспектов.²⁹⁴

Мы старались показать специфическую роль псевдоаксиом в историческом познании. Они не являются основанием для выводного дедуктивного знания. Их роль в исследовании совершенно иная. Действительно, мы привели выше «аксиомы», характеризующие поземельное расслоение средневекового крестьянства. Они звучат так: потеря некоторой части надела означает обеднение и, соответственно, приобретение некоторой части надела означает обогащение. Очевиден тривиальный характер этих аксиом и соответствующих им закономерностей отношений повседневности. Не менее очевидно и то, что эти аксиомы не могут стать основой для построения не только аксиоматической теории расслоения средневековых крестьян, но и отдельных дедуктивных выводов. Это не означает, что подобные «аксиомы» не имеют познавательного значения. Напротив, это значение велико. «Аксиомы» используются в процессе исторического рассуждения, итог которого – важный вывод, не являющийся, однако, следствием дедуктивной аксиоматической теории, но полученный путем сопоставлений, аналогий данных, взвешивания аргументов, т.е. в итоге некоторой системы рассуждений. Нам представляется, что приведенный выше пример изучения поземельного расслоения средневековых крестьян убедительно проиллюстрировал специфическую роль псевдоаксиом в историческом исследовании. Подобные утверждения, являющиеся в логическом плане суждениями факта, отражают в онтологическом плане как примарный, так и сложный факт. Констатировав эти факты, столь очевидные или более сложные, историк получает те постулаты, которые определяют ход его дальнейших рассуждений, аргументацию, логику доверия, ситуационную логику.

Псевдоаксиомы как основа для исторических рассуждений часто выполняют функцию гносеологических приоритетов в рамках исторической теории. Например, именно так обстоит дело с теорией А. Тойнби, утверждающего гносеологический приоритет изучения цивилизаций и считающего, что в основе цивилизационного развития человечества в феноменологическом плане находятся такие факторы, как божественный вызов,

²⁹⁴ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995. С. 173.

толчок и ответ человечества.

В этой связи возникает вопрос, который показывает специфическую парадоксальность исторического познания. (Вообще всякое познание парадоксально и поэтому мы говорим о специфических особенностях именно знания исторического.) Как же формируется то положительное знание, в наличии которого убежден историк-практик, и отсутствие которого означало бы отсутствие вообще всякого предмета для разговора об истории как знании? Мы говорили об исследовательской ситуации, четырех стадиях анализа, понятиях, логике, сочетании цельности и аналитики, общего и индивидуального, наличии «псевдоаксиом». Все эти факторы обусловили четкую организацию знания, возможность его частичной формализации, создание баз и банков данных в соответствии с однородными критериями. Иными словами, создается специальный вид знания, который может быть условно назван позитивным.²⁹⁵

Это название не имеет ничего общего с позитивизмом, а предполагает систему обработки материала с помощью специальных методов, отсутствие противоречий, соблюдение правил, которые введены в данную исследовательскую ситуацию. Такое знание может быть объектом научной рефлексии, гносеологического анализа. Именно оно может быть комплексным, так как включает необходимые условия для создания баз и банков данных – основы применения формально-количественных методов и логических средств. Кроме того, оно обладает той полнотой, которая необходима для целостного интуитивного охвата объекта изучения и той последовательностью, которая позволяет вести научные дискуссии, лишённые противоречий. Подобное знание предполагает мотивацию выбора предпосылочного знания и прочих эвристик. В этом случае оно закончено и беспристрастно в пределах сконструированной исследовательской ситуации. В рамках такого знания может быть снята антиномия субъективности и объективности в том смысле, что четко фиксирована функция и тех и иных умозаключений. Подобное снятие антиномии отвечает современному уровню знания и исторической информатике. Оно устраняет, в частности, антиномию номотетического и идеографического подходов в истории.

Говоря об истории будущего, часто стараются подчеркнуть важность гуманитарного аспекта исследования. Значимость таких утверждений бесспорна, хотя уже далеко не нова. Поэтому, говоря о перспективах исторического знания и познания, мы считали целесообразным подчеркнуть актуальность исторической информатики, способной в будущем внести существенные качественные изменения в организацию исторического знания, сделав его комплексным, позитивным и одновременно общественным в одних аспектах своего проявления и гуманитарным – в других.²⁹⁶

²⁹⁵ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995.С. 174.

²⁹⁶ Хвостова К.В., Финн В.К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки / Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Наука, 1995.С. 175.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (К.В. Хвостова).

Глава I. Общие особенности современной гносеологии истории (К.В. Хвостова, В.К. Финн).....	6
Глава II. Эпистемологические принципы комплексного подхода в исторической науке (К.В. Хвостова).....	36
Глава III. Теоретические предпосылки комплексного направления в гносеологии истории (К.В. Хвостова).....	53
Глава IV. Логика исторических рассуждений (К.В. Хвостова, В.К. Финн).....	73
Глава V. Методы исторического исследования (К.В. Хвостова).....	97
Глава VI. Гносеология и логика истории в историческом срезе (от античности до наших дней) (К.В. Хвостова).....	125
Заключение (К.В. Хвостова, В.К. Финн).....	172